

**AZƏRBAYCAN
TARİXİ ŞƏCƏRƏ CƏMIYYƏTİNİN**

XƏBƏRLƏRİ

ALTINCI BURAXILIŞ

**"Adiloğlu" nəşriyyatı
Bakı 2007**

Azərbaycan Tarixi Şəcərə Cəmiyyətinin Xəbərləri.
Altıncı buraxılış. Bakı: «Adiloğlu», 2007. 168 səh.

ISBN 978-9952-25-073-2

Код: 21

© Azərbaycan Tarixi Şəcərə Cəmiyyəti, 2007
© «Adiloğlu» nəşriyyatı, 2007

AZƏRBAYCAN TARİXİ ŞƏCƏRƏ CƏMİYYƏTİNİN XƏBƏRLƏRİ

ALTINCI BURAXILIŞ, 2007

Redaksiya hey'əti:

*E.E.İsmayılov (baş redaktor),
K.A.Qacar, Ç.O.Qacar, A.A.Molçanov,
A.T.Xanlarov (icraçı redaktor)*

MÜNDƏRİCAT

NƏSİL ŞƏCƏRƏSİ

İsmayılov E.E. Usmiyev knyazları Azərbaycanda (rus dilində)	7
Cavanşir N.A. Abraxanovlar. Nəsil şəcərəsi (rus dilində)	43
Çingizoğlu Ə. Əbülfət xan Qarabağlının törəməsi	55
Çingizoğlu Ə. İrəvan xanları, onların mənşəyi və nəsiləri	71

GENEALOGIYA VƏ EMBLEMATIKA

Əhmədov S.Ə. Azərbaycan xanlarının hakimiyyət rəmzləri (Milli Azərbaycan Tarixi Muzeyi kolleksiyasından) (rus dilində).....	78
--	----

AZƏRBAYCAN NEKROPOLU

Abutalıbov R.A. (Moskva). Qürbətdə qəbirlər (rus dilində)	86
İsmayılov E.E. Fransada Azərbaycan nekropoluna aid materialları (rus dilində)	90

SİMPOZIUMLAR, KONFRANSLAR

Nağdəliyev F.F. (Moskva). Rusiya imperator ordusu tərkibində Azərbaycan Kəngərli süvariləri. XII Savyelov oxumaları üçün hazırlanmış məruzə. Moskva, 9–10.10.2005-ci il (rus dilində)	95
---	----

ARXIV SƏNƏDLƏRİ

- Əhmədov S.Ə. Azərbaycan Respublikası Dövlət tarix arxivində
Şuşa və Bakı bəy komissiyalarının materialları (rus dilində) 118
- Abramyan R.M. (Moskva). Erivan bəy komissiyasının materialları
genealoji mənbə kimi (rus dilində) 125
- Cəvad Əhməd oğlu Həyatovun E.Ə.İsmayılov tərəfindən çapa
hazırlanmış arxiv materialları (metrikalar, şəhadətnamələr və s.)
(rus dilində) 134

BİBLİOQRAFIYA, RESENZİYALAR

- Nuriyeva Z.A. (Moskva). Cangirbəyovlar öz nəsil ağaclarını yaradırlar
(Q.N.Qəhrəmanovun «Cangirovlar» kitabı barəsində:
Qəhrəmanov Q.N. Cangirovlar. Bakı, 2002. 368 s., ill., 500 nüsxə)
(rus dilində) 137
- Molçanov A.A. (Moskva). Rusiya ordusunda ən şücaətlilər sırasında
(E.Ə.İsmayılovun «Georgi kavalərləri – azərbaycanlılar» kitabı
barəsində: Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры –
азербайджанцы. Москва: Герои Отечества, 2005. 248 с., ил.
1000 экз.) (rus dilində) 142
- Pçelov E.V. (Moskva). Xan nəslı Rusiyanın xidmətində
(F.F.Nəğdəliyevin «Xan Naxçıvanskiyə Rusiya İmperiyasında»
kitabı barəsində: Нагдалиев Ф.Ф. Ханы Нахичеванские
в Российской Империи. Москва: Новый Аргумент,
2006. 432 с., ил. 1000 экз.) (rus dilində) 145
- Rüstəmzadə P.Q. Eldar Mansurovun «Mansurovlar» kitabı barəsində.
(Bakı: «EQ» nəşriyyatı, 2007. 128 s., ill., 300 nüsxə)
(rus dilində) 151
- Aşurlı R.S. Əfsanəvi qadın. S.B.Aşurbəlinin anadan olmasının 100 illiyi.
(rus dilində) 153

**«ATŞC-nin XƏBƏRLƏRİ» MƏCMUƏSİNİN ALTINCI
BURAXILIŞINDAKI MƏQALƏLƏRİN MÜƏLLİFLƏRİ..... 165**

ИЗВЕСТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ИСТОРИКО-РОДОСЛОВНОГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСК 6, 2007

Редакционная коллегия:

*Э.Э.Исмаилов (главный редактор),
К.А.Каджар, Ч.О.Каджар, А.А.Молчанов,
А.Т.Ханларов (исполнительный редактор)*

СОДЕРЖАНИЕ

РОДОСЛОВИЯ

Исмаилов Э.Э. Князья Уцмиевы в Азербайджане	7
Джаваншир Н.А. Абрахановы. Поколенная родословная роспись	43
Чингизоглу Э. Потомки Абульфат хана Карабахского	55
Чингизоглу Э. Ханы Эриванские, их происхождение и потомки	71

ГЕНЕАЛОГИЯ И ЭМБЛЕМАТИКА

Ахмедов С.А. Атрибуты власти азербайджанских ханов (из коллекции Национального Музея Истории Азербайджана) ...	78
---	----

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Абуталыбов Р.А. (Москва). Могилы на чужбине	86
Исмаилов Э.Э. Материалы к азербайджанскому некрополю во Франции	90

ДОКЛАДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

Нагдалиев Ф.Ф. (Москва). Азербайджанская конница Кенгерли в рядах российской императорской армии. Доклад, подготовленный для XII Савеловских чтений. Москва, 9–10.10.2005 г.	95
--	----

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Ахмедов С.А. Материалы Шушинской и Бакинской бекских комиссий в Государственном историческом архиве Азербайджанской Республики	118
Абрамян Р.М. (Москва). Материалы Эриванской бекской комиссии как генеалогический источник.....	125
Архивные материалы (метрики, свидетельства и т.п. Дж.А. Хаятова), подготовленные для публикации Э.Э. Исмаиловым.....	134

БИБЛИОГРАФИЯ, РЕЦЕНЗИИ

Нуриева З.А. (Москва). Джангирбековы создают свое древо (О книге: Кахраманов К.Н. Джангировы. Баку, 2002. 368 с., ил. 500 экз., на азерб. яз.).....	137
Молчанов А.А. (Москва). Герои-храбрецы, отмеченные по заслугам (О книге: Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. Москва: Герои Отечества, 2005. 248 с., ил. 1000 экз.)	142
Пчелов Е.В. (Москва). Ханский род на службе России (О книге: Нагдалиев Ф.Ф. Ханы Нахичеванские в Российской Империи. Москва: Новый Аргумент, 2006. 432 с., ил. 1000 экз.).....	145
Рустамзаде П.Г. О книге: Мансуров Э.Б. Мансуровы. Баку: EQ, 2007. 128 с., ил. 300 экз.....	151
Ашурли Р.С. Женщина-легенда. К 100-летию со дня рождения С.Б.Ашурбейли	153

АВТОРЫ СТАТЕЙ ШЕСТОГО ВЫПУСКА СБОРНИКА «ИЗВЕСТИЯ АИРО»	165
---	------------

РОДОСЛОВИЯ

Э.Э.Исмаилов

КНЯЗЬЯ УЦМИЕВЫ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

«Душа моя из тех пламенных душ, которые никогда не в состоянии скрыть ни радости, ни печали, а потому я не могу не сообщить вам сегодняшнюю мою радость, клонящуюся к тому, что уже уничтожилось для меня всякое сомнение о несбыточности начатого нами предприятия и желание наше близко к исполнению, о чем с сего же числа даю вам верное обещание. Объяснение оставляю до другого удобного случая. 15 марта 1846». Эти слова Мирза Фатали Ахундова написаны на последней странице единственного известного в настоящее время экземпляра изданной на французском языке в 1835 г. в Варшаве повести Исмаил бека Куткашинского «Рашид-бек и Саадат-ханум». На первой же странице повести сохранилась дарственная надпись автора кумыкскому князю Хасаю Уцмиеву: «В знак памяти Хасаю от Исмаила»¹.

Как предполагают исследователи, Хасай Уцмиев передал книгу М.Ф. Ахундову, а тот возвратил ее со своим посланием. Слова Мирза Фатали Ахундова впоследствии трактовались как чуть ли не участие в заговоре, хотя и осталось нерасшифрованной тайной то, что вкладывалось им в некое желание, которое было близко к исполнению².

По-видимому, духовная близость и дружба видного представителя дагестанской кумыкской аристократии князя Хасая Уцмиева с передовыми деятелями азербайджанской культуры и стала причиной его знакомства и брака с дочерью последнего Карабахского хана – Хуршид Бану Бегим – известной впоследствии поэтессой Натаван.

Однако большинство влиятельных беков Карабаха были против брака единственной дочери и наследницы имений Мехти-Кули Хана Карабахского с представителем известного на Кавказе своей русской ориентацией рода князей Уцмиевых. Как видно из архивных документов карабахские беки еще при жизни Мехти-Кули Хана пытались принять участие в предполагаемом замужестве его дочери. «Должно полагать, что по этому расчету карабахские беки принимают живейшее участие в будущем замужестве дочери Мехти-Кули-хана, – писал капитан генерального штаба Пружановский в своей докладной записке главноуправляющему гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанту А.И. Нейдгардту. – У Мехти-хана нет сына, а одна 15-летняя дочь,

Князь Хасай Уцмиев.
Фото: около 1865 г.

и в настоящее время как его, так и всех беков занимает мысль, чтобы девушку эту выдать в замужество за кого-либо из ханской фамилии, находящейся и поныне в Персии, при условии, что зять обязан навсегда обосноваться в Карабаге и жить при хане, наконец, при этом случае исходатайствовать у правительства утверждения ханских имений за дочерью его потомственно в его роде, ибо Мехти-хану по возвращении из Персии, даны поместья только пожизненно, а по смерти должны поступить в казну. Во исполнение всего этого Мехти-Кули-хан дал бекам почти клятвенное обещание. Карабагские беки принимают живейшее участие в деле этом по чисто политическим видам на будущее время... Цель состоит в том, чтобы не прекратилось поколение бывшего вла-

детельного хана, и, если у него нет сына, то в зяте хана и во внуках его иметь на случай свою надежду и опору. Самые благомыслящие карабагские беки держаться той мысли, чтобы всегда кто-либо был главою над ними... Им нужен прямой наследник Мехти-Кули-хану и взросший в Персии при заблуждениях относительно могущества России и пользы быть под покровительством русского правительства, а не переобразовавшийся, переродившийся в мнениях и обычаях под влиянием русских»³. Эта записка была направлена 17 марта 1845 г. генерал-адъютантом А.И. Нейдгардтом военному министру князю А.И. Чернышеву и 4 апреля 1845 г. была доложена императору Николаю I. В следующем месяце – 15 мая 1845 г. – в Агдаме скончался генерал-майор Мехти-Кули Хан Карабахский.

С 1827 г., когда Мехти-Кули хан возвратился в Карабах, ему по ходатайству генерал-фельдмаршала графа И.Ф.Паскевича-Эриванского было назначено содержание в 4 тысячи червонцев в год. Ему также были отданы в пожизненное владение имения, состоящие из 1315

дымов в 41 кочевье и 7 деревнях. В январе 1846 г. начальник гражданского управления Закавказским краем П.А. Ладинский в своем докладе Кавказскому наместнику князю М.С. Воронцову предложил отдать в потомственное владение эти имения «со всеми находящимися ныне в пользовании их землями, пастбищными местами зимовых и летних кочевьев и другими угодьями» дочери Мехти-Кули Хана – Хуршид Бану Бегим⁴. М.С. Воронцов поддержал это предложение и подал свое отношение по этому вопросу в Кавказский комитет. Но комитет счел возможным недвижимые имения покойного Мехти-Кули Хана отдать лишь во временное владение и пользование его дочери, ссылаясь на то, что «вопрос об образе владения, так называемыми бекскими имениями еще окончательно не разрешен, а потому невозможно имения, бывшие в пользовании Мехти-Кули-хана, отдать дочери его в потомственное владение на тех основаниях, которые окончательно еще не утверждены». На это предложение Кавказского комитета 3 сентября 1846 г. последовало утверждение императора Николая I⁵.

Как видно из вышесказанного, на будущую судьбу Хуршид Бану Бегим пытались повлиять не только представители ее семьи и бекских родов Карабаха, но самое живое участие в ней пыталась принять и Кавказская администрация. Хуршид Бану Бегим родилась в августе 1832 г. в Шуше⁶. Начальное образование она получила в домашнем

Хуршид Бану Бегим Натаван с детьми князем Мехти-Кули Ханом и княжной Хан Бике Уцмиевыми.
Фото: конец 1850-х гг.

⁴ Однако уже 6 декабря 1846 г. императором Николаем I был подписан рескрипт «Об утверждении за ханами, беками и агаларами в потомственном владении земель, которыми они владели во время присоединения Кавказа к России».

**Князь Мехти-Кули Хан и княжна Хан Бике Уцмиевы.
Фото: начало 1860-х гг.**

кругу, изучала фарсидский язык и литературу. Некоторое время Хуршид Бану Бегим прожила в Тифлисе⁷, где вероятно и произошло ее знакомство с князем Уцмиевым. В составленной Закавказским муфтием Хаджи Хамидом Эфенди родословной таблице Ганджинских ханов, опубликованной в актах Кавказской археологической комиссии, указано, что они вступили в брак в 1853 г.⁸ На мой взгляд, эта дата ошибочна. Вероятно, они вступили в брак в 1847 / 1848 г., так как имя подполковника князя Хасая Уцмиева уже значится в 1848 г. в числе лиц привилегированного сословия города Шуши⁹. Можно предположить, что и в послании Мирза Фатали Ахундова князю Уцмиеву в марте 1846 г., о котором было рассказано в самом начале

статьи, также говорилось о предстоящей помолвке Хуршид Бану Бегим. Так или иначе, брак наследницы крупных имений последнего хана Карабахского с русским офицером из влиятельной кумыкской семьи во всех отношениях был выгоден Кавказской администрации и мог только поддерживаться наместником на Кавказе князем М.С. Воронцовым¹⁰. От брака Хуршид Бану Бегим с князем Уцмиев родилось двое детей – сын Мехти-Кули Хан и дочь Хан Бике¹¹.

С этим периодом жизни Хуршид Бану Бегим и князя Уцмиева совпадает приезд на Кавказ знаменитого французского писателя-романиста Александра Дюма. Проследовав из Санкт-Петербурга до Астрахани и далее на Кавказ, в ноябре 1858 г. он посетил Азербайджан**. Дюма побывал в Дербенте, Кубе, Баку, Шемахе, Нухе. В

** Кавказская одиссея стала одним из самых необычайных путешествий писателя. Вернувшись в Париж и желая ознакомить соотечественников со своими впечатлениями от этого путешествия, Дюма открывает собственное издательство и уже с апреля 1859 г. начинает публиковать газету «Кавказ. Газета путешествий и романов, издающаяся ежедневно». В тот же год «Кавказ» выходит в Париже и отдельной книгой. В 1861 г. книга была издана на русском

Баку произошла встреча французского писателя с семьей князя Уцмиева, тоже гостившей там. Вот как описывает Александр Дюма свое знакомство с Хуршид Бану Бегим и князем Уцмиевым:

«Мы велели отвести нас к г-ну Пигулевскому. Он принял нас у самого подъезда и пригласил к себе в тот же день на второй обед. Мы не могли быть на первом обеде, на котором должны были пожаловать две татарские княгини – мать и дочь... Даже сам г-н Пигулевский не был допущен к своему столу, за которым присутствовали его жена и дочь.

...Обе татарские*** княгини решились нарушить свои национальные и религиозные обычаи. Они желали непременно видеть меня. Поэтому два экипажа г-на Пигулевского ожидали нас с хозяином у ворот.

...Две татарские княгини и супруг младшей из них дополняли круг, в который мы были допущены с радушием и, скажу без ложной скромности, в котором нас ожидали с нетерпением. Одна из княгинь была жена, а другая дочь Мехти-Кули-Хана, последнего карабахского хана.

Матери можно было дать не более сорока лет, а дочери двадцать****. Обе были в национальных одеяниях. Дочь была очаровательна в этом костюме, впрочем, более богатом, нежели грациозном.

Девочка трех или четырех лет, одетая в такое же платье, как и ее мать, с удивлением смотрела на нас большими черными глазами. На

Князь Хасай Уцмиев
с сыном Мехти-Кули Ханом.
Фото: конец 1850-х гг.

языке в Тифлисе. Отрывки книги, касающиеся Азербайджана, в переводе на азербайджанский язык были опубликованы в Баку в 1985 г. В 1988 г. в Тбилиси выходит последнее издание произведения на русском языке.

*** В своей книге Александр Дюма называет азербайджанцев и другие тюркские народы Кавказа татарами.

**** В ноябре 1858 г. им было соответственно 56 и 26 лет.

Князь Хасай Уцмиев с супругой
княгиней Софией Дмитриевной.
Фото: Тифлис, 1908 г.

колених бабушки сидел мальчик пяти-шести лет, который, на всякий случай и по инстинкту, держался за рукоятку своего кинжала. К моему удивлению это настоящий кинжал, обоюдоострый, который мать-француженка никогда не оставила бы в руках своего ребенка, а у матерей-татарок он считается первой детской игрушкой.

Отец мальчика – князь Хасар (Хасай – Э.И.) Уцмиев, родившийся в Андрей-ауле, который мы посетили в добром и милом обществе, был мужчина лет тридцати пяти****, красивый, важный, говорящий по-французски как истый парижанин, одетый в прекрасный черный костюм, шитый золотом, в грузинской остроконечной шапке; на боку висел кинжал с рукояткой из слоновой кости и в вызоло-

ченных ножнах. Признаюсь, я содрогнулся, услышав это чистое и безукоризненное французское произношение. Кажется, в Санкт-Петербурге князь познакомился с моим добрым приятелем Мармье, о котором и на этот раз он начал отзываться с самой хорошей стороны, прося меня по возвращении в Париж напомнить о нем ученому путешественнику...¹²

На другой день... в девять часов утра нас известили о приезде князя Хасара Уцмиева – с аккуратностью, более чем европейской, он явился сделать нам визит и предложил свои услуги.

Говорить парижанам о каком-нибудь татарском князе, значит говорить им о дикаре, наполовину закутанном в овчину или, лучше

**** В ноябре 1858 г. ему было 50 лет.

сказать, в две овчины, из коих одна составляет папаху, а другая бурку, о дикаре, объясняющемся на языке суровом, гортанном и непонятном, не имеющем понятия о нашей политике, литературе и цивилизации, и вооруженном саблями, кинжалами, шашками и пистолетами.

На деле все совсем не так: татарский князь Хасар Уцмиев совершенно не имеет ничего общего с вышеизложенным.

О наружности князя я уже говорил. Князь очень красивый мужчина тридцати пяти лет, с правильными чертами лица, с живыми и умными глазами, в глубине которых блестит почти незаметный луч беспокойства и тревоги, с белыми прекрасными зубами, с черно-красноватой бородой от хинной краски, которой татары и персы имеют обыкновение красить бороду.

Он носит легкий и изящный колпак из смушек, остроконечной формы, на грузинский лад; длинную черную черкеску с простой тесемкой вместо всякого украшения; на груди украшенные золотым позументом газыри с серебряными патронами, пояс из золотого галуна. Такой пояс делается только на Востоке, ибо нигде так хорошо не прядут его, как в этой части света, — пояс, на котором висит изящный кинжал со слоновой рукояткой и с золотой насечкой на ножнах и на клинке.

На князе черные панталоны из персидского сукна, стянутые пониже колена горскими штиблетами, из-под которых виднеются узкие и тонкие сапоги, — заключающие в себе те кавалерийские ноги, на которые земля не имела никакого влияния, ибо она почти никогда не касалась их, и которые можно принять за детские ноги, — дополняют этот костюм или, лучше сказать, эту форму.

Князь Мехти-Кули Хан Уцмиев.
Фото: периода 1880-х гг.

Князь Уцмиев, как и все жители Востока, большой любитель оружия, не только местного оружия с блестящими рукоятками и почерневшими клинками, но и нашего европейского, простого, прочного и верного в своем ударе.

Он осмотрел мои четыре или пять ружей, отличил ружья Девима от тех, которые случайно попали в их компанию, и наконец обратился ко мне с просьбой выслать ему в Баку, если возможно револьвер фабрики нашего оружейного мастера.

Накануне моего отъезда из Парижа Девим принес мне, как я уже говорил, штуцерный карабин и револьвер – разумеется его собственного изготовления. Карабин я подарил князю Багратиону, а теперь нашел удобный случай отдать в добрые руки и револьвер, – я предложил его князю Хасару Уцмиеву. Час спустя я получил от него безупречно написанную по-французски записку следующего содержания:

«Вы владеете, милостивый государь, слишком хорошим оружием, чтобы позволить себе прибавить что-нибудь к вашей коллекции; но вот один кошелек и два архалука, которые княгиня просит вас принять. Кошелек вышит ее руками. Князь Хасар Уцмиев»¹³.

Далее Дюма рассказывает о посещении им на следующий день «мечети Фатьмы», имея ввиду, по-видимому, мечеть Биби Эйбат: «Нас привели к гробнице Фатьмы, давшей свое имя фатимидам и во время преследований Езида добровольно пришедшей умереть в окрестностях Баку... Мечеть – место поклонения бесплодных женщин, они приходят сюда пешком, молятся и в течение года получают способность рожать. Княгиня Хасар Уцмиева, с которой мы обедали накануне, находилась в этом самом положении. Она сходила на поклонение в святую мечеть – и в тот же год родила. Князь в благодарность за этот небесный дар провел за свой счет дорогу – от Баку до мечети»¹⁴.

В те годы Хуршид Бану Бегим видимо еще не славилась как поэтесса и еще не придавала значения своим дарованиям, иначе Александр Дюма отметил бы это и вероятно получил бы на память не только вышитый ее рукой кошелек, но еще и стихи знаменитой поэтессы.

По-видимому, этот год стал одним из последних в совместной жизни Хуршид Бану Бегим Натаван и князя Хасая Уцмиева. Так или иначе, уже в 1859 г. у князя Уцмиева родилась дочь от его брака с кумыкской княжной Каплановой. Однако имя полковника князя Хасая Уцмиева еще значится в числе лиц Ханской Фамилии в Списке меликов, агадаров, чиновников, беков и магометанского духовенства города Шуши, составленном в 1860 г. В подобных списках указывались имена

и возраст лиц мужского пола, а также «количество душ женского пола в семействе». В 1860 г. князю Хасаю Уцмиеву был показан 51 год, а его сыну Мехти-Кули Хану – 4 года. Также в этом семействе были записаны три женщины. Вероятно это Хуршид Бану Бегим, ее мать Бадыр Джахан Бегим, и дочь князя Уцмиева и Хуршид Бану Бегим – Хан Бике¹⁵.

После расставания Хуршид Бану Бегим и князя Хасая Уцмиева в конце 1850-х – начале 1860-х гг., их дети остались жить со своей матерью в Шуше. В камеральном описании и списке лиц привилегированного сословия города Шуши 1886 г. уже записано имя князя Мехти-Кули Хана Уцмиева, 32 лет, и его сына князя Хасая, 7 лет, обучавшегося на тот период в Шушинском реальном училище. В его семье были также записаны три женщины. По-видимому, это жена и две дочери Мехти-Кули Хана. Помещик князь Мехти-Кули Хан Уцмиев, принадлежащий к «ханскому сословию» г. Шуши, в самом городе имел 2-этажный каменный дом¹⁶.

Хуршид Бану Бегим после смерти князя Хасая Уцмиева вышла замуж за шушинского жителя Сеида Гусейна. К этому времени она была уже знаменитой поэтессой не только в Карабахе, но и во всем Азербайджане. Это видно хотя бы из того, что когда поэт Абдулла бек Аси попрекал ее вторым замужеством за «простолюдина», все поэты Ширвана, Баку, Кубы, Карабаха, Шеки, поддерживая ее, отвечали поэту Аси едкой сатирой¹⁷. В 1868 г. первые сведения о Натаван появились и в научной литературе – в Лейпциге была издана работа известного русского востоковеда Адольфа Петровича Берже «Поэзия закавказских певцов XVIII и XIX веков на азербайджанском диалекте, собранная Адольфом Берже»¹⁸.

В 1872 г., объединив вокруг себя поэтов Карабаха, Хуршид Бану Бегим создала в Шуше литературное общество «Мяджлиси унс» («Собрание друзей»). Следуя традиции школы великого азербайджанского поэта-лирика XVI в. Мухаммеда Физули, Натаван немало сделала для развития классической азербайджанской поэзии. Она создала целый ряд мастерски исполненных лирических газелей, которые еще при ее жизни распространялись в рукописях. Ее стихи неоднократно издавались на родном языке, а с 1937 г. и в переводе на русский. Впервые же сборник стихов Хуршид Бану Бегим Натаван на русском языке в переводе А. Плавника был издан в Баку в 1982 г.¹⁹

Хуршид Бану Бегим Натаван активно занималась и общественно-благотворительной деятельностью. В 1873 г. на ее средства был проведен первый водопровод в Шуше, который вплоть до настоящего

времени называли «Хан-гызы булагы» (по-азерб. – «Родник ханской дочери») ²⁰.

Второй супруг Хуршид Бану Бегим Натаван и ее дети от этого брака с конца 1870-х – начала 1880-х гг. носили фамилию Агамировы ^{*****}. С этой фамилией губернский секретарь Сеид Гусейн, 53 лет, происходящий из сеидов, попечитель при Елисаветпольской гимназии, уже значится в списке лиц привилегированного сословия города Шуши 1886 г. В Шуше Сеид Гусейн Агамиров владел 3-этажным каменным домом. Вместе с ним были записаны два его сына, а также «женского пола 3 души». Вероятно это Хуршид Бану Бегим Натаван и две их дочери ²¹.

Саму поэтессу вплоть до самой ее смерти в 1897 г. в официальной переписке и документах того периода называли княгиней Уцмиевой либо Карабахской Ханшей Уцмиевой. Так, во время путешествия в 1888 г. по Кавказу, «Государь Император... Всемилошвейше соизволил пожаловать Карабахской Ханше Уцмиевой брошь» ²².

Как было отмечено выше, Хуршид Бану Бегум после смерти отца отошли все его имения, состоящие из 1315 дымов в 41 кочевье и 7 деревнях. Однако, согласно составленной в начале 1870-х гг. ведомости «О селениях и кочевьях Шушинского уезда, состоящих во владении Княгини Хуршид-Бану Бегумы Уцмиевой», ей после смерти отца перешли в Джеванширском, Варандинском, Зангезурском, Кебирлинском и Челябинском участках Шушинского уезда земли 53 селений, состоящих из 1778 дымов. Кроме того, после смерти матери в 1861 г. Хуршид Бану Бегум унаследовала также земли еще 9 селений, состоящих из 185 дымов ²³. Большинство из этих имений после смерти самой поэтессы унаследовали ее дети от брака с князем Хасаем Уцмиевым.

^{*****} Автор настоящей статьи в свое время предпринял попытку составить родословную таблицу потомков Хуршид Бану Бегим Натаван: от князя Хасая Уцмиева, как было отмечено выше, у нее было двое детей, сын и дочь: Мехти-Кули Хан и Хан Бике Уцмиевы; от Сеида Гусейна Агамирова у нее было три сына и две дочери: Мир Аббас Ага (1868 – 1885), Мир Гасан Ага (1870 – 1903), Мир Джафар Ага (? – 1914?), Сара Бегим и Хаджар Бике (1869 – ?) Агамировы. У Натаван было 16 внуков, 39 правнуков и т.д. В результате в далеко неполной таблице были помещены имена более 150 потомков поэтессы от двух ее браков.

Кумыкский княжеский род Уцмиевых возводил своё происхождение к шамхалам Казикумухским^{*****}. Казикумухское шамхальство в XIV – XV вв. представляло собой сильнейшее в Дагестане полиэтническое феодальное государство с центром в селение Кумух. В его состав входили как собственно кумыкские и лакские, так и часть лезгинских, агульских, даргинских и аварских земель. В некоторых исторических документах, относящихся к тому периоду, Казикумухского шамхала нередко называют «вели Дагестана»²⁴. Феодальный правитель Казикумуха носил титул шамхала, происхождение которого так и осталось не совсем ясным. Высказывались два предположения: в Кумухе «установилась власть татар-шамхалов», причем «новый» шамхал происходил из рода Чингис-хана. Первое же исторически достоверное сообщение об этом титуле относится к 1318 / 1319 г. Однако Казикумухское шамхальство, не имея тесных внутренних экономических связей между разными ее частями, переживало типичные для той эпохи феодальные раздоры и междоусобицы. Своеобразный процесс распада Казикумухского шамхальства на несколько родственных полунезависимых уделов наметился уже во второй половине XVI в. И первым серьезным ударом по единству и целостности Казикумухского шамхальства стало отделение земель между реками Терек и Сулак, на территории которых уже в начале XVII в. было образовано самостоятельное Эндирейское княжество. Поводом к созданию Эндирейского владения послужил отказ сыновей Чопан-шамхала – Эльдара, Магомеда, Андия и Гирея – признать право на получение доли отцовского наследства за их родным братом по отцу Султан-Махмудом (Султан-Мутом), рожденным от брака шамхала с кабардинкой из рода Анзоровых. Но Султан-Махмуд с помощью своих родственников по материнской линии захватил земли в Засулакской Кумыкии (междуречье Терека и Сулака) и стал проводить фактически независимую от Тарков и Казикумуха политику. Владение Султан-Махмуда в дальнейшем по названию главного селения Эндирей-аула стало называться Эндирейским. Однако еще к 1635 г. Султан-Махмуд окончательно не порвал свои отношения с шамхальством. Так, когда съезд владетелей шамхальства в 1634 г. после смерти шамхала Эльдара

^{*****} Кумыкский княжеский род Уцмиевых не следует путать с другим дагестанским владетельным родом – правителями Кайтага, которые носили титул «уцмия» и в некоторых исторических документах и официальных публикациях XIX – начала XX столетия упоминаются с этой фамилией. См., например, Кавказский календарь на 1858 г. С. 337: Родословная таблица «Кайтахских беков из фамилии Уцмиев».

высказался за избрание шамхалом Султан-Махмуда, он по старости лет отказался от этого почетного и авторитетного титула в пользу своего старшего сына Айдемира. Султан-Махмуд сопровождал его в 1635 г. в главную резиденцию шамхалов Казикумух, где по традиции избирали и провозглашали казикумухских шамхалов. Эндирейское владение продолжало оставаться удельным в составе шамхальства вплоть до 1641 г., т.е. когда погиб шамхал Айдемир во время своего похода совместно с царскими войсками в Кабарду²⁵. От двух сыновей Султан-Махмуда – Айдемира и Казаналипа – и происходят все кумыкские княжеские фамилии²⁶.

Уже при внуках Султан-Махмуда Эндирейское владение само распалось на три части: собственно Эндирейское (в русских документах Андреевское), Аксаевское и Костековское. Управление каждым из этих владений осуществлял совет князей (кумыкс. – биев) во главе со старшим бием²⁷.

Во время Персидского похода 1722–1723 гг. в Северный Азербайджан и Дагестан, император Петр I принял в подданство кумыкских владельцев, «оставив им... все их права, преимущества, общественное устройство, сословное разделение...»²⁸. 8 сентября 1722 г. владетель Аксаевский Султан Маамут по повелению Петра I получил охранный лист «дабы не дерзали в его владениях чинить обид, налогов и наездов». Ему было назначено денежное жалование, а также дан указ Петра I «о вспомоществовании ему в случае неприятельского нападения от донских и терских казаков», и отказывалось «дать правление сыну Салтан Маамута, Магомет Усмею». 21 декабря 1743 г. на имя сына Султан Маамута – Али-бека был дан указ императрицы Елизаветы I «о подтверждении ему правления над аксаевскими кумыками, в котором за верную Али-бека службу повелевалось верноподданым братьям его, Каплан-беку и другим... яко над ними старшему, отдавать надлежащее почтение и послушание»²⁹.

К концу XVIII в. Эндирейским владением владели князья Казаналиповы, Темировы, Апашевы, Айдемировы и Аджиевы; Аксаевским владением – князья Алибековы, Каплановы, Эльдаровы, Уцмиевы и Арсланбековы; Костековским владением – князья Алишевы³⁰.

В 1818 г. кумыкская плоскость по распоряжению генерала Ермолова была занята русскими войсками, и как отмечалось в исторических документах, представители высшего кумыкского сословия постоянно участвовали в походах русских отрядов, оказывали им услуги и содействии. При этом во всех выданных на их имена патентах, аттестатах и свидетельствах, бии кумыкские назывались либо владельцами, либо владельцами и князьями³¹.

Одним из таких кумыкских владельцев был отец князя Хасая Уцмиева – «Аксаевский князь Муса Уцмиев»³². Его имя в русских исторических документах и публикациях в дальнейшем звучало как «князь Мусса-Хасаев». В 1820 г. он был произведен сразу в чин капитана и утвержден русскими властями «старшим Аксаевским владетелем»³³. Задолго до этого, еще в 1807 г. он был награжден золотой медалью, а в 1821 г. – золотой медалью, украшенной бриллиантами³⁴. В документах за 1826 г. «князь Муса-Хасаев» упоминается уже с чином майора³⁵. В этом же году он был пожалован орденом Св. Анны 2-й ст.³⁶ В 1828 г. – «князь Муса-Хасаев» уже подполковник, исправляющий должность главного Кумыкского пристава³⁷. В документах за 1831 г. – «князь Мусса Хасаев» упоминается с чином полковника³⁸. С 1831 г. он был пожалован пожизненной пенсией в 300 руб. серебром в год, а в 1832 г. размер этой пенсии вырос до 500 руб. серебром в год. В 1834 г. он был пожалован императорской короной к ордену Св. Анны 2-й ст., а в 1836 г. – бриллиантовым перстнем в 1200 руб.³⁹

Начальник Сунженской линии подполковник А.П. Пулло в своем рапорте 5 февраля 1835 г. командующему войсками Кавказской линии о результатах военной экспедиции, предпринятой для покорения чеченских аулов, сообщал, что «покорилось много деревень, доселе бывших непокорными, и доставили аманатов... И дер. Маюртуп, будучи по-видимому устрешена движением сего отряда... также обратилась к покорности и в то же время от 60 домов доставила в Таш-Кичу полковнику Мусе Хасаеву благонадежного из лучшей фамилии аманата и одно из находившихся у них орудий, обещаясь в самой скорости доставить за покорившихся подати и еще одно орудие, скрытое у них в земле. По забранному от полковника Муссы Хасаева о сих орудиях сведению – откуда, когда и каким случаем оные достались маюртупцам, оказалось, что орудия сии еще прапрадеду его султан Мамуту Аксаевскому (вероятно не прапрадеду, а прадеду – Э.И.) были высочайше подарены за его непоколебимую к российскому престолу преданность, но когда и кем, по причине утрат документов, неизвестно; которые переходили от отца к детям и таким образом достались троюродному брату его, Хасаева, Алибеку Аджиеву, жительство имевшему в Аксае, где и находились до 1825 г. Когда же в сем году жители Аксая сделали возмущение, то Алибек, бежав оттуда, орудия оставил в своем доме; чеченцы, возмутившие аксаевцев, ворвавшись в аул и нашедши оные, подарили от себя маюртупскому жителю Гече Гажаеву, с ними участвовавшему, который тогда же перевез их в Маюртуп, где они и по сие время находились»⁴⁰.

В документах за 1836 г. «полковник князь Муса-Хасаев» упоминается уже как главный Кумыкский пристав⁴¹. Высочайшим приказом от 9 ноября 1837 г. «Кумыцкий Князь Мусса-Хасаев» за отличие был произведен из полковников в генерал-майоры со старшинством в чине с 14 октября 1837 г.⁴²

17 февраля 1842 г. генерал-майор, находящийся при Отдельном Кавказском корпусе «Кумыцкий Князь Мусса-Хасаев» в награду отличных храбрости, мужества и распорядительности, оказанных 26 сентября 1841 г. при отражении многочисленной партии горцев, напавшей на сел. Умахан-Юрт, был пожалован орденом Св. Станислава 1-й ст.⁴³

Нам пока не удалось установить точную дату смерти князя Мусы Уцмиева. Вероятно, он скончался в конце 1842 – начале 1843 г. и в его лице российские власти на Кавказе потеряли одного из своих главных сторонников среди местных кавказских владельцев. Об этом в частности говорится в донесении от 29 марта 1843 г. капитана корпуса жандармов Викторова начальнику штаба того же корпуса и управляющему III отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии генералу от кавалерии Л.В. Дубельту: «...признание горскими племенами в лице Шамиля наместника Магомета, именуемого ими Имам-Азам, дают ему чрезвычайную фанатическую власть в мнении и над другими магометанами; а сверх всего нельзя не сознать потери важных средств наших со смертью генерал-майора Ахмет-хана, владельца Мехтулинского – правителя Аварии, и Муса-Хасая, имевшего большое уважение к себе у самых даже соседних кумыкских враждебных нам племен»⁴⁴.

Особо следует остановиться на статусе и титуловании этой семьи в Российской империи. Как уже отмечалось выше, во всей официальной переписке и документах того периода представители этого рода именовались князьями, точнее кумыкскими князьями. Однако княжеский титул рода Уцмиевых и соответственно их дворянское происхождение так окончательно и не были узаконены в Российской империи. Формально они признавались потомственными дворянами (но без русского княжеского титула), по крайней мере, с 1820 г., когда кумыкский князь Муса Уцмиев был произведен в чин капитана, дающий в то время право на получение потомственного дворянства в Российской империи.

В 1854 г. Инспекторский департамент Военного министерства запросил Герольдию, следует ли считать из дворян и именовать князем определенного на службу в Егерский генерал-адъютанта князя Чернышева полк Батыр-Мурзу Уцмиева, отец которого подпоручик

князь Султанмуд Уцмиев (старший брат князя Хасая Уцмиева) был в 1838 г. пожалован орденом Св. Станислава 4-й ст., т.е. и по чину, и по ордену по законам Российской империи приобрел права потомственного дворянства. Но рассмотрение этого дела тянулось три года, поскольку Герольдия запросила послужной список подпоручика Султанмуда, а найти его не удалось, так как он служил в иррегулярных частях. Тем временем Батыр-Мурза Уцмиев погиб в сражении, в связи с чем Герольдия с облегчением сдала его дело в архив⁴⁵.

Вторично с прошением об утверждении в дворянском и княжеском достоинстве в 1903 г. обратились уже сыновья генерал-майора князя Хасая Уцмиева – Муса и Султан-Мурад (сыновья от его третьего брака), которые, как и отец, употребляли княжеский титул. Независимо от прав по происхождению, их отец и они могли бы пользоваться правами потомственного дворянства в России, по крайней мере, с 1834 г., когда князь Хасай Уцмиев был произведен в прапорщики. Кроме того, их отец и дед были кавалерами русских орденов, также приносивших потомственное дворянство. Вопрос об их праве на титул практически не рассматривался, и в конечном итоге они добивались, прежде всего, оформления их дворянских прав, что было необходимо для получения ссуды из Дворянского земельного банка под залог принадлежавших им довольно крупных имений в Хасавюртовском округе – 1437 десятин земли. Определение Департамента Герольдии по этому делу состоялось 9 октября 1903 г.; в деле оно отсутствует, но, судя по косвенным данным, Муса и Султан-Мурад Уцмиевы были признаны в потомственном дворянстве (все необходимые для этого документы – послужной список отца, его грамоты на ордена и метрики самих его сыновей, надлежащим образом заверенные, были представлены), но никакого решения об их праве на титул не было принято⁴⁶.

Вопрос о статусе этой семьи в России необходимо рассматривать в контексте вопроса о сословной структуре и различии в этнических общностях народов Северного Кавказа, который встал перед российскими властями в полной мере после окончания Кавказской войны и присоединения к ней региона. 4 декабря 1864 г. Кавказский комитет во Владикавказе утвердил Временную комиссию для разбора личных и поземельных прав «туземного населения» Терской области, которая 30 декабря 1869 г. была преобразована в Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубани и Терской области. Перед Комиссией ставилась цель разобраться в уровне общественного развития народов Терской и Кубанской областей, с тем чтобы определить соответствие лиц высших сословий северокавказских народов аналогичным

«разрядам высшего сословия, существующего в империи», разобраться в характерных, определяющих и второстепенных признаках каждого из сословий.

Согласно записке Комиссии о сословном строе в Кумыкском округе (с 1 января 1871 г. составлял большую часть Хасавюртовского округа) Терской области в сословном отношении кумыкское население подразделялось на несколько отдельных групп: бий, чанка (дети биев, рожденные от неравных браков), сала-уздени или уллу-уздени, уздени, чагары и терекеменцы. Кумыкские бии в официальной степени именовались всегда князьями или кумыкскими владельцами и возводили свой род к Султан-Махмуду Эндирейскому. В 1869 г. насчитывалось 10 фамилий кумыкских биев: Айдемировы, Хамзаевы, Темировы, Муртазали-Аджиевы, Алибековы, Уцмиевы, Асланбековы, Эльдаровы, Каплановы и Казаналиповы. «Со времени Петра I, – как было отмечено в записке Комиссии, – находясь под покровительством русских властей, они выдвинули значительные свои массы и успели не только приобрести гораздо большее, чем прежде, значение как в глазах русского правительства, так и в народе, но и расширить власть свою над народом, и присвоить себе всю кумыкскую землю. По прибытии императора Петра I на Кумыкскую плоскость кумыки изъявили покорность и вступили в подданство России. Петр I признал биев кумыкскими владельцами, раздал владельцам охранные грамоты, указы и листы, наградил старших в уделах князей денежным жалованием и чинами и, сверх того, старшему аксайскому князю пожаловал два орудия. Преемники Петра I оставляли без изменения права владельцев и народа, и владельцы кумыкские за свою верную и усердную службу удостоивались высочайших наград, а от главных начальников на Кавказе получали грамоты, указы, открытые листы и разного рода аттестаты и свидетельства»⁴⁷.

В ходе своей деятельности Комиссия пришла к выводу, «что почти среди всех туземных племен Терской и Кубанской областей существуют сословия, возвышающиеся над общим уровнем массы свободного населения и пользующиеся особыми правами и преимуществами между своими соплеменниками, а также и некоторыми отличиями среди русского правительства». Фактически существующие привилегии Комиссия признавала желательным утвердить законодательным порядком в русском потомственном дворянском достоинстве, причем сословия кумыкских биев, кабардинских пши и брагунских эли – с титулом горских князей. Предложения Комиссии в начале 1870-х гг. были направлены на заключение начальников Терской и Кубанской областей. В 1879 г. предложения Комиссии были

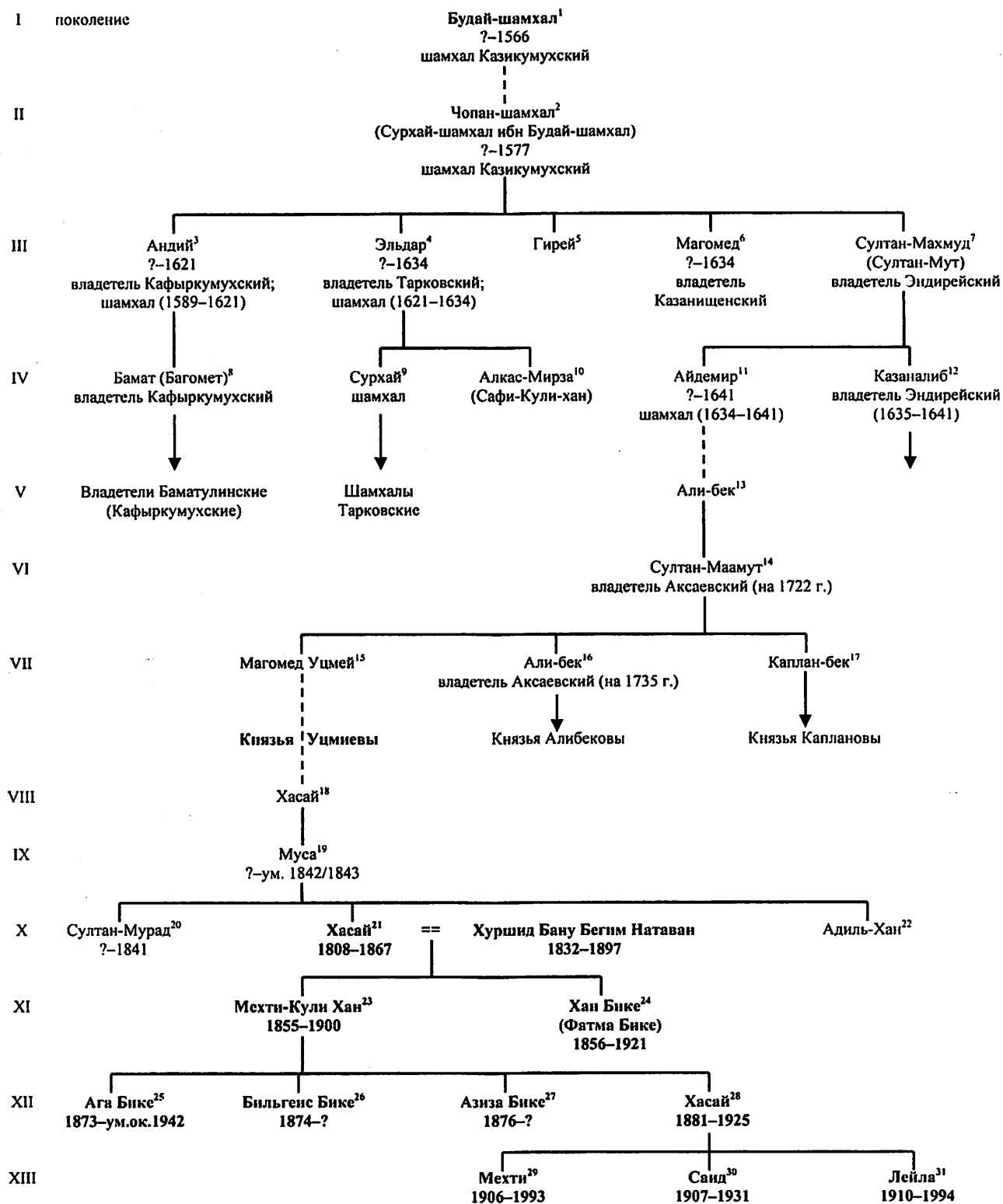
рассмотрены департаментом Главного управления наместника Кавказского, где в основном получили свое одобрение. Предложения департамента были рассмотрены в Совете наместника, где также получили одобрение, и в мае 1880 г. внесены в Кавказский комитет⁴⁸.

Длившаяся почти 17 лет многоплановая и сложная по своей проблематичности работа Кавказского комитета в 1881 г. после упразднения данного органа была продолжена Комитетом министров Российской империи и Государственным советом. А в июне 1884 г. министр юстиции Набоков в заключение многолетнего дела категорически заметил, что поскольку народы Северного Кавказа оказались присоединенными к России в процессе военных действий и соответственно Российское правительство не связано с ними никакими обязательствами, как это имело место с Грузией. Вторично вопрос об определении социальной принадлежности сословий народов Северного Кавказа в Министерстве юстиции рассматривался в марте 1890 г., когда министр Манасеин поддержал решение своего предшественника, объяснив это тем, что число «домогавшихся дворянского достоинства» слишком велико. Поэтому он предложил всех горцев Северного Кавказа, как это принято в России, причислить к сословию сельских обывателей и дать им возможность на общих основаниях «зарабатывать» себе сословные льготы. Это предложение было поддержано министром внутренних дел Дурново в отзыве от 18 марта 1895 г. Кроме того, он предлагал особо выделять горцев, приобретших права высших сословий преданной и добросовестной службой, и чтобы вопросы причисления их к дворянству могло бы решать Ставропольское дворянское депутатское собрание. Но и это предложение так и осталось открытым⁴⁹.

Деятельность Северо-Кавказских сословно-поземельных комиссий схожа с деятельностью и задачами Тифлисской, Эриванской, Бакинских и Шушинской бекских комиссий, действовавших на территории Азербайджана в 1860-х – 1880-х гг. После подчинения северо-азербайджанских земель Российской империей, большинство представителей азербайджанского высшего сословия продолжали носить местные родовые титулы, но при этом так и не были окончательно приравнены к русским дворянам и формально признавались в российском дворянстве только по чинам и орденам, получаемым на русской службе. Впервые дело о составлении проекта положения о личных правах высшего мусульманского сословия в Закавказье возникло по Высочайшему повелению в 1843 г. Для исполнения этого повеления в марте 1843 г. был образован из высших должностных лиц Закавказского края специальный комитет. По

проекту, составленному Комитетом, высшее мусульманское сословие следовало разделить соответственно принятым в Российской империи основаниям при разделении дворянского сословия на потомственное и личное. Звания князей с титулом сиятельства предполагалось предоставить только прямым потомкам владетельных ханов. Остальным же представителям высшего сословия предполагалось предоставить титул благородия, с разрешением также продолжать употреблять и все существующие до этого местные титулы. 6 декабря 1846 г. был подписан рескрипт об определении поземельных прав ханов, султанов, меликов, агаларов и беков, составляющих высшее мусульманское сословие в Закавказье; и об утверждении за ними в потомственном владении земель, которыми они владели во время присоединения Кавказа к Российской империи. Тем же рескриптом предписывалось заняться определением личных прав этого сословия, приравнивая его к «правам, благородному дворянству российскому присвоенным». По завершении работ, относящихся к поземельным владениям, Совет наместника Кавказа в 1862 г. передал дело о личных правах в Департамент судебных дел. Последним в 1863 г. были составлены проекты инструкций четырёх бекских комиссий – Тифлисской, Эриванской, Бакинской и Шушинской – для приведения в известность и «определения личных прав высшего сословия в мусульманских частях Закавказского края». В ходе своей деятельности бекскими комиссиями были составлены списки родов, причисленных к потомственному и личному бекскому достоинству, а также списки родов, которым было отказано в причислении к высшему сословию. Все эти списки были рассмотрены в Совете Главного управления наместника Кавказа и в Совете главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. На основании определения Совета, были составлены следующие именные списки: 1) список ханских родов; 2) сводный список родов, причисленных к сословиям потомственных беков и родовых агаларов, которым предполагалось предоставить права потомственного дворянства Российской империи; 3) сводный список родов, причисленных к сословиям личных беков, которым предполагалось предоставить права личных дворян⁵⁰.

Однако все эти проекты также как и проекты о правах высшего сословия Северо-Кавказских народов так и не обрели в Российской империи окончательного юридического решения.

— предполагаемое происхождение

== — брак

В прилагаемой к настоящей статье родословной таблице № 1 показано происхождение кумыкских князей Уцмиевых от владельцев Аксаевских, от владельцев Эндирейских и от шамхалов Казикумухских, а также представлена так называемая азербайджанская линия князей Уцмиевых – потомков князя Хасая Уцмиева и Хуршид Бану Бегим Натаван. Начальная часть родословной таблицы (I – VII поколения) составлена на основе материалов, опубликованных в таких трудах как: «Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архивные материалы» (Москва, 1969), «История Дагестана» (том I, Москва, 1967), «Источниковедение средневекового Дагестана. Сборник статей» (Махачкала, 1986). VIII – XIII поколения родословной таблицы были составлены на основе документов, опубликованных в Актах Кавказской археографической комиссии, послужных списков представленных в ней персонажей, а также документов из семейного архива М.Х.Уцмиева.

Из князей Уцмиевых, упоминаемых в таблице № 1, известны:

Х поколение

20/19. Султан-Мурад (Султанмуд, Солтан-Муд) (? – сентябрь 1841).

Аксаевский князь, за военные отличия, оказанные в 1831 и 1832 гг. против «мятежных горцев», был пожалован сначала чином прапорщика, затем чином подпоручика. Во время путешествия императора Николая I по Кавказу представлялся ему (в числе других депутатов от «покорных горцев»), был пожалован орденом Св. Станислава 4-й ст. (1838), на который ему 20 декабря 1838 г. была выдана грамота из Капитула орденов. Убит в сражении с горцами. Султан-Мурад был женат на дочери кумыкского (эндирейского) князя Мурзы Неха и имел сына Батыр-Мурзу (1820 – 24.03.1857)⁵¹.

21/19. Хасай Уцмиев (князь Хасай Мусаев Уцмиев) (22.03.1808 – Воронеж, 21.04.1867).

В послужном списке, составленном 31 августа 1866 г., и официальных публикациях всегда упоминался с титулом князя: «происходил из Кумыкских Князей Терской области Кумыкского округа». Вероисповедания магометанского. Воспитание получил в доме родителей.

Зачислен на службу юнкером в 43-й егерский полк – 27 марта 1825 г.; произведен в портупей-юнкеры – 1 сентября 1827 г.

С 10 по 15 июля 1832 г. находился во время блокады Герзель-Аульского укрепления взбунтовавшимися акаевцами.

Переведен в Херсонский гренадерский полк с переименованием в портупей-прапорщики – 1 февраля 1833 г.

С 1 апреля 1833 г. по 8 сентября 1834 г. был прикомандирован к штабу Отдельного Кавказского корпуса для особых поручений.

Произведен в прапорщики – 22 марта 1834 г.

С 8 сентября 1834 г. по 19 февраля 1835 г. был командирован к управляющему Имеретией генерал-майору Ахлестышеву «для употребления по службе».

Переведен в Грузинский гренадерский полк – 11 мая 1836 г.

Переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк с состоянием при Отдельном Кавказском корпусе – 30 июля 1836 г.

С 30 июня по 11 ноября 1836 г. произвел тайным образом вместе с топографом осмотр и съемку дорог в Чечне и Дагестане от сел. Большие Атаги через Имам-Юрт и Каисью-Ирзау до ичкерийских деревень Ведень и Хорочой, далее в общество Анди к сел. Анди и Миарсу, в общество Каналал с дер. Анзали, Тландат, Шуштад, Плоса и Тинды, в общество Богулал с дер. Куарили, Хопотли и Чисхотли, после чего, перейдя Главный Кавказский хребет, прибыл в дер. Шильду Телавского уезда. За отличное исполнение этого поручения, «сопряженного с величайшей опасностью по причине неблагонадежности жителей тех мест, чрез которые он тайно прошел», награжден 14 декабря 1836 г. орденом Св. Станислава 4-й ст. (что позже стала 3-й ст.).

За отлично-усердную службу награжден орденом Св. Анны 3-й ст. – 14 ноября 1837 г.

Произведен в подпоручики – 1 января 1838 г.

Прибыл в лейб-гвардии Гренадерский полк – 24 февраля 1838 г.

Переведен в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон корнетом – 4 апреля 1838 г.

«За отличие в экспедиции против возмущившегося Шамиля и его сообщников» в 1836 – 1837 гг. пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом – 12 апреля 1838 г.

С 20 декабря 1839 г. по 7 февраля 1841 г. находился прикомандированным для службы на Кавказе «по уважению домашних обстоятельств отца его, генерал-майора Муссы Хасаева».

Произведен в поручики – 19 декабря 1841 г.

В награду отличной храбрости и мужества, оказанных в деле против горцев 11 июля 1840 года при реке Валерик награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость» – 17 марта 1841 г.

Произведен в штабс-ротмистры – 10 ноября 1841 г.

За смотр полуэскадрона получил Высочайшее благоволение – 5 мая 1842 г.

Назначен состоять по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе с производством в майоры – 18 февраля 1844 г.

С 12 по 19 мая 1844 г. участвовал в походе в Малую Чечню, с боями и взятием неприятельских завалов в Гехинском и Гойтинском лесах.

За отличие против горцев получил Высочайшее благоволение – 12 апреля 1845 г.

Произведен в подполковники – 12 декабря 1845 г.

С 3 января по 1 марта 1851 г. находился в составе Чеченского отряда в зимней экспедиции в Большую Чечню с рубкой леса, прокладкой Шалинской и Лезгинской просек, взятием Шалинского окопа и рассеянием скопищ Шамиля и его наибов – Хаджи-Мурата, Лабазана и Талгика.

За отличие в деле против горцев на реках Шавдон и Басса произведен в полковники – 9 января 1852 г.

Перечислен в число состоящих при Кавказской армии – 21 декабря 1857 г.

С 20 апреля по 25 ноября 1859 г. находился за границей в 8-месячном отпуске.

Назначен в распоряжение командующего войсками в Дагестанской области – 3 апреля 1861 г.

За отличие по службе произведен в генерал-майоры с оставлением по армейской кавалерии и при Кавказской армии – 30 августа 1862 г.

Награждён также медалями в память Восточной войны 1853–1856 гг. и за покорение Чечни и Дагестана в 1857–1859 гг., крестом «За службу на Кавказе» (1864 г.).

Ранен и контужен не был, в штрафах и под судом не находился⁵².

В феврале 1866 г. Хасай Уцмиев обратился с просьбой разрешить ему переселиться в Турцию. В своем обращении на имя начальника Кумыкского округа князь Уцмиев писал: «Для Кавказского мусульманского населения с общим умиротворением Края, наступил новый период вследствие обычного исхода вещей, – это период слияния местного элемента с элементом владычествующим. По образованию и влиянию своему, я мог бы при этом занять принадлежащую мне важную роль, ставши между таковыми двумя элементами. Но правила и

убеждения мои не допускают меня вступить в эту роль; а как они есть часть природы моей, которую можно уничтожить, но не изменить, то я нахожусь в таком положении, что вреден самому себе, бесполезен народу и властям. Мне остается покинуть Край и идти, чтобы сделаться подданным мусульманского Государя»⁵³.

Русские власти опасались, что эмиграция этого видного представителя кумыкской аристократии станет «дурным примером» для горцев. Начальник главного штаба Кавказской армии генерал-адъютант А.П.Карцов в своем письме командующему войсками Терской области генералу М.Т.Лорис-Меликову указывал на те «неудобства», которые могли возникнуть с переездом князя Уцмиева в Турцию: «Если даже не придавать особого значения вредному влиянию, которое может он иметь, особенно в случае войны, на Кавказское мусульманское население – по тому высокому общественному и служебному положению, которое имел у нас и которое конечно займет в Турции, по своим связям не только в Кумыкском округе, но в мусульманских частях Закавказья и, наконец, по своему знакомству с положением дел и местными условиями на Кавказе, – то и в таком случае исполнить желание Князя Уцмиева не возможно без ущерба местным административным интересам». Желание князя Уцмиева переселиться в Турцию вызвало резкое осуждение наместника Кавказского, главнокомандующего Кавказской армией, великого князя Михаила Николаевича. Им было также принято решение об увольнении генерал-майор князя Уцмиева от службы и отправлении его в Россию. «Время и способ» исполнить данное решение были возложены на командующего войсками Терской области генерала М.Т.Лорис-Меликова. Генерал-майор князь Уцмиев был вызван в крепость Грозную, где 20 июня 1866 г. получил приказ отправиться в Ставрополь и ждать там дальнейших распоряжений наместника Кавказского. Вместе с тем, Ставропольскому гражданскому губернатору было предписано учредить над князем Уцмиевым «строгий полицейский надзор, без заметного стеснения его личности». 25 июня князь Уцмиев прибыл в Ставрополь⁵⁴.

Высочайшим приказом от 4 августа 1866 г. по представлению наместника Кавказского генерал-майор князь Хасай Уцмиев был уволен от службы «с преимуществами по закону» и получил распоряжение отправиться на место жительства в Воронеж. Со дня увольнения от службы ему была назначена пенсия в 860 руб. в год и из эмеритальной кассы по 322 руб. 50 коп. в год⁵⁵.

9 сентября 1866 г. князь Уцмиев выстрелом в лоб предпринял неудачную попытку самоубийства. Он скончался, как телеграфировал Воронежский губернатор, «после продолжительной болезни» 21 апреля 1867 г.⁵⁶

Хасай Уцмиев по данным на 1847, 1854 и 1861 гг. являлся действительным членом Кавказского общества сельского хозяйства⁵⁷.

Согласно данным послужного списка от 31 августа 1866 г. в кумыкском округе в деревне Аксай за Хасаем Уцмиевым состояли дом, «15 душ холопов мужского и женского пола», 1991 десятин населенной и не населенной земли; кроме того, в послужном списке упоминались крупные владения, которые сохраняла его вторая жена – дочь «Мехти-хана, бывшего владельца Карабахского, Хуршид-Бану-Бегум»: в Шушинском уезде Шемахинской губернии 41 кочевье и 7 деревень из 1315 дымов с принадлежащею к ним землею⁵⁸.

Князь Хасай Уцмиев первым браком был женат на княжне N Капановой, от которой у него была дочь Азамат Бике (18.09.1859 – ?)⁵⁹ (в представленной родословной таблице не указана).

В послужном списке от 31 августа 1866 г. упоминалась только его вторая жена – известная азербайджанская поэтесса Хуршид Бану Бегим Натаван; у них сын Мехти-Кули Хан и дочь Хан Бике (о них см. ниже)⁶⁰.

Третьей женой князя Хасая Уцмиева была княжна Паху Ханум Судайхановна Хамзаева, от которой у него было две дочери Райханат Бике (12.07.1853 – ?) и Сотихан Бике (5.07.1859 – ?) и два сыновья Муса (4.08.1864 – ?) и Султан-Мурад (23.11.1866 – ?)⁶¹ (в представленной родословной таблице их имена и имена их потомков не указаны).

21/19. Адиль-Хан. По данным на 1866 г. – штабс-ротмистр⁶². Умер в чине ротмистра. У него было 2 сына: Завит-Султан и Муцал (в представленной родословной таблице их имена и имена их потомков не указаны)⁶³.

XI поколение

23/21. Мехти-Кули Хан Уцмиев (Князь Мехти-Кули-Хан-Уцмиев; литературный псевдоним Вафа – по-азерб.: «Верность», «Преданность») (Шуша, 1855 – Тифлис, 08.09.1900).

Сын князя Хасая Уцмиева от брака с Хуршид Бану Бегим Натаван.

В послужном списке и официальных публикациях всегда упоминался с титулом князя: «из Кумыкских Князей Терской области. Вероисповедания магометанского. Получил домашнее воспитание»

(имя князя Мехти-Кули Хана Уцмиева неизменно значится в камеральных описаниях города Шуши второй половины XIX столетия в числе лиц Карабахской Ханской Фамилии – Э.И.).

«За приветствование Государя Императора в г. Тифлисе в 1871 г.» был пожалован серебряной медалью – 1871 г.

За отличие по службе был произведен в прапорщики милиции – 9 ноября 1871 г.

«По Высочайшему повелению, последовавшему в 8 день марта 1876 года», был прикомандирован к учебному кавалерийскому эскадрону – 20 марта 1876 г. Прибыл к эскадрону – 27 мая 1876 г.

«Вследствие телеграммы Его Императорского Высочества Главнокомандовавшего [Кавказской] армиею, по приказанию Его Сиятельства начальника штаба войск гвардии и Петербургского военного округа» был отправлен в действующую армию состоять для особых поручений при Главнокомандующем [Кавказской] армией – 25 января 1877 г.

Назначен в распоряжение Главнокомандующего Действующей армией – 18 апреля 1877 г.

Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в составе войск, действующих на Дунае в Европейской Турции, во 2-й период кампании в 1877 г.: 25 июня при взятии с боя г. Тырнова генерал-адъютантом Гурко; с 30 июня по 2 июля при переходе через Балканы передового отряда под начальством генерал-адъютантом Гурко; 5 июля в деле под Казанлыком, взятии этого города и неприятельского лагеря у деревни Шипка, а также при атаке Шипкинского перевала отрядами генерал-адъютантов князя Святополк-Мирского и Гурко; 10 июля при занятии гор. Ески-Загры; 18 июля в сражении при Ески-Загры под начальством генерал-адъютантом Гурко; 19 июля в сражении части передового под личным начальством генерал-адъютантом Гурко с отрядом Реуфа Паши при деревне Джуранли; 20 июля в обратном движении отряда генерал-адъютантом Гурко через Малые Балканы (Караджадах); 31 августа при бомбардировании Плевны «в Высочайшем Государя Императора присутствии»; с 1 по 4 сентября при бомбардировании позиции Османа Паши и гор. Плевны; со 2 по 4 сентября в 3-дневной в рекогносцировке Плевненских укреплений Его Императорским Высочеством Главнокомандующим; 19 и 20 сентября в рекогносцировке Плевненских укреплений Его Императорским Высочеством Главнокомандующим совместно с генерал-адъютантом Тотлебенем; с 12 октября по 28 ноября при тесной блокаде Плевны «в

Высочайшем присутствии»; с 13 по 19 декабря при переходе через Балканы войск Западного отряда; в 3-й период кампании: 19 декабря в сражении при деревне Ташкисен под начальством генерал-адъютантом Гурко; 23 декабря при занятии гор. Софии; 3, 4 и 5 января 1878 г. в 3-дневном бою войск Западного отряда под общим начальством генерал-адъютантом Гурко под Филипполем; с 10 по 20 января 1878 г. в походе отряда генерал-адъютантом Гурко от Филипполя к Адрианополю. Ранен и контужен не был.

За отличие в делах с турками награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом – 25 сентября 1877 г.

За отличие в делах под городом Плевной награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом – 3 ноября 1877 г.

За переход через Балканы награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. – 3 ноября 1877 г.

Переведен в лейб-гвардии Казачий Его Величества полк с переименованием в корнеты – 21 апреля 1879 г.

Назначен для особых поручений к Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему Кавказской армией – 18 октября 1879 г.⁶⁴

Получил разрешение на принятие и ношение пожалованного князем Миланом Сербским ордена Такова – 21 февраля 1880 г.⁶⁵

Получил разрешение на принятие и ношение пожалованного (22 августа 1881 г.) шахом Персидским ордена Льва и Солнца 3-й ст. – 30 сентября 1881 г.⁶⁶

За отличие по службе был произведен в поручики с переводом из лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка в 46-й драгунский Переяславский Его Величества полк и с переименованием в ротмистры – 27 февраля 1883 г.⁶⁷

Назначен адъютантом к командующему войсками Кавказского военного округа с зачислением по армейской кавалерии – 15 марта 1883 г.⁶⁸

Пожалован орденом Св. Станислава 2-й ст. – 30 августа 1887 г.

Назначен адъютантом к командующему войсками Кавказского военного округа и войсковому наказному атаману Кавказских казачьих войск генерал-адъютанту генералу от кавалерии С.А. Шереметеву с оставлением по армейской кавалерии – 13 августа 1890 г.

Был командирован в Санкт-Петербург состоять при командующем войсками округа для исполнения личных его поручений – 21 ноября 1890 г. Возвратился из командировки – 10 апреля 1891 г.

За отлично-усердную службу пожалован орденом Св. Анны 2-й ст. – 30 августа 1891 г.

Произведен в подполковники с назначением состоять при войсках Кавказского военного округа и с оставлением по армейской кавалерии – 26 февраля 1895 г.

Был пожалован также светло-бронзовой медалью в память царствования императора Александра III (дата в п/с указана не была – Э.И.).

Подполковник князь Мехти-Кули Хан Уцмиев получал жалование 549 руб., квартирных 246 руб., а также фуражных 122 руб. 52 коп.

Согласно данным послужного списка, князь Мехти-Кули Хан Уцмиев владел родовым имением, состоящим из двух домов в г. Шуше, двух караван-сараяв около урочища Ханкенди и в имение *Сеидлу*, садами, мельницами, а также приобретенным вместе с сестрой населенным имением в Терской области при селении Хасавюрт. Ему также были Высочайше пожалованы населенные имения в Шушинском уезде Елисаветпольской губернии: *Малидеклу-Гийдарх*, *Хасилу-Чимаку*, *Кияслу*, *Хидирлу*, *Пир-Хасанлу*, *Гетерлу*, *Баджиамену*, *Билаган*, *Ислаганжук*, *Ахмед-Вар*, *Каривенд-Мейдан*, *Алилу*, *Каракоюнлу*, *Ильхинчизару*. Кроме того, населенные имения в Елисаветпольской губернии состояли из его женой: в Зангезурском уезде – *Ханджаган*, в Шушинском уезде – *Харамурт*, в Джеванширском уезде – *Карадалы* и *Кевда-Дых*.

Князь Мехти-Кули Хан Уцмиев был женат (с 1871 г.) на Салтанат Бике (1856 – 1927), дочери гвардии полковника Керим Аги Джеваншира⁶⁹ (Керим Аги Джеваншир, сын подполковника Мамед Касум Аги и внук Ибрагим Халил Хана Карабахского, приходился двоюродным братом Натаван; таким образом, князь Мехти-Кули Хан Уцмиев и Салтанат Бике были троюродными братом и сестрой; в послужном списке Мехти-Кули Хана Уцмиева чин Керим Аги Джеваншира – гвардии ротмистр; в полковники он был произведен 6 января 1879 г. – Э.И.).

У князя Мехти-Кули Хана Уцмиева от брака с Салтанат Бике Джеваншир были один сын и три дочери: Хасай (род. 28 августа 1881 г.), Ага Бике (род. в августе 1873 г.), Бильгеис Бике (род. в июле 1874 г.) и Азиза Бике (род. в январе 1876 г.). «Жена и дети магометанского закона»⁷⁰.

Умер князь Мехти-Кули Хан Уцмиев в Тифлисе и по своему завещанию был похоронен в Агдаме на родовом кладбище ханов Карабахских – Имарят⁷¹.

Высочайшим приказом от 12 октября 1900 г. состоящий при войсках Кавказского военного округа подполковник *Князь Мехти-Кули-Хан-Уцмиев* был исключен из списков умершим⁷².

Князь Мехти-Кули Хан Уцмиев, автор стихов на азербайджанском и фарси языках, был известен в литературных кругах Азербайджана как проникновенный лирик. Один из выдающихся азербайджанских критиков Фридун Бек Кочарлинский, характеризуя его поэзию, писал: «Говоря о современных поэтах, нельзя не упомянуть с душевной скорбью о безвременно скончавшемся князе Мехти Кули хан Уцмиеве. Любовь к человеку, братство, прощение обид, «милость к падшим», сострадание составляют основной мотив поэзии даровитого Мехти Кули хана. «Осторожно вступай на зеленое поле, говорит князь Уцмиев, чтобы под твоими ногами не погибли букашки и не помялись молодые травки»⁷³.

17 февраля 1897 г. по инициативе князя Мехти-Кули Хана Уцмиева в Шуше была открыта азербайджанская читальня⁷⁴. По данным на 1899 г. Мехти-Кули Хан Уцмиев являлся также почётным попечителем русско-татарского (русско-азербайджанского – Э.И.) Шушинского училища⁷⁵.

Большую известность Мехти-Кули Хану Уцмиеву принесла его библиотека и особенно уникальное собрание рукописей и старинных книг на арабском, персидском, турецком и азербайджанском языках. К сожалению, в годы гражданской войны библиотека, унаследованная его сыном Хасаем Уцмиевым, была разграблена, как и его родовой дом в Агдаме и дворец Натаван в Шуше.

Сейчас лишь некоторые книги и рукописи из его библиотеки обнаруживаются в книжных хранилищах и музеях Азербайджана. Приходится лишь сожалеть, что до сих пор остаются несобранными и неизданными его произведения. На хранении в институте рукописей Национальной Академии наук Азербайджана находится рукописная тетрадь с его стихами на фарси и азербайджанском языках⁷⁶. Тетрадь (из 101 страниц), письма Мехти-Кули Хана, фотографии были переданы в 1959 г. в Музей истории Азербайджанской литературы им. Низами внуком князя Мехти-Кули Хана Уцмиева – Мехти Хасаевичем Уцмиевым.

Я посчитал необходимым опубликовать в настоящей статье некролог Мехти-Кули Хана Уцмиева, помещенный в газете «Каспий», авторство над которым приписывают видному азербайджанскому

публицисту и общественному деятелю начала XX столетия Ахмед Беку Агаеву.

«Нам передали печальное известие о кончине в Тифлисе после долгой и тяжелой болезни подполковника Мехти Кули Хана Уцмиева. Тело покойного будет перевезено в родовое имение Агдам Шушинского уезда, где и состоятся похороны в фамильном склепе.

Мехти Кули Хан принадлежал к одной из родовитейших семей нашего края. Отец его генерал-майор князь Хасай Уцмиев происходил из известной дагестанской княжеской фамилии Уцмиевых, потомков арабских завоевателей Дагестана; мать его – Хуршид Бану Бегум была дочерью последнего карабагского владетельного Хана Мехти Кули Хана.

Князь Хасай Уцмиев был самым выдающимся по времени и образованным деятелем из мусульман нашего края; супруга его – Хуршид Бану Бегум была поэтессой и художницей и оставила после себя целый сборник стихотворений как на татарском (на азербайджанском – Э.И.), так и на персидском языках.

Воспитанный в детстве гувернерами, муллами арабскому, персидскому и татарскому (азербайджанскому – Э.И.) языкам, восточной поэзии и литературе, юность свою покойный князь провел в Тифлисе и Петербурге, где получил среднее образование, довершенное впоследствии им самим.

В 1877 году он принимал участие в русско-турецкой кампании в качестве адъютанта при Великом Князе, а после кампании был прикомандирован к главноначальствующему в той же должности, ему не раз давались важные поручения, как например, сопровождение нашей экстраординарной миссии в Тегеран, расследование разбойничьего нападения в Уджарах и пр. Но, не отличаясь честолюбием, покойный не добивался повышений и предпочитал скромную уединенную жизнь в кругу интимных малочисленных друзей, власти и светским успехам.

Любимым его занятием было чтение и собиранье редкостных восточных книг, для приобретения коих он не щадил никаких средств. Библиотека покойного считается редкою по богатству сочинений восточных авторов, не только у нас в крае, но и вообще. Но покойный был не простым библиофилом, он перечитывал все, что попадалось ему под руку, и был прекрасным знатоком Востока, его истории, литературы и религии. Сам поэт, и какой поэт! Он особенно увлекался поэзией. Его поэтические сочинения считаются наилучшими в современной татарской (азербайджанской – Э.И.) и персидской литературах; главные

мотивы его стихов – любовь к ближнему, сострадание и прощение; эти мотивы выливались нежными, убаюкивающими струями в чудные четверостишия – излюбленную князем-поэтом форму; иногда стиль его стихов по мягкости и плавности возвышается до стиля поэтов Саади, Гафиза и Омара Хайяма, но далеко опережает их по тонкости чувств и возвышенности идей.

Все было прекрасно в покойном поэте и редко внешние качества так чудесно гармонируют с внутренними, как у него. Унаследовав от отца безукоризненную наружность и возвышенные рыцарские качества, он необыкновенно гармонично сливал их с высокими дарами ума и сердца, унаследованными от матери. Еще долго, долго будут помнить те, которые знали покойного, его светлый спокойный образ, невольно внушавший уважение и почтение.

Покой праху твоему, мирный поэт, обучавший темных соплеменников любви, прощению и состраданию!

Покой праху твоему, князь-воин, память о коем будет для знакомых вечным символом чести, прямоты и порядочности!»⁷⁷.

24/19. Хан Бике (Фатма Бике) (Шуша, 1856 – Агдам, 1921).

Дочь князя Хасая Уцмиева от брака с Хуршид Бану Бегим Натаван.

Писала стихи на азербайджанском и фарси языках⁷⁸.

С 1872 г. была замужем за Аманулла Ханом Нахичеванским (15.06.1845 – ум. ок. 1891 г.), сыном генерала Исмаил Хана Нахичеванского⁷⁹. У них было четыре сына и две дочери: Баграм Хан (род. ок. 1872 – ?), Акпер Хан (род. ок. 1873 – 4.04.1961), Хаган Хан, Камран Хан, Энвер Ханум (род. ок. 1877 – 1910) и Санубер Ханум (1888 – 19.06.1958) Нахичеванские. После смерти своего мужа, Хан Бике вторично вышла замуж и переехала в г. Елисаветполь (Гянджа)⁸⁰.

Хан Бике была похоронена в Агдаме на родовом кладбище ханов Карабахских – Имарят⁸¹.

XII поколение

25/23. Ага Бике (август 1873 – ум. ок. 1942).

Дочь князя Мехти-Кули Хана Уцмиева от брака с Салтанат Бике Джеваншир.

Была замужем за принцем Акбер Мирзой Каджаром, сыном генерал-майора принца Риза-Кули Мирзы. У них было три сына и две дочери: Риза-Кули Мирза (18.07.1895 – 1957), Рукнаддин Мирза (1.11.1896 – 7.09.1960), Шахрух Мирза (18.08.1901 – ?), Мелик Султан Ханум (17.04. 1890 – ?) и Гамар Ханум (1.01.1904 – ?)⁸².

По данным на 1924 г. проживала (*Princess Kadjar*) вместе со своим сыном принцем Рукнаддин Мирзой во Франции в Ницце по адресу: 98, Rue France⁸³.

28/23. Хасай Уцмиев (28.08.1881 – Владикавказ, 6.10.1925).

Сын князя Мехти-Кули Хана Уцмиева от брака с Салтанат Бике Джеваншир.

Обучался в Шушинском реальном училище⁸⁴.

О князе Хасая Уцмиева сохранились достаточно скудные сведения, в основном из семейного архива его старшего сына Мехти Уцмиева, в частности копия заявления «гражданина Хасая Мехти оглы Уцмиева в Отдел Управления Бакреврома» от 31 мая 1920 г. Заявление было подано согласно приказа Народного комиссариата внутренних дел за № 10 от 15 мая 1920 г., в котором, по-видимому, требовалось предоставить в Бакревром сведения о себе и своей семье. В этот период Хасай Уцмиев вместе со своей второй женой и тремя детьми проживал в Баку по Торговой улице в доме № 10, кв. № 3. Его мать Салтанат Бике находилась в Агдаме. В заявлении Хасай Уцмиев отмечал, что на государственной службе «ни в царское ни в Азербайджанское время» он не состоял и ни в какой политической партии не числился. «Настоящее заявление считаю нужным подать потому, что юридически я являюсь, в соучастии с матерью и сестрою, находящейся в безвестной отлучке (она проживала в гор. Петрограде и три года я не имею о ней известий), собственником многих земель при селениях: Хидерлу, Кияслу, Сеитлу, Саригаджилу, Ахмедавар, Чеманлу, Кегерлу – Шушинского уезда и Годжалу – Джеванширского уезда, но фактически этими землями никогда не пользовался, предоставив их в пользование крестьян означенных селений... Жил же я и выплачивал отцовские долги исключительно доходами с лавок, караван-сараяв и др. помещений для торговых целей, расположенных на участке в 20 десятин при сел. Сеитлу... Сам же я никогда никакой торговли, предприятия или капитала не имел, жил с окрестными крестьянами в наилучших отношениях, пока не переехал из Агдама в Баку ради обучения детей... Я ныне надеюсь содержать свою большую семью службой в Советских учреждениях... Я уже подал прошение в Совнархоз о принятии меня на службу и имею сведения, что меня зачислят помощником дело-производителя в подотдел сырья, но официального удостоверения еще не получил»⁸⁵.

Затем Хасай Уцмиев занимался научной работой и вплоть до своей смерти являлся заведующим Историко-этнографического отдела

Азербайджанского государственного музея в Баку, а также членом общества обследования и изучения Азербайджана⁸⁶.

Князь Хасай Уцмиев был женат на Сарие Ханум Рустамбековой (1884 – 16.12.1907) – дочери Искендер бека Рустамбекова* от его брака с персидской принцессой Дильшад Ага Каджар**. Сария Ханум скончалась в Швейцарии в санатории Сент Блазиен, где находилась на лечении. После смерти Сарии Ханум князь Хасай Уцмиев вступил во второй брак с Софией Дмитриевной Ястремской (30.09.1888 – Баку, 1955), из семьи польского происхождения. От первого брака у него было двое сыновей, а от второго – одна дочь (см. ниже)⁸⁷.

ХIII поколение

29/28. Мехти Уцмиев
(Шуша, 6.02.1906 – Москва, 17.01.1993).

Сын князя Хасая Уцмиева от брака с Сарией Ханум Рустамбековой.

С августа 1920 г. работал чертежником в Водном отделе Наркомзема Азербайджана. В 1921 г. переехал в Тбилиси, где поступил на живописный факультет Академии художеств Грузии (мастерская академика Е.Е. Лансере). Не окончив Академии в связи со смертью отца в 1926 г. вернулся в Баку и поступил на архитектурное отделение инженерно-строительного факультета Азербайджанского Политехни -

Князь Мехти Уцмиев.
Фото: Москва, 1977 г.

* О Шушинском бекском роде Рустамбековых, одной из младших линий Карабахского ханского дома, см.: Чингизоглу Э. Потомки Бехбудали-аги // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Вып. 5. Баку, 2004. С. 18–29 (на азерб. яз.).

** Принцесса Дильшад Ага Каджар (2.01.1853 – ум. ок. 1886), дочь генерал-майора принца Риза-Кули Мирзы, с 1872 г. и до своего замужества с Искендер беком Рустамбековым была фрейлиной императрицы.

ческого Института, который окончил в 1931 г. (институт был переименован в Азербайджанский Нефтяной Институт). До 1934 г. работал на строительстве в Баку. С 1934 г. работал в проектных организациях Баку, Батуми и Тбилиси. С 1936 г. член Союза архитекторов СССР. В 1941 г. был призван в ряды РККА и был назначен начальником КЭЧ эвакогоспиталю № 2452. В 1943 г. по состоянию здоровья был демобилизован. С 1943 по 1945 г. работал в военных организациях Закавказского военного округа, выполнял работы по проектированию и руководству строительством в Тбилиси и различных районах Грузии. С 1945 по 1950 г. работал в проектных организациях Министерства путей сообщения в Тбилиси. В 1950 г. был приглашен в Москву

в архитектурно-проектную мастерскую им. академика В.А. Веснина, в которой около 20 лет участвовал в проектировании крупных объектов в ряде городов СССР. С 1961 г. Мехти Уцмиев являлся главным архитектором проекта мастерской. В 1968 г. вышел на пенсию⁸⁸.

Мехти Уцмиев был похоронен на мусульманском кладбище в г. Домодедово под Москвой.

Мехти Уцмиев был женат на Доре Самуиловне Гусман (27.06.1908 – 15.08.1998).

30/28. Саид Уцмиев (6.01.1907 – Тбилиси, 24.12.1931).

Сын князя Хасая Уцмиева от брака с Сарией Ханум Рустамбековой.

Умер, находясь на военной службе.

Саид Уцмиев был женат на Рахиль Харитоновне Глезер (род. 3.12.1907)⁸⁹.

31/28. Лейла Уцмиева (19.09.1910 – Баку, 8.06.1994).

Дочь князя Хасая Уцмиева от брака с Софией Дмитриевной Ястремской.

**Княжна Лейла
Уцмиева.**
Фото: Баку, 1960 г.

Князь Саид Уцмиев.
Фото: Тбилиси, 1930 г.

Получила среднее образование. С 1942 г. работала в бухгалтерии Азербайджанской Государственной консерватории, с 1969 г. заведовала библиотекой консерватории⁹⁰.

-
- ¹ Книга в настоящее время находится на хранении в Институте рукописей НАН Азербайджана; см.: Ахмедов Э.М. А.-К. Бакиханов: эпоха, жизнь, деятельность. Баку, 1989. С. 160, 179, 220.
- ² Гусейнов Ч.Г. Правнук Натаван // Азеррос. Москва, март 2004 г. № 3 (43). С. 16–17.
- ³ Записка кап. Генерального штаба Пружановского о положении населения, классово-религиозной дифференциации и политических группировках Карабаге // Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. Ч. II. Феодалные отношения и колониальный режим в 1843–1868 гг. Москва – Ленинград, 1937. С. 24–25. (Записка эта была представлена главноуправляющему Кавказом генерал-адъютанту А.И. Нейдгардту, направлена им 17 марта 1845 г. военному министру князю А.И. Чернышеву и 4 апреля 1845 г. доложена императору Николаю I).
- ⁴ 1846 г. января 5. – Доклад за № 3 нач-ка гражданского управления Закавказья Краем П.А. Ладинского заместителю кавказскому кн. М.С. Воронцову // Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. Ч. II. Феодалные отношения и колониальный режим в 1843–1868 гг. Москва – Ленинград, 1937. С. 45–47.
- ⁵ 1846 г. сентября 3. – Выписка из заседания Кавк. ком-та, от 24 августа 1846 г. // Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в. Ч. II. Феодалные отношения и колониальный режим в 1843–1868 гг. Москва – Ленинград, 1937. С. 47–48.
- ⁶ Мамедов Б. Хуршидбану Натаван // Натаван. Лирика. Перевод на русский язык. Баку, 1982. С. 77–78.
- ⁷ Джафарзаде А. Хуршид Бану Натаван – поэтесса и художница Азербайджана XIX века // Труды республиканского рукописного фонда. Том I. Баку, 1961. С. 43–54.
- ⁸ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 905.
- ⁹ ГИААР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9.
- ¹⁰ Джафарзаде А. Указ. соч. С. 43–54.
- ¹¹ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 905; Шукюрзаде Э.Б. Генеалогическая таблица Карабахских ханов // Доклады АН АзССР. Баку, 1981. № 7.
- ¹² Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988. Глава XXII. Баку. С. 112–113.
- ¹³ Дюма А. Указ. соч. Глава XXIII. Город, базары, мечеть, воды, огни. С. 115.
- ¹⁴ Дюма А. Указ. соч. Глава XXIII. Город, базары, мечеть, воды, огни. С. 117–118.
- ¹⁵ ГИААР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.
- ¹⁶ ГИААР. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7344. Л. 160.
- ¹⁷ Джафарзаде А. Указ. соч. С. 43–54.

- ¹⁸ Поэты Азербайджана. Ленинград, 1970. С. 422; Dichtungen transkaukasischen Sanger des XVIII und XIX Jahrhunderts in adserbeidshanischer Mundart gesondert von Adolf Berge. Leipzig, 1868.
- ¹⁹ См.: Натаван. Лирика. Перевод на русский язык. Баку, 1982.
- ²⁰ Мамедов Б.А. Родственники Натаван (литературные портреты). Баку, 1989 (на азерб. яз.).
- ²¹ ГИААР. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7344. Л. 259.
- ²² ГИААР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.
- ²³ ГИААР. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–6об.
- ²⁴ История Дагестана. Т. 1. Москва, 1967. С. 184.
- ²⁵ История Дагестана. Т. 1. Москва, 1967. С. 247; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Москва, 2004. С. 244–245, 305–307.
- ²⁶ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 110, 244.
- ²⁷ История Дагестана. Т. 1. Москва, 1967. С. 247, 321.
- ²⁸ Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. Архивные материалы / Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. Москва, 1969. С. 82–83.
- ²⁹ Там же. С. 82–83.
- ³⁰ История Дагестана. Т. 1. Москва, 1967. С. 321.
- ³¹ Феодалные отношения в Дагестане. Указ. соч. С. 84.
- ³² АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 647–648.
- ³³ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 562.
- ³⁴ Список генералам по старшинству. СПб., 1840. С. 336.
- ³⁵ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 507, 564.
- ³⁶ Список генералам по старшинству. СПб., 1840. С. 336.
- ³⁷ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 520.
- ³⁸ Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. Москва, 2005. С. 52.
- ³⁹ Список генералам по старшинству. СПб., 1840. С. 336.
- ⁴⁰ Рапорт начальника Сунженской линии подполковника А.П. Пулло командующему войсками Кавказской линии генерал-лейтенанту А.А. Вельяминову о результатах экспедиции, предпринятой для покорения чеченских аулов. 5 февраля 1835 г. // Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. Москва, 2005. С. 107–108.
- ⁴¹ АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 381.
- ⁴² Русский инвалид. 20.11.1837 г. № 293.
- ⁴³ Русский инвалид. 6.03.1842 г. № 53.
- ⁴⁴ Донесение корпуса жандармов капитана Викторова начальнику штаба того же корпуса и управляющему III отделением собственной Е.И.В. канцелярии генералу от кавалерии Л.В. Дубельту о влиянии Шамиля на жителей Северного Кавказа. 29 марта 1843 г. // Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. Москва, 2005. С. 274–276.

- ⁴⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 825.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 826.
- ⁴⁷ Абрамович А. Очерк сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2003. С. 19–71.
- ⁴⁸ Справка по делу о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2003. С. 249–313.
- ⁴⁹ Думанов Х.М., Мусукаев А.И., Максидов А.А. Проблемы статуса сословий Северного Кавказа // Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2003. С. 5–18.
- ⁵⁰ Исмаилов Э.Э. Бекские комиссии и проект положения о правах высшего мусульманского сословия Закавказья // Генеалогический вестник. Вып. 9. Санкт-Петербург, 2002. С. 47–51.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 825.
- ⁵² РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 95. Л. 404–410; РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 826.
- ⁵³ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 287. Л. 2–4об.
- ⁵⁴ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 287. Л. 22–26об, 37–40об, 43.
- ⁵⁵ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 287. Л. 49–50, 82.
- ⁵⁶ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 287. Л. 66, 86.
- ⁵⁷ Кавказский календарь на 1847, 1854, 1861 гг.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 95. Л. 404–410.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 826.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 95. Л. 404–410; АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 905; Мамедов Б.А. Родственники Натаван (литературные портреты). Баку, 1989 (на азерб. яз.); Шукюрзаде Э.Б. Генеалогическая таблица Карабахских ханов // Доклады АН АзССР. Баку, 1981. № 7.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 826.
- ⁶² ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 6. Д. 287. Л. 79.
- ⁶³ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 54. Л. 37–38об.
- ⁶⁴ РГВИА. Ф. 409. П/с. 809768/55 (1895 г.); Копия п/с 29 апреля 1914 г. (в собрании семьи).
- ⁶⁵ Русский инвалид. 17.04.1880 г. № 87.
- ⁶⁶ Русский инвалид. 11.11.1881 г. № 247.
- ⁶⁷ Русский инвалид. 1.03.1883 г. № 47.
- ⁶⁸ Русский инвалид. 16.03.1883 г. № 59.
- ⁶⁹ РГВИА. Ф. 409. П/с. 809768/55 (1895 г.); АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 905.
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 409. П/с. 809768/55 (1895 г.); Копия п/с 29 апреля 1914 г. (в собрании семьи).
- ⁷¹ А[хмед-бек]. А[гаев]. Некролог // Каспий. 13.09.1900 г. № 200; Мамедов Б.А. Указ. соч.

-
- ⁷² Высочайшие приказы о чинах военных; Копия п/с 29 апреля 1914 г. (в собрании семьи).
- ⁷³ Фридун-бек Кочарлинский. Литература азербейджанских татар. Тифлис, 1903. С. 54.
- ⁷⁴ Мамедов Б.А. Указ. соч.
- ⁷⁵ Кавказский календарь на 1899 г.
- ⁷⁶ Мамедов Б.А. Указ. соч.
- ⁷⁷ А[хмед-бек]. А[гаев]. Некролог // Каспий. 13.09.1900 г. № 200.
- ⁷⁸ Мамедов Б.А. Указ. соч.
- ⁷⁹ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 905.
- ⁸⁰ Нагдалиев Ф. Ханы Нахичеванские в Российской Империи. Москва, 2006. С. 337–343.
- ⁸¹ Мамедов Б.А. Указ. соч.
- ⁸² РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 24421. Л. 844–851об.
- ⁸³ American Family Immigration History Center of Ellis Island.
- ⁸⁴ ГИААР. Ф. 43. Оп. 2. Д. 7344. Л. 160.
- ⁸⁵ Семейный архив Мехти Хасаевича Уцмиева (1906–1993).
- ⁸⁶ Справка № 809 от 8.12.1929 г.; Членский билет № 361 от 2.01.1924 г. // Семейный архив Мехти Хасаевича Уцмиева (1906–1993).
- ⁸⁷ Семейный архив Мехти Хасаевича Уцмиева (1906–1993).
- ⁸⁸ Автобиография // Семейный архив Мехти Хасаевича Уцмиева (1906–1993).
- ⁸⁹ Семейный архив Мехти Хасаевича Уцмиева (1906–1993).
- ⁹⁰ Семейный архив Мехти Хасаевича Уцмиева (1906–1993).

АБРАХАНОВЫ

Поколенная родословная роспись

Карабахский род Абрахановых восходит к знаменитому роду ханов Хойских и Шекинских, происходивших из южно азербайджанского племени думбули. Образование в конце XIX столетия фамилии Абрахановых связано с именем младшего сына Джафар-Кули хана Хойского и Шекинского – Абутураб хана, которого в семье называли Абра ханом. Это имя закрепилось за ним, стало фигурировать в документах и впоследствии легло в основу фамилии его потомков. В настоящей поколенной росписи Абутураб хан принят за родоначальника.

Отец Абутураб хана – Джафар-Кули хан с 1786 г. являлся правителем Хойского ханства – одного из могущественных южно-азербайджанских феодальных государств. Власть Джафар-Кули хана временами распространялась также и на большинство других южно-азербайджанских ханств. Однако в конце 1797 г., когда наследник персидского престола принц Аббас Мирза напал и захватил Хойскую крепость, взяв в заложники старшего сына, жену и брата Джафар-Кули хана, последний был вынужден отступить в Макинскую крепость, где, получив подкрепление от своего родственника турецкого баязетского паши, продержался вплоть до 1804 г. В 1804 г. Джафар-Кули хан из Макинской крепости перешел в крепость Кёр-оглу, предоставленную ему Мухаммед ханом Эриванским. В июне 1804 г. Джафар-Кули хан принял участие в осаде Эриванской крепости русскими войсками под командованием князя Цицианова, и вскоре со всем своим семейством вступил в российское подданство. В 1806 г. после подавления русскими войсками восстания Селим хана Шекинского, Джафар-Кули хану было предложено занять Шекинский ханский трон. 10 декабря 1806 г. императором Александром I были подписаны две грамоты на имя Джафар-Кули хана Хойского об утверждении его ханом Шекинским и Нухинским, и о пожаловании ему чина генерал-лейтенанта. 12 января 1807 г. в Тифлисе Джафар-Кули хан был приведен к присяге и утвержден ханом Шекинским. «В ознаменование ханского достоинства» Джафар-Кули хану были пожалованы алмазное перо, Высочайшая грамота, знамя с государственным гербом и сабля, украшенная драгоценными камнями. 8 сентября 1813 г. он был пожалован орденом Св. Анны 1-й ст. Джафар-Кули хан Хойский и Шекинский умер 22 августа 1814 г. После его смерти новым ханом Шекинским был провозглашен его второй сын полковник Исмаил

хан (Исмаил паша). Высочайший указ об утверждении Исмаил паша ханом Шекинским и о пожаловании его чином генерал-майора был подписан 10 мая 1815 г. Исмаил хан умер 24 июля 1819 г., не оставив сыновей. И хотя после Исмаил хана остались два его брата, его смерть послужила поводом Российскому правительству для упразднения ханской власти в Шеки* [21а. С. 69–71].

С упразднением ханской власти была составлена ведомость доходов Шекинской ханской семьи на 1819 г. Согласно этой ведомости, доходы Абра (Абу-тураб) хана в Шекинском ханстве составляли 1600 рублей 34 копейки [20. С. 755]. «По распоряжению Главноуправляющего в Грузии генерала Ермолова земли ему (Абра хану – Н.Д.) принадлежащие [были] взяты в казну с назначением ему взамен них из казны содержания по 1200 руб. серебром в год, каковое содержание со смертью ...прекращено» [6. Л. 31]. Согласно данным на 1823 г. «Шереф Ниса ханум вместе с младшим сыном Абра-ханом получали от казны содержание... матери 1600 рублей, сыну 1200» [20. С. 777]. В дальнейшем Абутураб хан (Абра хан) проживал в Елисаветполе, имел чин капитана [5. Л. 4].

Новруз ага Абраханов с супругой
Зумруд ханым.

Фото: периода 1930-х гг.

* Более подробно о ханах Хойских, их происхождении, истории, родословной см.: Исмаилов Э.Э. Ханы Хойские. Материалы к родословной и биографиям // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Вып. 4. Баку, 2003. С. 35–58.

Абутураб хан (Абра хан) Хойский был женат на Азад беим – дочери Ибрагим-Халил хана Карабахского, «родившейся от дочери мирза Раби, везиря грузинского валия» (царя Картли-Кахетии Ираклия II – Н.Д.) [22. С. 105]. Азербайджанец Мирза Раби при дворе царя Ираклия II занимал пост мустофи (секретаря – Н.Д.), а позже стал везирем [24. С. 4]. Брак хана Карабахского с дочерью везиря царя Картли-Кахетии имел политическую подоплеку, так как был заключен в знак примирения Ираклия II с Ибрагим-Халил ханом после нескольких лет отчуждения, вызванного переходом Грузии под протекторат России по Георгиевскому договору 1783 г. «Поскольку валий Грузии Ираклий хан всегда стремился к союзу и дружбе с Ибрагим ханом, то он, ввиду того, что различие религий не позволяло ему непосредственно породниться с ним, выдал трех дочерей своего везира за хана и двух его сыновей, Абульфат хана и Мухаммед Гасым агу, дабы таким путем укрепить узы дружбы и любви» [22. С. 105].

Дочь Ибрагим-Халил хана – Азад беим – унаследовала селения Ханазак, Казанчи, Кайбалы в Челябинурдском участке, селения Арбадуз, Агдара, Норашен, Мухатор в Мегринском участке, кочевья Субханвердилер в Варандинском участке, село Сароб и кочевья Хасилу и Карагаджилю в Джеванширском участке, а также земли Аскеран, Аг-оглан, Черикя тапа, Дельмепара и Гашанлу бывшего Карабахского ханства [3. Л. 37, 38]. Кроме того, Азад беим в Карабахском ханстве получала доход от табачной и рисовой статей, которые по упразднении ханской власти с 1823 г. были записаны в казну, взамен чего ей была назначена пенсия в 619 руб. 80 коп. серебром в год [21. С. 46]. Со смертью Азад беим в 1845 г. выплата этого пенсионера была прекращена [6. Л. 31]. По кебинной акту Азад беим от своего мужа Абутураб хана получила в Хойской провинции села Кошек, Бабкен, Бурдкен, Диза-араб, Зейва, Вар, Тисуч, Дирашихмарджан [19. Л. 3–3об].

I поколение

1. Абутураб хан (Абра хан) (? – ум. до 1846 г.).

Младший сын Джафар-Кули хана Хойского и Шекинского от брака с Шараф-Ниса беим (сестра или дочь Баязетского паши) [21. С. 40].

Был женат на дочери Ибрагим-Халил хана Карабахского – Азад беим (Азат Бегум; Иззет беим) (род. в нач. 1790-х гг. – ум. 1845) [6. Л. 31об].

II поколение

2/1. **Беим ханым (Бегум Ханума)** (род. ок. 1824 – ?).

Была замужем за поручиком Сулейман агой Зиядхановым [3. Л. 37].

3/1. **Ата хан Абра хан (Абутураб хан) оглы** (род. ок. 1827 [3. Л. 37] – ум. до 1885).

Жил в городе Шуша [6. Л. 33]. Унаследовал от матери село Сароб, кочевье Карагаджи, село Хасилу [2. Л. 411, 418, 425], село Кайбалы и пр. [3. Л. 37–38]. В 1846 г. Ата хан подал прошение на имя начальника Каспийской области о выдаче ему пенсионна, который получал до своей смерти его отец капитан Абутураб хан взамен имений, отошедших в казну. В 1848 г. Ата хан подал также прошение на имя Шемахинского военного губернатора о возвращении ему пенсионна, получаемого его матерью взамен отобранных в казну табачной и рисовой статей бывшего Карабахского ханства. Однако Ата хану, унаследовавшему от своей матери все ее имения в бывшем Карабахском ханстве, было отказано в обоих его прошениях под предлогом того, что он «имеет достаточное для содержания себя и сестер имение» [19а. Л. 99об–100об].

«Государь Император, в ознаменовании особой милости и благоволения к ханам, бекам и прочим лицам, высшего мусульманского сословия в Закавказском крае,.. желая упрочить на твердых основаниях их участь и тем самым дать им средства быть полезными правительству, 1 пунктом Высочайшего рескрипта, последовавшего на имя Наместника Кавказского в 6 день декабря 1846 года, Всемилостивейше соизволил утвердить в их потомственном владении все те земли, коими роды их обладали во время присоединения мусульманских провинций к России и которые теперь находятся в безспорном их владении. По рассмотрении категорических списков, составленных в 1852 году,.. оказалось, что под действие вышеприведенного пункта Высочайшего рескрипта подходит показанная... за Ата ханом Абутариб Хан оглы, в Шушинском уезде... в Челябинтском участке, земля селения Кайбалы-кенды... В удостоверение сего, по приказанию Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Наместника Кавказского, выдается настоящее свидетельство из Главного Управления Наместника... Тифлис июля 17 дня 1870 года» [8. Л. 3–3об]. Аналогичное Свидетельство было получено 18 февраля 1871 г. Ата ханом Абутураб хан оглы на расположенные «в Джеванширском участке, земли селения Саров (оно же Сароб)» [4. Л. 5–5об].

В Шуше за Ата ханом состояло 18 крестьян, некоторые из которых занимались ткачеством, торговлей, извозом, были шапочники, кожевники, каменщики [1. Л. 314–317].

Ата хана был женат на Бейюк ханым Наджаф-Кули ага кызы [7; 9] (? – ум. после 1910 г.). Отец Бейюк ханым – Наджаф-Кули ага Джеваншир был сыном подполковника Мамед-Касум аги (Мухаммед-Гасым аги), одного из сыновей Ибрагим-Халил хана Карабахского, и таким образом приходился двоюродным братом Ата хану.

Потомки Ата хана Абра хан (Абутураб хан) оглы приняли фамилию Абрахановых.

4/1. Шараф-Джахан беим (Шараф Джаган Бегума) (род. ок. 1835 – ?) [3. Л. 37].

Была замужем за главой Карабахского ханского дома Гидаят агой Джеванширом, от которого у нее были три сына и две дочери – Джавад ага (1851 – 1930), Гусейн ага (1854 – ?), Наджаф-Кули ага (1858 – ?), Мяхбуба беим (1857 – ?) и Ага беим (1865 – ?) Джеванширы [21. С. 49].

5/1. Тубу беим (Тубу Бегума) (род. ок. 1837 – ?) [3. Л. 37].

III поколение

6/3. Мамед (Мухаммед) ага Абраханов (род. ок. 1863 [17. Л. 80] – ум. Шемаха, 1936).

Крупный землевладелец. Согласно архивным документам ему наследственно принадлежали села Казанчи, Ханазак (Ханадзак), Саров (Бегум-Саров), Кейбаликенд, Ханбагы (Ханские сады), Косалар [13; 18]. «Жительствовал во 2-ой части города Шуши» [6. Л. 11] и на даче в селении Ханазак. Основной доход получал за счет земельных налогов и сдачи земельных участков и угодий в аренду, а также сдачи в аренду «каравансарая с находящимися при нем лавками в имении Ханазак» [5; 16].

На основании Высочайшего повеления от 15 февраля 1896 г., Мамед ага Абраханов 20 августа 1896 г. был пожалован серебряной медалью, учрежденной в память коронавания императора Николая II, для ношения в петлице на Андреевской ленте [10. Л. 1а].

«В воздаяние отлично-усердной и ревностной службы» Мамед ага Абраханов был пожалован орденом Св. Станислава 3-й ст. – 27 июня 1896 г. [10. Л. 3].

Мамед ага Абраханов принимал активное участие в переписи населения 1897 г., о чем имеется Свидетельство за подписью Министра Внутренних Дел и «ему была пожалована Высочайше учрежденная за труды по первой всеобщей переписи населения 1897 г. темнобронзовая

медаль для ношения на груди, на ленте из государственных цветов. Мая 7 дня 1897 года» [10. Л. 4].

В начале XX в. Мамед ага Абраханов занимался проектом по благоустройству края, например, строительством шоссе [17]. Мамед ага Абраханов выделял средства для распространения высшего образования среди мусульман, и в частности, «мусульман азербейджанцев учащихся в высших учебных заведениях г. Петербурга...» [17. Л. 14]. Был попечителем женского училища в селе Малыбейли [17. Л.18–19], оказывал финансовую помощь Шушинскому реальному училищу [17], выделял деньги в пользу Российского Общества Красного Креста [15].

Мамед ага Абраханов пользовался большим влиянием и уважением среди населения. Так, летом 1905 г. во время армяно-азербейджанских столкновений в Шуше, председателем Шушинской комиссии нравственного воздействия Дж. Джеванширом официально была возложена на М. Абраханова обязанность «наблюдения за мирным течением между армянами и мусульманами в 1-м участке Шушинского уезда ...и принятие всех мер нравственного воздействия...» [17. Л. 1а]. Однако ему самому не удалось избежать тяжелых последствий межнациональных столкновений. По сообщению известного азербейджанского поэта, художника и музыканта Мир Мохсуна Навваба, очевидца кровавых событий 1905–1906 гг. в Карабахе, «армяне напали на Ханазак. У Мамед-аги Атахан оглу в этой деревне были прекрасные особняки и сады. Армянские бандиты зверски разрушили эти постройки, вырубали деревья, разграбили имущество и увели до 300 голов скота» [23. С. 52–53].

На основании 170-й статьи Положения о выборах в IV Государственную Думу Российской империи Мамед ага Абраханов 14 июля 1912 г. был назначен Елисаветпольским губернатором «членом Шушинской уездной по делам о выборах Комиссии...» [6. Л. 13].

С 1914 г. Мамед ага Абраханов являлся членом Елисаветпольского отделения Императорского Кавказского общества сельского хозяйства [15]. Был также членом Лесоохранительного Комитета [6].

В 1913 г. некоторые его земли, например, село Казанчи, попали в перечень, подлежащих выкупу, согласно закону от 20 декабря 1912 г. [18]. К 1919 г. Мамед ага Абраханов владел 1917,8 десятинами земли [11].

Уже при Советской власти в начале 1930-х гг. Мамед ага Абраханов был выслан в г. Шемаху, где и умер в 1936 г.

Мамед ага Абраханов был женат на Зиба беим (Зиба Бегум) Бехбуд бек кызы, от которой имел пять сыновей и пять дочерей. Второй

женой Мамед аги Абраханова была Мина N, крестьянка из села Кяркиджахан, от которой он имел четырех дочерей и одного сына: Гумру ханым, Аферин ханым, Тейху ханым, Тамара ханым и Рашид ага. Дети Мамед аги Абраханова от второго брака носили фамилию Мамедовы.

7/3. Сулейха беим.

8/3. Ширин беим.

9/3. Зиба беим (1880 – ?).

Была замужем за Гасан агой Сулейман хан оглы Шекинским, внуком Селим хана Шекинского.

10/3. Гамарниса беим (Гамар беим; литературный псевдоним Шейда Гарабаги) (Шуша, 1881 – Баку, 15.04.1933).

Обучалась в Шушинской женской гимназии. Была известной поэтессой, автором многочисленных лирических стихов и пьесы «Зулмун дашгынь». Творила под литературным псевдонимом Шейда Гарабаги. Являлась членом поэтического кружка «Меджлиси-унс», основанного и возглавляемого дочерью Мехти-Кули хана Карабахского Хуршуд Бану Натаван. Гамар беим была замужем за Садыг бекон Везириным, от которого имела детей: Лейлу ханым, Бахадур бека, Надир бека, Санубар ханым, Гамиду ханым и Антига ханым. В 1924 г. она переехала в Баку. После назначения ее сына Бахадур бека Везирова в Нахичевань Народным комиссаром здравоохранения, проживала в Нахичевани. Умерла в Баку [25. С. 70, 76, 78].

11/3. Фатма беим (1883 – ?).

12/3. Иззят беим.

IV поколение

13/6. Дилара беим (? – Ордубад, 1960-ые гг.).

Была замужем за Джавад бекон Джевандширом, от которого имела детей: Мирват бека, Гудрет бека, Дурра ханым, Диловса ханым, Хибейда ханым, Хафиза ханым и Гейсу ханым (1907 – 1985).

14/6. Бахрам ага Абраханов (11.01.1891 – ?) [12. Л. 5].

Окончил Шушинское реальное училище [15. Л. 3]. Умер в молодом возрасте.

15/6. Бахман ага Абраханов (1892 – Баку, 1960).

Окончил Шушинское реальное училище [15. Л. 5]. Был женат на Анне N (1900 – [1975]).

16/6. Имран ага Абраханов (12.04.1894 [12. Л. 2] – Агдам, 1942).

Окончил Шушинское реальное училище. Играл на кеманче в трио известного азербайджанского певца Хана Шушинского. Был женат на

Сачты ханым Гусейн бек гызы, от которой не имел детей. Вторым браком был женат на Гуламбар N, от которой имел 5 детей.

17/6. Агджа беим.

Врач. Была замужем за Шахверди ханом Зиядхановым [17; 21. С. 54]. По данным семьи, в 1920-х гг. вместе с мужем была сослана в Казахстан, где и умерла.

18/6. Дильгуша беим (? – Баку, 10.11.1983).

В 1917 г. вышла замуж [14] за Гасан бека Гусейн бек оглы, владельца имения Сайбалы, от которого имела детей: Дильшад ханым (род. 1917), Ильдрым бека (1920 – 1977), Теймур бека (1924 – 1982), Агджа ханым (1928 – 1994) и Ганиру ханым (род. 1933).

19/6. Новруз ага Абраханов (1896? – Баку, 30.07.1970).

Окончил Шушинское реальное училище. Преподавал в музыкальной школе гор. Шуша. После переезда в Баку работал в системе торговли. С 1920 г. был женат на Зумруд ханым Гюльмамедовой – дочери гласного Шушинской городской Думы Алиш бека Гюльмамедбекова.

20/6. Акбар ага Абраханов (1901 – погиб в августе 1943 г. на Курской дуге).

Преподавал в музыкальной школе гор. Степанакерта (Ханкенди) по классу тара. Был женат на Рубабе Агаевой (1915 – 1987).

21/6. Фируза беим (1906 – 20.04.1979).

В 1923 г. вышла замуж за Искендер бека Алиш бек оглы Гюльмамедова (1901 – 1965), сына гласного Шушинской городской Думы Алиш бека Гюльмамедбекова, и от этого брака имела сына Аббас бека (1923 – 1992). В 1935 г. вышла замуж за Рзу Ахундова, от которого имела сына Анвера.

22/6. Дурдана беим (? – 1973).

Работала на Степанакертском шелковом комбинате. Была замужем за помещиком Юсиф беком Алекберовым, репрессированным в 1930-х гг. От этого брака имела трех дочерей: Сара ханым (род. 1924), Зейнаб ханым (род. 1926) и Валида ханым (род. 1929).

V поколение

23/15. Гюльшан беим (1923 – Баку, 1991).

Была замужем за Али Абдуллаевым, от которого имела детей: Рену и Нофеля.

24/15. Нофель ага Абраханов.

Погиб на фронте в годы Второй Мировой войны.

25/15. Интизар беим (14.4.1928 – Баку, 28.04.1996).

Была замужем за Алисойем Ализаде, от которого имела детей: Лалазар и Нигяр.

26/16. Тарлан беим (род. Ханбаги, 1.08.1927).

Была замужем за Гейдаром Гусейновым (? – 1987). С 1992 г. в связи с войной с Арменией является вынужденным переселенцем.

27/16. Сабир ага Абраханов (Агдам, 1928 – Агдам, 1952).

Был холост.

28/16. Инглаб ага Абраханов (1931 – Агдам, 27.06.1980).

Работал жестянщиком. С 1956 г. был женат на Либе Агакишиевой.

29/16. Кутавер беим (род. 1935).

Была замужем за Таптыгом Умудовым (1934 – 1991), от которого имеет детей: Эльбруса, Эсьмиру, Нигяр, Гюльшан, Саадет, Севду и Рахмана. С 1992 г. в связи с войной с Арменией является вынужденным переселенцем.

30/16. Камран ага Абраханов (2.09.1936 – Баку, 20.02.2002).

Работал токарем в профилактории в гор. Агдам. С 1968 г. был женат на Малахат Гасановой (род. 1950). С 1992 г. в связи с войной с Арменией является вынужденным переселенцем.

31/19. Бююкханум беим (Шуша, 28.10.1923 – Баку, 22.11.1981).

По окончании средней школы № 6 гор. Баку, в 1942–1947 гг. обучалась в Азербайджанском государственном медицинском институте им. Н. Нариманова. Затем работала ординатором в отделении хирургии Клинической больницы № 2 под руководством профессора М. Топчибашева. В 1963 г. защитила диссертацию и получила степень кандидата медицинских наук. Имела ученое звание старшего научного сотрудника. С 1960-х гг. работала в Институте экспериментальной медицины в отделении пульмонологии, позже заведующим информационным отделом этого же института, а потом Министерства здравоохранения. С 1949 г. была замужем за Аждаром Магеррамовым (1910 – 1968), от которого имела сына Айдына (род. 1951).

32/19. Хавер беим (Шуша, 25.03.1925 – Баку, 28.12.1990).

По окончании средней школы № 189 гор. Баку, в 1941–1946 гг. обучалась в Азербайджанском государственном медицинском институте им. Н. Нариманова. Затем работала ординатором в Институте Охраны материнства и детства им. Н. Крупской. В начале 1950-х гг. обучалась в аспирантуре в гор. Москва. В 1957 г. защитила диссертацию и решением Совета Отделения клинической медицины АМН СССР получила степень кандидата медицинских наук. Являлась первым детским рентгенологом в Азербайджане. Решением Высшей Аттестационной Комис-

сии от 11 июня 1969 г. утверждена в ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «рентгенология». До 1985 г. работала в Институте Охраны материнства и детства им. Н.К.Крупской. Награждена медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда». В 1959 г. вышла замуж за Аллахъяр бека Джеваншира (1910 – 1991), от которого имела двух дочерей: Нурлану ханым (род. 1959) (автор настоящей статьи) и Гюльруз ханым (род. 1963).

33/19. Битура беим (род. Шуша, 28.01.1927).

По окончании средней школы № 134 гор. Баку, в 1945–1950 гг. обучалась в Азербайджанском государственном медицинском институте им. Н. Нариманова. С 1951 г. работала ординатором в Институте усовершенствования врачей. В 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию и получила степень кандидата медицинских наук. С этого же года работала на должности ассистента в Институте усовершенствования врачей. С 1992 г. работает клиническим ординатором в отделении гастроэнтерологии Республиканской больницы. Награждена медалями «Отличник здравоохранения» и «Ветеран труда». В 1951 г. вышла замуж за Фархад бека Ахмедбейли (род. 1923), от которого имеет детей: Халиду ханым (род. 1952), Фахраддин бека (род. 1953) и Азер бека (род. 1960).

34/19. Чингиз ага Абраханов (Шуша, 14.12.1928 – Баку, 9.11.1994).

По окончании средней школы № 134 гор. Баку, в 1944 г. поступил в музыкальное училище им. Асафа Зейналлы, которое окончил в 1948 г. по классу кеманчи. Работал в Оркестре народных инструментов под руководством Сеида Рустамова. Был холост.

35/20. Сима беим (род. Степанакерт (Ханкенди), 1.01.1936).

Окончила в 1954 г. школу № 1 им. Узеира Гаджибекова гор. Шуша. В 1959 г. окончила геологический факультет Азербайджанского государственного индустриального института им. М. Азизбекова. В 1959–1961 гг. работала в АзГосПромпроекте, в 1961–1970-х гг. в Конторе бурения № 3 при Азнефти. До 1987 г. работала инженером ПТУ № 59. С 1965 г. замужем за Али Кязимовым (род. 1936), от которого имеет детей: Мехрибан (род. 1966), Хиджран (род. 1967) и Абульфаза (род. 1970).

36/20. Ровшан ага Абраханов (Степанакерт (Ханкенди), 3.03.1940 – Баку, 8.11.1997).

В 1956 г. окончил школу № 1 им. Узеира Гаджибекова гор. Шуша. В 1972 г. окончил экономический факультет Института народного хозяйства им. Д. Буниатзаде. Работал старшим экономистом и главным

бухгалтером на Спецбазе № 2 при Министерстве сельского хозяйства. С 1971 г. был женат на Тамилле Ахмедовой (род. 1940).

VI поколение

37/28. Кёнуль беим (род. Агдам, 1.10.1966).

В 1989 г. окончила Агдамское музыкальное училище им. Уз. Гаджибекова по классу теория. В 1990 г. вышла замуж за Мусу Султанова. Имеет дочь Байяз (род. 1994), которая носит фамилию Абраханова. С 1992 г. в связи с войной с Арменией является вынужденным переселенцем. Проживает в Баку.

38/30. Адыль ага Абраханов (род. Агдам, 5.12.1968).

Окончил школу № 1 гор. Агдама. Работал токарем в профилактории в гор. Агдаме. С 1991 г. женат на Айнур Зейналовой. С 1992 г. в связи с войной с Арменией является вынужденным переселенцем. Проживает в Баку.

39/30. Гадир ага Абраханов (род. Агдам, 3.04.1971).

Окончил школу № 1 гор. Агдама. Участник войны с Арменией. С 1993 г. женат на Гюльшад Исмаиловой. С 1992 г. в связи с войной с Арменией является вынужденным переселенцем. Проживает в Баку.

40/30. Сабир ага Абраханов (род. Агдам, 28.08.1974).

Окончил школу № 1 гор. Агдама. С 1998 г. женат на Зулале Гасановой (род. 1979). С 1992 г. в связи с войной с Арменией является вынужденным переселенцем. Проживает в Баку.

41/36. Фархад ага Абраханов (род. Баку, 2.06.1972).

Учился в средней школе № 83 гор. Баку. В 1990 г. закончил профтехучилище № 179 при заводе Бытовых кондиционеров. Работает таксистом. С 2006 г. женат на Илахе Аббасовой (род. 1978).

42/36. Фарид ага Абраханов (род. Баку, 5.10.1974).

Окончил среднюю школу № 83 гор. Баку. В 2002 г. окончил 2-годичную школу менеджеров при Нефтяной Академии. Работает на фирме АзВирт. Участник войны с Арменией. С 1997 г. женат на Саиде Гусейновой (род. 1974).

VII поколение

43/38. Ровшан ага Абраханов (род. Баку, 3.11.1992).

44/38. Эльмаддин ага Абраханов (род. Баку, 17.06.1995).

45/38. Нигяр беим Абраханова (род. Баку, 8.10.2003).

46/39. Рахим ага Абраханов (род. Гейчай, 7.11.1994).

47/39. Гюнай беим Абраханова (род. Баку, 27.03.1997).

48/39. Камран ага Абраханов (род. Баку, 21.02.2003).

- 49/40. Самир ага Абраханов** (род. Баку, 18.08.1999).
50/40. Малахат беим Абраханова (род. Баку, 8.06.2003).
51/42. Ровшан ага Абраханов (род. Баку, 16.12.1999).
52/42. Фидан беим Абраханова (род. Баку, 5.02.2003).

Источники и литература

1. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА-АР). Ф. 10 (Закавказская казенная палата). Оп. 1. Д. 9.
2. ГИААР. Ф. 37 (Шемахинская казенная палата). Оп. 1. Д. 24.
3. ГИААР. Ф. 77 (Шушинское уездное полицейское управление). Оп. 1. Д. 14.
4. ГИААР. Ф. 122 (Личный архив землевладельца Мамед-Аги Абраханова). Оп. 1. Д. 1.
5. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 2.
6. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3.
7. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4.
8. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5.
9. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 7.
10. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 9.
11. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 10.
12. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 11.
13. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 15.
14. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 16.
15. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 17.
16. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 18.
17. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 19.
18. ГИААР. Ф. 122. Оп. 1. Д. 22.
19. ГИААР. Ф. 130. (Военно-окружной начальник, управляющий мусульманскими провинциями Закавказья). Оп. 1. Д. 74.
- 19а. РГИА. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 7316.
20. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Том. VI. Часть I. Тифлис, 1874.
21. Исмаилов Э.Э. Ханы Хойские. Материалы к родословной и биографиям // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Вып. 4. Баку, 2003. С. 35–58.
- 21а. Исмаилов Э.Э. Фатали хан Хойский и его родословная // Генеалогический вестник. Вып. 28. Санкт-Петербург, 2007. С. 69–77.
22. Мирза Джамал Джеваншир. История Карабага. Баку, 1959.
23. Мир Мөһсүн Нəввəб. 1905–1906-чы иллəрдə ермəни-мүсүлман давасы. Баку, 1993.
24. Һəмидова Ш.П. XVIII əсрин икинчи јарысында Азəрбայјан – Күрчүстан мүнəсибəтлəri тарихиндən. Баку, 1985.
25. Quliyev Vasif. Ən yaxın dost. Bakı, 2001.

ƏBÜLFƏT XAN QARABAĞLININ TÖRƏMİSİ

İbrahimxəlil xan Sarıcalı-Cavanşirin dördüncü oğlu Əbülfət ağa Şuşa şəhərində anadan olmuşdu. Mükəmməl saray təhsili görmüşdü. Böyüyüb özünü tanıyandan saray işlərində atasına kömək edirdi.

1796-cı ildə qraf Valerian Zubov çoxsaylı rus qoşununun başında Azərbaycana gəlir. Kür çayının yaxasında düşərgə qurur. İbrahimxəlil xan Ağaməhəmməd şahın yeni yürüşündən əndişələnib V. Zubovla ilişki qurmaq qərarına gəlir. Qərarını saray adamlarına bildirib gənəşik istəyir. Baş vəzir Molla Panah Salahlı-Qazağın məsləhəti ilə oğlu Əbülfət ağanı V. Zubovun yanına göndərir. Tarixçi Mirzə Camal yazır: «Mərhum İbrahim xan oğlu Əbülfət xanı Qarabağın bir neçə bəyzadəsi ilə birlikdə töhfə, hədiyyələr və cins atlarla, tam bir razılıq və rəğbətlə, böyük sərdar Valeryan Zubovun hüzuruna göndərüb, yüksək Rusiya dövlətinə səmimi qəlbədən itaət edəcəyini və sədaqətini bildirdi»¹.

Əbülfət ağa missiyasını yerinə yetirib atasının yanına qayıdır.

1797-ci ildə Şuşada Ağaməhəmməd şahın qətlindən sonra taxt-taca Fətəli şah yiyələnir. Taxta çıxacaq İbrahimxəlil xandan əmisinin qatillərini və sarayda saxlamaq üçün girov istəyir. İbrahimxəlil xan oğlu Əbülfət ağanı və qızı Ağabəyim ağanı Tehrana göndərir.

Əbülfət ağa İrana girov kimi gəlir. Şah onu sarayda saxlamayıb oğlu Abbas mirzəyə yardımçı verir. Vəliəhd Abbas mirzə Naibəssəltənə Əbülfət ağaya xan ünvanı verib, qoşun başçısı təyin edir.

İbrahimxəlil xan oğlu Məhəmməd həsən ağadan incik düşəndə Əbülfət xana sifariş göndərib Qarabağa dəvət edir. Fətəli şah xanın sifarişindən hədsiz sevincək olub qiymətli ərməğanlarla Əbülfət xanı Qarabağa yola salır. Dayaq və dəstək üçün beş min nəfər qoşun verir. Fərəculla xan Şahsevəni də yardımçı sifəti ilə ona qoşur.

Əbülfət xan Qarabağın sınırına çatıb şahın istəyini atasına yazır. Fətəli şah Əbülfət xana göstəriş vermişdi ki, Məhəmməd həsən ağanı Tehrana göndərib, özü Qarabağda atasının qulluğunda qalsın. Məktubun məzmunundan xəbərdar olan xanzadələr (Məhəmməd həsən ağa, Mehdiqulu ağa və Xanlar ağa) atalarını məcbur etdilər ki, Əbülfət xanı geri göndərsin. İbrahimxəlil xan Əbülfət xana yazıb bildirdi ki, gəlidiyi kimi geri dönsün.

Əbülfət xan məktubun qırımından bilir ki, işin içində qardaşlarının barmağı var. Ona görə də geri dönməyib Qapan, Güney, Çulundur və Bərgüşad mahallarını tutur. Atasının mahallara təyin etdiyi naibləri, kənxudaları, kovxaları, darğaları və yüzbaşılıarı çıxarıb, iş başına öz adamlarını

qoyur. Bərgüşad çayının yaxasında düşərgə qurub əyləşir. Dizaq, Xırdapara-Dizaq və Cavanşir-Dizaq mahallarının naiblərinə, el-oba başçılarına məktub yazıb yanına çağırır. Çox keçmir ki, el böyükləri başlarının dəstələriylə Əbülfət xanın yanına gəlirlər.

Əbülfət xan Məhəmməd həsən ağanı əsir almaq üçün Tuğ kəndinə yürüş edir. Kəşfiyyatı bilgi gətirmişdi ki, Məhəmməd həsən ağa az bir qoşunla Tuğda təkdir. Qəfil hücum olsa yardımına qardaşları yetməyəcəklər. Qış günü, duman-çənle bir təhər Tuğa yetişən Əbülfət xan aldandığını duyur. Mehdiqulu ağa və Xanlar ağa böyük qoşunla səngər tutub onu gözləyirdi. Qayıtmağı qüruruna sığıdırmayan Əbülfət xan savaşa əmrini verir. Elə birinci döyüşdə yenilir. İkinci həmlədə xeyli adam itirir. Qacar ordusunun adlı-sanlı başbuğları əsir düşür. Beş min qoşundan qalan beş yüz nəfərlə Arazı adlayıb Qaradağa çəkilir.

1805-ci ildə Əbülfət xan yenidən Qarabağa gəlir. Bu dəfə o, Abbas mirzənin başçılığı altında gəlmişdi. Çox keçmir ki, Fətəli şah da böyük bir ordunun başında Qarabağa yürüş edir. Lakin rus ordusunun və Qarabağ qoşunun təzyiqi nəticəsində geri çəkilirlər.

1806-cı ildə Əbülfət xan Abbas mirzə ilə Qarabağa yürüş edir. Naibəssəltənə Əbülfət xana tapşırıq verir ki, Qarabağ ellərini Qaradağa köçürsün. Bir çox el böyükləri, seçkin bəylər Əbülfət xanın tərəfini saxlayırdı. Hətta bəzi bilgilərə görə, İbrahimxəlil xan da İrana keçmək istəyirmiş. Elə bu xəbərlər də İbrahimxəlil xanın axırına çıxdı.

Əbülfət xan Qapana gələndə onu Satur hampa Tatevli, Ohancan kovxa Xınzırəkli və Əsəd sultan Qaraçorlu qarşılayır.

Əbülfət xan Qarabağ ellərini köçürüb Qapan mahalına gətirir. Hazırlaşmış öncə Ordubada, ordan da Qaradağa keçirmək istəyir. Elə bu çağda qardaşı oğlu Cəfərqulu ağa üstünü alır. Savaşa yenilib qaçır.

1811-ci ildə Əbülfət xan Qarabağa gəlir. Bu dəfə bir neçə obanı aparmağa müvəffəq olur.

1813-cü ildə İranla Rusiya arasında Gülüstən sülh müqaviləsi imzalanır. Müqavilə nəticəsində Qarabağın Çulundur mahalının bir hissəsi, Güney və Mehri mahalları İran tərəfdə qalır. Əbülfət xan bu ərazinin hakimi təyin edilir.

1826-cı ildə Abbas mirzə Əbülfət xanı da götürüb Qarabağa gəlir. Bu yürüş də uğursuzluqla sonuqlanır.

1828-ci ildə İranla Rusiya arasında yeni sülh müqaviləsi bağlanır. Bu dəfə sərhəd Araz çayı olur. Əbülfət xanın torpaqları əldən çıxır.

1833-cü ildə Abbas mirzənin vəfatından sonra Əbülfət xan ordudan tərxis olunub, istefaya çıxıb dinc yaşama başlayır.

Əbülfət xan şair idi. Tuti təxəllüsü ilə şe'r yazırdı. Yazdıqlarının çoxu

türk, bir qismi isə fars dilindədir. Bir çox ünlü təzkirələrdə Əbülfət xan Tutidən istedadlı şair kimi danışılır və qoşqularından örnəklər verilir. Biz Əbülfət xan Tutinin Məhəmməd ağa Müctəhidzadənin «Riyaz ül-əşiqin» təzkirəsində bəllənən bir qəzəlini yazımıza köçürürük.

O gün kim həsrət ilə ol büti-zibadan ayrıldım,
Qalıb bir surəti-bihiss kimi mənadan ayrıldım.

Çəkib əl xəlqdən Məcnunsifət səhraya üz qoydum,
Kəsilməmiş səbrü tabım vəsləti-Leyladan ayrıldım.

Məna şümşad sərvə, bağban, ərz etmə kim hərgiz,
Yoxumdur meyli-gülşən qaməti-tubadan ayrıldım.

Nolur şamü səhər ney tək sızıldar sineyi-zarım,
Mərizi-bəstəri-hicrəm dəmi-İsadan ayrıldım.

Fərağın şiddətindən lal olur bu Tutiyi-təbim,
Məzacım təlxdir kim ləli-şəkərxadan ayrıldım.

Əbdürrəzzaq bəy Dünbili öz əsərində Əbülfət xan haqqında yazır:
«Elə şirin kəlamları var idi ki, Hindistan tutuquşuları onun bəlağətini şəkər
süzülən bu beylə söyləyirdilər:

Tüti səndən gözəl söz deyə bilməz,
Sənin ağzından söz şəhdilə çıxar.

Nami-şərifə Əbülfət xandır. Qarabağ valisi İbrahimxəlil xan Cavanşirin adlı-sanlı və əziz xələfidir. Tərifə layiq zəti istənilən qədər yaxşılıq etməkdə məşhur, xoşagələn sifətləri o qədərdir ki, kərəmət və şərəfət arxı kimi vəsf olunur. Dövrün dövlətinin şahənşahlıq müddətinin əvvəlindən yüksək mərtəbəli atasının işarəsi ilə Darül-Xəlifədə xidmətə tələsdi və inayət və tərbiyəsi şərəfinə nail oldu, şahlıq qayda-qanunu öyrəndi.

Böyük əmirlərdəndir, quzunu canavarın əlindən xilas edəndir. Əlçatmaz sədaqəti və böyüklüyü var. Əli boş olanlara səxavətli və cəsurdur. Ərmən valisinin nəcib övladı və xanların nəslidir. Düşməni məğlub edəndir. Müəllifin qədim zamanlardan onlara və onların şanlı və cəlalı atası ilə son dərəcə sədaqət və məhəbbətləri var. Əhdinə düzgün böyüklərdən və pak etiqaadlı əmirlərdəndir. Sədaqətlidir, süfrə və nemət sahibləridir. Qəribpərəst, mehr və vəfa sahibidir. Cəlalı əmir sülaləsindəndir. Xoş əxlaqı ilə

bənzərsizdir. Bu əmirin nəzm və nəsrdə də bənzəri yoxdur. Hərdən qələmin köməyi ilə yaxın dostlarına lətif məktublar yazar, nüdrətən şeir də deyər. Bu iki beyt onundur.

Səni görüb, sənə ürək bağlamaq mənim günahım,
Ürəyi sözlə kimin sındırmaq kimin günahıdır?
Vüsəl həvəsində əcəb xəyalım var,
Nə əcəb xəyaldır, əcəb mümkün olmayan xəyaldır.

Əbülfət xan 1839-cu ildə vəfat edib.

Əbülfət xan İsmayıl xan ağa Sarıcalı-Cavanşirin qızı Bədirxan bəyimi, Mirzə Rəbi Tiflislinin qızını almışdı. Məhəmmədəli xan, Abbasqulu xan, Məhəmmədqulu xan, Məhəmmədağa xan, Əbdülhüseyn xan, Məhəmmədibrahim xan adlı oğulları, Gövhərnisə bəyim adlı qızı vardı.

Məhəmmədəli xan Şuşa şəhərində anadan olmuşdu. İranda ali hərbi təhsil almışdı. Abbas mirzə naibəsəltənənin oğlu Qəhrəman mirzə Təbrizdə bir nizami qoşun tərtib edib adını «Qəhrəmaniyə» qoymuşdu. Bir müddət əmirəlümərə ünvanı ilə həmin qoşunun komandanı olmuşdu. Sonra Tehran piyada alay birləşməsinə başçılıq etmişdi.

Məhəmmədəli xanın sərtip (general-mayor) rütbəsi vardı. Bibisi Gövhər ağa vəsiyyətnaməsində yazırdı ki, Kərbəla ziyarəti zamanı baş verəcək bədbəxt hadisələrlə ilgili əmirəlümərə əl-əzəm Məhəmmədəli xan sərtipi özümə qəyyum qəbul edirəm.

Məhəmmədəli xan sonra əmir tımən (briqada generalı) rütbəsi almışdı.

Əbülfət xanın ikinci oğlu Abbasqulu xan Şuşa şəhərində doğulmuşdu. Saray təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Atası ilə bərabər İrana getmişdi.

Abbasqulu xan 1835-ci ildən 1841-ci ilədək Kaşan hakimi, 1841-ci ildən 1849-cu ilədək Kerman hakimi, 1849-cu ildən 1859-cu ilədək Ərdəbil və Meşkin yörələrinin hakimi olmuşdu.

Abbasqulu xan 1859-cu ildən 1862-ci ilədək İranın ədliyyə vəziri vəzifəsində çalışmışdı. Ondan əvvəl İranda bu vəzifə olmamışdı. Dövlət Şurasının üzvi idi. Mötəmədinilməmalik ləqəbi vardı.

Abbasqulu xan baş vəzir Mirzə Tağı xanın özbaşınalığına qarşı qaldırılan qiyamçıların cəzalandırılmasına mane olmuşdu.

Abbasqulu xanın törəməsindən olan Yasəmən bəyim Məhəmməd xan qızı Cavanşir Abbasqulu xanla bağlı araşdırma aparıb İran tarixi əsərlərində yazılan qeydlərdən iqtibas etmişdir. Həmin iqtibası olduğu kimi yazımıza köçürürük.

«İranın yüksək məqamlı vəziri, adil, fəzil və alim bir insan, İran

nəciblərinin nəcibi Mötə Müddövlə mərhum Abbasqulu xan Cavanşir Pənah xanın övladlarından idi»².

Abbasqulu xan Cavanşir Qarabağ hakimi İbrahimxəlil xanın kiçik oğlu Əbülfət xanın övladıdır. O, Məhəmməd şah dövründə və Nəsrəddin şah Qacar zamanında bir neçə dəfə əyalət və vilayət hakimi olmuşdur. O cümlədən, 1275-ci hicri ilində ədliyyə naziri olub Mötə Müddövlə ləqəbini aldı və ömrünün axırına kimi bu adla qaldı³.

Abbasqulu xan 1251-ci hicri ilində Kaşan hakimi, 1257-ci ildə Kerman hakimi və 1265-ci ildə isə on il müddətinə Ərdəbil və Meşkin hakimi oldu⁴.

1264-cü ildə Nəsrəddin şah hakimiyyətə gəldikdən sonra Mirzə Tağı xanı öz sədarətinə seçdi. Onun fəvqəladə irəliləyişi saray əmirlərinin paxıllığına səbəb oldu və onlar bəzi hərbciləri təhrik etdilər ki, onun əleyhinə qiyam qaldırsınlar. Bu qiyam haqqında «Nasexüt-təvərix»də məlumat verilmişdir.

Məhəmməd şah Qacar vəfat etdikdən sonra Nəsrəddin şah səltənətə çatdı. O, baş nazir vəzifəsini Mirzə Tağı xan Əmir nizama tapşırırdı. Şah hərbcilər və böyükərin Mirzə Tağının əmirlərinə ikransız itaət etmələri üçün məcbur olub öz bacısı İzdəddövlənin cümə günü rəbiül-əvvəl ayının 22-də ona ərə verdi. Buna görə bütün şahzadə və böyükərlər ona tabe oldular⁵.

Bu il Azərbaycanın Əmirnizamı Mirzə Hüseyn xan Azərbaycan ordusu ilə özünəməxsus tərzdə rəftar etdi. Hərbcilər onun kobudluğundan əzab-əziyyət çəkirdilər. Əmirnizamın yanında onun qardaşından şikayət etməyə qorxurdular. Bu zaman Qəhrəmaniyə qoşunu⁶, Təbrizin altıncı korpusu xüsusi münaqişə qoşunu və Qaracadağ qoşunları Tehrandə Ərk kazarmasında yerləşirdi. Əmir nizamla düşmənçiliyi olan bir neçə saray adamı əsgərləri təhrik etdilər ki, ona hamılıqla itaətsizlik göstərsinlər. Onlar rütbəli mənəb sahiblərini-briqada generalı, polkovnik, yavər və soltanı da özlərinə həmrəh edib üsyana başladılar. Onlar tələb etdilər ki, ya şahənşah Mirzə Tağı xanı nazirlikdən çıxarmalı, ya da bizim adımızı nöqərlər dəstəsindən silməlidir. Onlar çığır-bağırla haray saldılar. Mirzə Tağı xan hadisədən xəbərdar olduqda, onların cəsarətinə dözmə bilmədi. Bir neçə nəfəri göndərdi ki, onları qətl və tənbehlə hədələsinlər. Əsgərlər göndərilənlərin hədəsindən anladılar ki, əgər bir-birindən aralansalar, onlardan biri də sağlamat qalmayacaqdır. Onlar canlarının qorxusundan, müttəfiq olub ikinci gün rəbiül-sani ayının 15-də üsyan etdilər və söz verdilər ki, Mirzə Tağı xanı nazirlikdən aşağı endirməsələr aram olmayacaqlar. Özlərini mübarizə vasitələri ilə hazırlayıb çoxlu ələf və azuqə topladılar. Ertəsi gün qarara aldılar ki, Mirzə Tağı xanı öz vəzifəsindən çıxarsınlar və əgər bacarsalar onu öldürsünlər. Tüfənglərini qurğuşun və barıtlarla doldurub dedilər ki, İran

şahənşahı dövlət yolunda canını müzayiqə etməyən bir neçə min nəfəri bir nəfərə bərabət tutmaz. Əgər Mirzə Tağı xan sağ qalsa, bizi salamat qoymayacaq. İndi ki, biz ölmək istəyirik, yaxşı olardı ki, Mirzə Tağı xanı öldürüb, padşahın əli ilə ölək. Bundan sonra Mirzə Tağı xanın evinə tərəf yola düşdülər.

Mirzə Tağı xan əsgərləri bu vəziyyətdə görüb qorxuya düşdü və göstəriş verdi ki, onun mənzilini qorumaq üçün adamlar hazır olsunlar. Əsgərlər yaxına gedərkən iki nəfəri güllə ilə öldürdülər. Əsgərlər Mirzə Tağı xanın evinə hücum edə bilərdilər. Ancaq onun arvadı olan şahın bacısının xatirinə bunu etməyib, yalnız çöldə hay-küy qaldırdılar. Fəryad etdilər ki, şah Mirzə Tağı xanı vəzifədən çıxartsın. Mirzə Tağı xanla düşmənciliyi olan bəzi kəslər bu fitnəni daha da qızıqsırmaq üçün şahın yanına gedib dedilər ki, Mirzə Tağı xanın xatirinə böyük bir ordunu cəzalandırmaq olmaz. Yaxşı olar ki, fitnəni yatırmaq üçün onu vəzifəsindən endirəsiniz. Şah qəzəblənib dedi ki, əgər mən bu gün əsgərlərin tələbi ilə Mirzə Tağını vəzifəsindən azad etsəm, onda hər gün mənim işə qoyub-çıxarmağım hərbiçilərin ixtiyarında olacaqdır. Özümü heç vaxt belə zəif göstərməyəcəyəm.

Bu zaman şahın xeyirxahı olan Mirzə Ağa xan Nuri (Etimadüddövlə) başa düşdü ki, əgər indi Mirzə Tağı xana bir bəla dəysə, şah bir neçə min nəfəri həlak etməyə məcbur olacaq və əgər nazirlikdən çıxarsa səltənətin cəlal və hörməti azalacaqdır. Əlacsız qalıb o gecə, yəni ikinci günün axşamı rəbiül-sani ayının 16-da Mirzəni qorumaq və hişf etmək üçün bir dəstə götürüb onu öz evinə apardı.

Ertəsi günün səhəri qərar qəbul etmək üçün böyüklər toplaşdılar. Onlar söylədilər ki, bu əsgərlərin üsyan etdiklərinə görə şahın qəzəbinə gəlib cəzalandırılması düz deyil. Yaxşı olar ki, onların üsyan etdiklərinə görə varlıqlarında hiss etdikləri dəhşətlə kaifətlənib azad edək. Bu işi o adam görə bilər ki, ölçülü-biçili danışa bilsin və onun sözləri üsyançıları sakitləşdirsin. Bu püşk İbrahimxəlil Cavanşir Qarabağının payına düşdü⁷.

Sonra Abbasqulu xan Hacıbəddövlə, Mirzə Mustafa Mustovfini və Nəcəfqulu xan Dünbülünü götürüb kazarmaya getdi. Əsgərlər onun ətrafına toplaşib hay-küy saldılar. Abbasqulu xan dedi: «Heç bilirsinizmi, Azərbaycan camaatı Qacar şahlarının dövləti yolunda necə əziyyətlər çəkmişlər? Beş min nəfərdən çox insan Rusiya müharibəsində, Xorasan və Əfqanıstan döyüşlərində canlarını əsirgəmədilər və bununla da öz adlarını bütün ölkələrdə uca tutdular. İndi siz əmirdən kənara çıxdığınız üçün padşah məcburdur ki, sizi qılıncdan keçirsin və məhv etsin. Digər tərəfdən Mirzə Ağa xan Etimadüddövlənin fərmanı ilə Darül-Xəlifə və İraq adamlarından əlli min nəfər toplaşib əlbir olublar ki, sizi dəf etsinlər. Çox çəkməz ki, siz ölüm şərbətini içər, arvad-uşaqlarınız da əzab-əziyyətə düşər olurlar. Eləcə də

sizin bu pis hərəkətlərinizə görə Azərbaycanın yüksək adı aşağı düşər və İrən camaatının haqqı tanımaqda səsi daha da uca olar⁸.

Əsgərlər dedilər ki, atam, biz dövlət yolunda can qoymuşuq və indi də şahın yolunda ölməyə hazırıq. Ancaq indi Mirzə Tağı xanın kobudluğu və qəzəbi altında yaşaya bilmirik. Onun qardaşından gördüyümüz əzab-əziyyəti söyləsək də yenə qardaşının tərəfini saxlayıb bizə fikir verməyəcək. Abbasqulu xan dedi: «Bu düzgün fikir deyil. Allah yalnız hökmdara bir neçə məmləkətin adamlarına xudavəndlik etməyi veribdir. Vəzirin hərgiz ixtiyarı yoxdur ki, onun qardaşı, yaxud övladı başqalarına höcətlik, mərifətsizlik etsin. Siz bundan qorxmayın. Mirzə Hüseyn xandan gördüyünüz əzab-əziyyəti açib deyin. Mənim vəzifəm budur ki, onun yükünü sizin çiyinizdən götürüb sizin dadınıza çatım»⁹.

O, bütün əsgərləri arxayın etdi. Toplaşb şeypur çaldılar, birgə Mirzə Tağı xanın yanına getdilər. Mirzə Ağa xan Etimadüddövlənin evinin qapısına gəldilər. Əvvəlcə Etimadüddövlə gəlib çıxış etdi. Sonra Mirzə Tağı xan çölə çıxdı. Əsgərlər ondan üzrxahlıq etdilər. O da onların üzrlərini qəbul etdi. Sonra Mirzə Tağı xan Soltan qalasına gedib soltandan əsgərlərin bağışlanmasını xahiş etdi. Şah bu xahişi qəbul etdi. Beləlikdə, Abbasqulu xan böyük bir fitnənin qarşısını aldı.

Şahın göstərişi ilə camaatın həyəcanlandırılmasında əli olan Fərraşbaşı İsmayıl xan 50 min tımən məbləğində cərimələndi. Divanxana əmiri Ağa-bəhram Kermana sürgün edildi. Qumda olan və sədərət arzulayan Sədrül-məmalək Mirzə Nəsrullah Ərdəbilini də Quma sürgün etdilər. Səpəhr yazır: «1251-ci ildə şahzadə Təhmasib mirzəni fərmanla Kerman hakimiyyətdən azad etdilər. Məhəmməd şah Qacar Qarabağ valisi İbrahimxəlil xanın nəvəsi yüksək əsilli – köklü Abbasqulu xan Cavanşiri Kaşan hakimi təyin etdi»¹⁰.

Səpəhr Kermanşahda Abbasqulu xan Cavanşir hökumətinin 1257-ci il hadisəsini belə yazır: «Topxana əmirinin əli ilə Benofhəl və Belucistanın fəthi və Abbasqulu xan valinin Kermanda hakimiyyəti»¹¹.

Ağa xan Məhlətinin fərarından sonra topxana əmiri Həbibulla xan Belucistana tərəf hərəkət etdi. Kermandan 15 mənzil o tərəfədə Bəmpur qalasını mühasirə etdi. On gün bürc və barını gülləyə tutdu. Bəmpur camaatı aman istədi. Topxana əmiri onları düşərgəyə köçürdü və qalanı yerlə yeksan etdi. Təsədüfən bir gün topxana əmiri ova getmişdi. Əsgərlərdən biri Bəmpurlu bir qadına əliuzunluq etmişdi. O dəstə bir-biri ilə razılığa gəldi, əvvəlcə öz qadınlarını öldürdülər, sonra əsgərlərlə vuruşmağa başladılar. Onların əksəriyyəti öldürüldü. Bu zaman topxana əmiri gəlib çıxdı və vəziyyəti sakitləşdirməyə çalışdı. Buna nail ola bilmədikdə əmr etdi ki, ya onları əsir etsinlər, ya da qətlə yetirsinlər.

Sonra əsirləri özü ilə Qəndəhar yaxınlığına apardı və baş verən

hadisəni Məhəmməd şah Qacara çatdırıb saraya yollandı. Bu qırğın xəbəri şahə çatdıqda şah istədi ki, orada qayda-qanun yaratsın. Fətəli xan Qarabağını Kerman hakimliyindən azad edib Abbasqulu xan Cavanşiri Kerman və Belucistan ətrafına vali təyin etdi. Topxana əmiri Tehrana gəlib özünə toy tədarükü gördü. Lakin dünyadan nakam getdi.

Abbasqulu xan Kermana tərəf hərəkət etdi. Yəzddə iki gün dayandı. Sabiqdə topxana əmirinin İraq və Azərbaycan şəhərlərinə paylaşdırdığı Bonfəhəl rəiyyətlərindən ibarət əsirləri ələ gətirməyə çalışdı. Onları bacardığı qiymətə aldı. Kermana hərəkət edən zaman Yəzd müctəhidi cənəb Mirzə Məhəmməd Əliyə sifariş etdi ki, mümkün olan qədər əsirləri satın alıb Kermana göndərsin. Bu müamələnin xərci 3700 tımən oldu. Kermana daxil olduqdan sonra əsgər və tacirlərin yanında olan Benofəl əsgərlərini satın alıb onların hamısını qardaşı oğlu Məhəmmədəli xanın yanına-Bəmpura göndərdi. Şaha da bir ərizə yazdı və bu iş şahı razı saldı. Şah da onların Xəmsə və Zəncandan satın alınması haqqında əmr verdi. Beləliklə, xan və vali Belucistan Benofəl əsirlərindən ibarət 3600 nəfəri öz evlərinə göndərdi¹².

Kermənda da əsgərlər və topçular arasında olan bütün əsirləri satın alaraq Bəmpura göndərdi və qardaşı oğlu Məhəmmədəli xan Bəmpuridən qəbz aldı. Mehrab xan Bəmpuri və Məhəmmədrza Seyistaniyə xələt göndərdi və rəiyyətdə endirimlər etdi. Bağlanmış ticarət yolunu açdı, qabaqlar qarət olunmuş 2 min tımən dəyərində olan ticarət malının pulunu öz maaşından verdi, xarəb olmuş Bəm qalasını təmir etdi. Nəməşirdə Abbasqulu Kürdəhanbəylinin qardaşı İsmayıl xanın sərkərdəliyi ilə iki yüz nəfərlik iti gedən süvari tufəngçi qoşunu oradan Seyistan sərhəddinə kimi olan məsafəni qorusun. Qərara almışdı ki, 12 kurur (6 milyon – Ə.Ç.) tut şitili əkdirib barama qurdu vasitəsilə ipək hazırlasınlar. Abbasqulu xanın Kermənda iki illik hakimiyəti müddətində onun əyalətində xalqın yaraları sağaldı və bütün elat ona təslim oldu¹³.

Əslən Ərəbin Məhnisindən olan Fətəli xan Məhni Xorasanın Xavəranından idi. Onun əcdadı Kermana gəlib orada məskunlaşmışdır. Naibüssəltənə Kerməndan qaydarkən Fətəli xan Məhni tutub Təbrizə göndərdi. Xaqan öldükədən sonra Fətəli xan Təbrizdən qaçıb özünü Kermana çatdırdı. Bu zaman onun xidmətində iki min nəfərlik qoşun var idi. İsfəndiğə mahalının hakimi onunla idi. Kerman hakimi Abbasqulu xan onunla xoş münasibətdə idi. Birinci ili Cavanşir valisi ona xeyirxahlıq etmək istədi, lakin bunun bir faydası olmadı. Dəfələrlə atlı və piyadaları top və arabalarla onu dəf etməyə göndərsə də bir iş görə bilməmişdilər. Abbasqulu xan Kermanın əyan və əşrəfi içərisindən Mirzə Əliqulu xanın kiçik qardaşı Mirzə Əsədulla Mazandaranini seçdi. O yaxşı bilirdi ki, Mazandaran əhli Kerman əhli ilə xoş münasibətdə ola bilməz.

Nəhayət, Mirzə Əsədulla İsfəndığə ətrafına çatdı. Fətəli xan İsfəndığədən min nəfər piyada ilə atlı götürüb gecə basqını etmək üçün onun sorağı ilə getdi. Onlar bir-biri ilə döyüşdülər. Mirzə Əsədulla dayandı və onun qoşunları Fətəli xanın qoşunlarına qələbə çaldı. Məhni xan qaçdı. Mirzə Əsədulla xanın onu təqib etməyinin faydası olmadı. Fətəli xan hakimi olduğu yerə çatıb qoşun hazırladı və yenidən qayıdıb döyüşə başladı. Lakin Mirzə Əsədulla möhkəm dayandı, Fətəli xanın qoşunu İsfəndığəyə tərəf qaçmağa başladı. Fətəli xanı tutdular və həzrət Abbasqulu xan Cavanşirin hüzuruna gətirdilər. O da onu Darül xüləfaya (Tehrana – Ə.Ç.) göndərdi. Fətəli xan Tehrandə olarkən vəfat etdi¹⁴. Bu hadisə 1259-cu hicri ilində baş verdi.

Bu xidmətinə görə Mirzə Əsədulla «xan» ləqəbinə və İsfəndığə hakimi vəzifəsinə layiq görüldü.

1250-ci hicri ilində Ağ qala və öz möhkəmliyinə görə tarixdə məşhur olan digər Fars qalaları həmişə o ətrafda olan şər qüvvələrin və yolkəsənlərin sığınacağı olmuşdu. Həmin ildə bu qalalar Yarı xan Məməsənin oğlu Vəli xanın ixtiyarında idi. O, dövlət adamlarına qalanı təslim etmək vədini vermişdi. Lakin qoşun qalaya yaxınlaşarkən tufəngçilər təslim olsa da dövlət nümayəndələri onlarla sərt rəftar etməyə başladılar. Onlar da digər tayfalardan kömək istəyib bir-biri ilə vuruşdular. Bu xəbər Mötəməddövləyə çatdıqda çoxlu sayda qoşun götürüb Şahzadə Firuz mirzənin dəstəsində onlarla vuruşdu və Vəli xanı məğlub etdi. O, tayfanın qənimətini ələ keçirib qələbə müddəsini Vəli xan və onun iki oğlu – Bağır xan və Hadi xanla Darul-xuləfəyə göndərdilər. Şahzadə Firuz mirzə və Mötəməddövlə padşahın kamil lütfünə nail oldular¹⁵.

1250-ci ildə Təhmasib mirzə Möyədəddöyləgi ləqəbi və Kaşan hakimi vəzifəsinə çatdı. 1251-ci ildə şahın fərmanı ilə Kaşan hakimi vəzifəsindən azad edildi. Həmin il Abbasqulu xan Cavanşir Kaşanın hakimi təyin edildi¹⁶. 1252-ci ildə Kaşan hakimliyindən azad olundu və onun yerinə Bəhmən mirzə Bəhaüddövlə Kaşanın hakimi oldu¹⁷. Abbasqulu xan 1257-ci ildə Fətəli xan Qarabağının yerinə Kerman hakimi təyin edildi. O, 1259-cu ilə qədər Kermanın hakimi oldu. Hakimiyyəti illərində insanlarla ədalətlə rəftar etdi və çalışdı ki, keçmiş məmur və hakimlərin verdikləri zülmün və törətdikləri xarabçılığın əvəzini çıxsın¹⁸.

1264-cü il hicri tarixində Məhəmməd şah Qacar öldükdən sonra vəliəhdin Təbrizdən çıxıb Tehrana gəlməsi 45 gün çəkdi. Bu müddətdə Məmləkətin bütün işlərinin ixtiyarı Nəsrəddin şahın anası Məhdi Ülya ləqəbli Mələk Cahan xanımın əlində idi. O, işləri idarə etməyə başladı və bu müddət ərzində öz tərəfindən məmur və hakimlər təyin etdi. Bu böhranlı zamanda xalisə məhsullarının əldən getməməsi və dövlətin çətinliyə, taxıl çatışmazlığına düşməməsi üçün işlər idarəsini Abbasqulu xan Cavanşirə həvalə etdi¹⁹.

1265-ci ildə Abbasqulu xan Cavanşir Ərdəbil və Məşkin hakimi təyin olundu²⁰. Həmin ildə ona əmr edildi ki, məmləkətin Rusiya əraziləri ilə əlbəyaxa olan hüduqlarını oğru və quldurlardan təmizləsin. Çünki Məhəmməd şahın ölümündən bu vaxta qədər hər iki məmləkət yolkəsən və quldurlardan zərər çəkmişlər. Abbasqulu xan şəban ayının 15-də Tehrandan çıxıb yolda Azərbaycan hakimiyyətinə gedən Həmzə Mirzə Həşmətəddövlə ilə müttəfiq oldu. Zəncana daxil olandan sonra ona xəbər verdilər ki, Hacılı tayfası ilə Dəmirçili qəbiləsi bir-biri ilə müharibə edirlər və aralıqda 22 nəfər qətlə yetirilibdir. Abbasqulu xan Qaraçurlu Cəfərqulu xana, Şahsevən böyüklərinə və Məhəmməd xan Çələbiyanlıya məktub göndərdi ki, qoşun hazırlayıb Hacılı qəbiləsini çapıb talasınlar. Hökm çatan kimi onlar qoşun hazırlayıb göstərilən qəbiləyə hücum etdilər, oranın qadın və kişilərini qarətdən sonra qalalardan birində dustaq saxlayıb, əhvalatı Abbasqulu xana çatdırdılar. Onlara ölüm hökmü verildiyi üçün bir qrup təlaş keçirib aman aldılar (bağışlandılar – Ə.Ç.). Təbrizə daxil olduqdan sonra Qarabağ əyanlarına göstəriş verdi ki, Şükür xan Şahsevənlinin oğlu İsgəndər xanı tutub zəncirləyərək Təbrizə göndərsinlər. Onu dəf etmək üçün 500 atlı göndərdilər. Öz canını təhlükədə görən İsgəndər xan Qaradağdan qaçıb Seyid Əhməd Rəziullah Ənəyə Pənah apardı. Vali Abbasqulu xan zilqəddə ayında Qaradağa yola düşdü və Mişkinə getdi. Oranın fəzillərindən və təxribat başçılarından biri hesab olunan Molla Mömən, Məhəmməd şah Qacar vəfat etdikdən sonra öz adını qızıl və gümüşlə yazdırıb «La iləhə-illəlla, mən şahəm, inşallah» kəlmələri ilə Rusiyaya qaçdı. O, şiəməzhəb insanları arasında həzrəti-seyyidüş-şühədə imam Hüseynin müsibətlərini zikr etməklə gün keçirirdi. Bir il sonra Qaradağa qayıtdı. Vali Abbasqulu xan onun qayıtmasından xəbər tutan kimi onu yanına çağıraraq dedi ki, mən sənin əməllərindən xəbərdaram. Ancaq səni cəzalandırmıram və keçmiş günahlarını da bağışlayıram. Lakin söz ver ki, bundan sonra heç bir xilaf iş görməyəcəksən. Yoxsa mənim adamlarıma əli ilə yox olacaqsan. Molla Mömən naçar qalıb söz verdi²¹.

Bu hadisədən sonra bir neçə İran taciri Rusiya ərazisində Bakı yaxınlığında kareta kirayə etdilər. Onun qiyməti 700 imperial idi. Çevirdikdə 1200 tükən, yaxud 2000 manat edirdi. Onlar 7700 İran tükəni məbləğində kirayə pulu verirdilər. Şəban ayının 22-də 17 atlı onlara hücum edib iki kazakı yaralayaraq tacirlərə təzyiqli göstərib onların qızıl və pullarını əllərindən aldılar. Bu xəbər ruslara çatdı. Müqaviləyə əsasən bu işin cəriməsini ruslar ödəməli idilər. Ramazan ayının ikinci günü idi. Abbasqulu xandan kömək istədilər. O, şəhər polis rəisini və bazarın gecə gözetçilərini və şəhər tacirlərini yanına çağıraraq xəlvətə onlara dedi ki, hər kəs bu şəhərdə manatla alver etsə tutub mənim yanıma gətirin. Təsədüfən ramazanın yeddinci günü

üç nəfəri manatla tutub valinin yanına gətirdilər. Onlar on il əvvəl Sibirdən qaçmış Şirvan əhli idilər. Bu zaman məlum oldu ki, beş atlı şirvanlı rus təbəəsi idi və 7 nəfər Şahsevən qəbiləsindən İran təbəəsi idi. Vali göstəriş verdi ki, o, üç nəfəri zindana aparsınlar və onların evlərini gəzsinlər. Evləridən altı min manat çıxdı. Molla Ağacan Müctəhid və Mələkül-tüccara dedilər ki, onun sahibini tapsın. İyirmi gündən sonra o, qızıl və malın sahibi olan Sadat Xamne xəbər tutub Meşkinə gəldilər və özlərini təqdim etdilər. Qarabağ və Lənkəran hakimləri, Rusiyanın digər mənəb sahibləri dəfələrlə Abbasqulu xan valiyə təşəkkür etmişdilər²².

Zindənda olan o üç nəfər paltarlarının altında gizlətdikləri yüz imperial zindan keşikçilərinə verib oradan qaçdılar. Şahpələng xan Şahsevəni bir dəstə ilə qaçanları təqib etmək üçün göndərdi. Təsədüfən onların on ikisini də tapıb tutdular. Bayram günü onları valinin yanına gətirdilər. Vali onları zindana salınmaları üçün Ərdəbilə göndərdi. Bu zaman Molla Mömən dostlarına məktub göndərdi, ki, əgər bacarsalar yolda onları valinin nəzarətçilərindən azad etsinlər. Onun məktubu valinin adamlarının əlinə düşdü və onu valiyə çatdırdılar. Abbasqulu xan Molla Möməni çağırıdırıb məktubu ona verərək verdiyi vədi-əgər xilaf çıxsa öldürüləcəyini-ona xatırlatdı. Ömr etdi, onun boynuna kəndir saldılar. Oranın əyanlarından biri onun bağışlanmasını xahiş etdi və sonra oğrularla birlikdə Ərdəbil zindanına göndərdi.

Bu hadisədən sonra Qaradağ yolkəsənlərdən elə təmizləndi ki, hətta bir neçə il əvvəl qarət etdikləri malları oğrular öz əlləri ilə gətirib sahibinə qaytardılar. Bu minval ilə vali iki il orada hakimiyyətdə oldu və dövlət adamlarını özündən razı saldı²³.

1275-ci ildə Mirzə Ağa xan Nuri Sədarətdən uzaqlaşdırıldı. Nəsrəddin şah altı nazirlik yaratdı. Məmləkətin işlərini altı vəzir arasında bölüşdürdü. Ədliyyə nazirliyini Abbasqulu xana tapşırıb ona «Mötəməddövlə» ləqəbi verdi. 1278-ci ilə kimi yaşadığı müddətdə bu vəzifədə qaldı²⁴. Abbasqulu xan Ədliyyə naziri təyin edilmiş birinci şəxs idi.

1275-ci hicri ilində tutduğu vəzifədən əlavə, həmin il Nəsrəddin şahın təşkil etdiyi Dövlət Şurasına üzv seçildi. Vəfat etdikdən sonra onun ləqəb və vəzifəsi qardaşı Məhəmməd İbrahim xan Cavanşirə verildi. Mehdi Bamedadın yazdığına görə²⁵, Abbasqulu xan Mötəməddövlə ağıllı, adil, siyasətçi, sanballı və ürəyiyumşaq bir şəxs idi. Başqa hakimlərin xilafına olaraq camaata zülm etmirdi. O, 1278-ci ildə öldü²⁶.

Abbasqulu xan 1862-ci ildə vəfat edib.

Abbasqulu xan Məsrə xanım Fətəli şah qızı Qovanlı-Qacarla ailə qurmuşdu. Ələkbər xan, Paşa xan adlı oğulları vardı.

Ələkbər xan Şuşa şəhərində dünyaya gəlmişdi. Mükəmməl təhsil almışdı. Atası ilə bir müddət Mehri mahalında yaşamışdı. Sonra Təbrizə

köçmüşdülər. Dövlət işlərində çalışmışdı. Orduda xidmət etmişdi. Yavər (mayor) rütbəsi almışdı. Herat savaşında iştirak etmişdi. Şah Heratı təslim etdikdən sonra Tehrana gəlmiş və həmişəlik burda yaşamağa başlamışdı.

Ələkbər xanın Əli xan adlı oğlu vardı.

Əli xan Tehran şəhərində dünyaya göz açmışdı. O, fars dilini öyrəndikdən sonra hərbi idarəyə daxil olub, dövləti xidmətlərlə məşğul olub və polkovnik rütbəsinə qədər yüksəlir. Bir müddət Rusiya səfirliyinin qaravul xidmətinin rəisi vəzifəsində çalışmışdı. Qədim qoşunlar bölündükdən sonra o, hərbi kazak idarəsinə daxil olub, bir müddət hərbi fənləri tədris edir və sultan rütbəsi alır. O, bir neçə dəfə Ərdəbil və Qaradağa ezam olunub, xidməti işlərlə məşğul olmuşdu. O, sonra İngiltərə səfirliyinin qaravul xidmətinə rəis təyin olunub, 6 il orada çalışmışdı.

Əli xan şair idi. Nazim təxəllüsü ilə şe'r yazırdı. Şerləri fars dilindədir.

Abbasqulu xanın ikinci oğlu Paşa xan Əhər şəhərində anadan olmuşdu. Mədrəsə təhsili almışdı. Sonra hərbi məktəbdə oxumuşdu. Kapitan rütbəsindən briqada generalı vəzifəsinədək yüksəlmişdi. Döyüşlərdə göstərdiyi rəşadətə görə «Fatehülməmalik» ləqəbi almışdı.

Paşa xan Məhəmmədəli şah Qacar dönəmində siyasətdən uzaqlaşaraq Qaradağa qayıtmışdı.

Paşa xanın Səfərəli xan adlı oğlu vardı.

Səfərəli xan Əhər şəhərində doğulmuşdu. Mədrəsə təhsili almışdı. Bir müddət Qaradağda sakin olan Qaraçorlu elinə başçılıq etmişdi.

Səfərəli xan 1922-ci ildə vəfat edib.

Səfərəli xanın Məhəmməd xan adlı oğlu vardı.

Məhəmməd xan Əhər şəhərində dünyaya gəlmişdi.

Məhəmməd xanın Yeganə xan, Ərdəşir xan, Əli xan adlı oğulları, Yasəmən bəyim, Süsən bəyim, Jaklin bəyim və Fəsanə bəyim adlı qızları var.

Yeganə Təbriz şəhərində bir müddət Hərbi qüvvələrin siyasi əqidə üzrə köməkçisi işləmişdir. İndi Tehranda hərbi qüvvələrdə xidmət edir. İslam Respublikası kadrlarının hazırlanmasında fəal iştirak etmişdir. Hüquq təhsili almışdır.

Məhəmməd xanın ikinci oğlu Ərdəşir də bir müddət Təbrizdə və indi isə Muğan Parsabadında intizam təşkilatında vəzifəsini yerinə yetirir.

Məhəmməd xan Cavanşirin böyük qızı Yasəmən bəyim 25 ildən artıqdır ki, Əhər, Həris, Şəbüstər, Mərənd və Təbriz şəhərlərində təlim-tərbiyə və tədrislə məşğuldur.

Yasəmən bəyim «Cavanşir nəslİ İran tarixində» kitabının müəllifidir. Biz onun kitabından xeyli istifadə etmişik.

Məhəmməd xanın ikinci qızı Süsən bəyim Cavanşir ingilis dili müəllimi idi. O, 1371-ci ildə Almaniyaya getdi.

Məhəmməd xanın üçüncü qızı Jaklin bəyim Cavanşir də müəllimədir. Məhəmməd xanın dördüncü qızı Fəsanə bəyim Cavanşir coğrafiya sahəsində böyük ekspert kimi təhsil alıb Əhər məktəblərində dərs deyir.

Əbülfət xanın üçüncü oğlu Məhəmmədqulu xan Şuşa şəhərində doğulmuşdu. Təbrizdə ali hərbi təhsil almışdı. Orduda sultan (kapitan) rütbəsində xidmətə başlamışdı. Bir müddət «Qəhrəmaniyə» qoşununda yavər (mayor) rütbəsi ilə xidmət etmişdi. Sonra sərtp (general-mayor) rütbəsi almışdı. Əmir tümən (diviziya generalı) rütbəsinədək yüksəlmişdi. Müqəddəs Məkkəyi-müşərrəfi ziyarət etmişdi.

Hacı Məhəmmədqulu xan 1852-ci ildə Xəlخال hakimi, 1885-ci ildə Marağa hakimi, 1888-ci ildə Urmiya hakimi, 1892-ci ildə Xoy hakimi olmuşdu.

Hacı Məhəmmədqulu xanın Hüsamüddövlə ləqəbi vardı.

Yasəmən bəyim Məhəmməd xan qızı Cavanşir Məhəmmədqulu xanla bağlı araşdırma aparıb İran tarixi əsərlərində yazılan qeydlərdən iqtibas etmişdir. Həmin iqtibası olduğu kimi yazımıza köçürürük.

Nadir Mirzə yazır: «Naibüs-səltənənin səkkizinci oğlu... 1251-ci ildə Təbrizə gəldi... Qəhrəman mirzənin padşahlıq kimi hakimiyyəti var idi... Bu şahzadə Təbriz cavanlarından seçdiyi hamısı gözəl oğlanlardan ibarət olan bu hərbi dəstəyə «Qəhrəmaniyə» adını qoydu və bu orduya rəhbərliyi Əbülfət xan Cavanşirin oğlu Məhəmmədəli xana, yavərliyi də onun kiçik qardaşı Məhəmmədqulu xana tapşırırdı»²⁷.

Məhəmmədqulu xan 1268-ci ildə Xəlخال hakimi²⁸, 1303-cü ildə Marağa hakimi, 1306-cı ildə Urumi hakimi idi. 1310-cu il rəbiül-sani ayının 7-də İbrahim xan Zəhrəddövlənin nəvəsi, Rüstəm xanın oğlu Xanbaba xan çıxarıldıqdan sonra Xoy hakimi təyin edildi²⁹. Onun möhri-səci «Məhəmmədqulu ben Əbülfət» idi.

Hüsamüddövlə əvvəlcə Xoy ordusunun komandanı briqada generalı Heydər xanı Naibülhökumə etdi. Həmin günlərdə Heydər xan Xoy qoşunu ilə Şiraza getdiyi üçün Əsgər xan bəylərbəyliyi teleqraf hökmü ilə Naibülhökumə etdi. Yeni hakim rəbiül-əvvəl ayının 22-də Furuğa daxil olub iki gün orada qaldı. Cəmadiül-əvvəl ayının 26-da hərbi istiqbal qoşunu ilə şəhərə girib qalada (ərkdə) salama oturdu və 21 dəfə topdan atəş açdılar.

Hüsamüddövlə şeyxiyyə müridlərindən idi. Hacı Mirzə Siğgətulla Səlam şəhidi-mərufun atasını Xoya dəvət edib on gün onu qəbul etdi. Mollayi Şeyxi olan Şeyx Fəzlulla Xoyi üçün Müzəffərəddin mirzadən «Huccətül-İslam» ləqəbi aldı. Bunu bilmək lazımdır ki, bu ləqəbin o zaman əhəmiyyəti var idi və hələ «təbiri» kimi dini işlər vəzifəsində olanların hamısına verilmirdi. Bundan əvvəl alim və şair ləqəbi ilə tanınan Mirzə Məhəmməd Tağı Təbrizinin təxəllüsü «Niər» idi.

Hüsamüddövlə bir il dörd ay hakimiyyətdə oldu. Xoş niyyətli, işgüzar və müqtədir bir insan idi. Onun hakimiyyətindən sonra əvvəlki hakim Xanbaba xanın zəifliyi tamamilə aydın görünürdü. Hüsamüddövlədən əvvəl belə bir xoşagəlməz qayda var idi ki, aşura günü qəmə vuran dəstələr hakimin yanına gedər və hakim müqəssir dustaqları onlara bağışlayıb zindandan azad edərdi. O, bu qaydanı (rəsmi) qadağan etdi və hətta onun qüdrəti qarşısında dəstələr heç bir fikir söyləməyə cürət etmədilər³⁰. Ancaq məqbərədə oturmaq rəsmi olaraq öz yerində qaldı. Oğrular, yolkəsən və günahkarlar oraya pənah aparır, təqibdən xilas olur və Divanın əlindən bir iş gəlmirdi.

Osmanlı Şəhbədxanəsi (Konsulxana), başqa bəstlər təxribat mərkəzi idi. Osmanlıların sərhədlərdə törətdikləri təxribat və təcavüzlər də böyük başağrısı idi. Rəbiül-sani ayının 10-u 1310-cu ildə kürdlər Osmanlı piyada və süvari qoşunları təbil və şeypurla Qotura hücum etdilər və mal-qara sürüsünü qarət kimi apardılar. Qasım ağa onları təqib etdi, sürüsünü alsa da, özü öldürüldü. 1310-cu ilin baharında İsmayıl ağanın atası Məhəmməd ağa Şəkkakin bəd əməlləri böyük çətinliyə səbəb olmuşdu. O, osmanlıların təhriki ilə Səlmas nahiyəsində ixtişaş yaratmışdı.

Hüsamüddövlə Əmir Tüman Xoyda dövlət qoşunları, köçəri tayfa atlıları və dörd topdan ibarət ordu yaratdı. Şəvval ayının ortalarında Seyistanlı briqada generalı Abbasqulu xanın komandanlığı ilə Səlmasa göndərdi. Beş ay Səlmasda qaldılar. Nəhayət, dəfərlə vuruşduqdan sonra Məhəmməd ağa Osmanlı torpağına pənah apardı. Ordu rəbiül-əvvəl ayının 11-də Xoya qayıtdı. O il zərəbxana müdirinin saxtakarlığı nəticəsində ortaya çıxan qara pul məsələsi tacir və sənətkarların narahatlığına səbəb oldu. Bazarın yanması bazar adamlarına yüz min tümən hüdudunda zərər vurdu. Mühüm məsələlərdən biri də gömrük və yol işçilərinin tutulması idi. Bu məsələ tacirlərin teleqrafda bəstə oturmasına səbəb oldu. Tacirlərin malları şəhərin kənarına töküldü. İş o yerə çatdı ki, 1310-cu il, səfər ayının ortalarında Hüsamüddövlə telefonçu istefa verdi. O, bir il dörd aylıq hakimiyyətindən sonra 1311-ci il şəvval ayının 12-də Xoyu tərk edib Əruma gəldi və o illər Xoyda işləyən Əli xan Nazimül-olumu öz yerinə qoydu³¹.

Beşinci gün rəcəb ayının 11-i 1314-cü ildə (17 dekabr 1896-cı il) Təbrizdə nəşr olunan «Nasiri» qəzetinin üçüncü il 29-cu sayında Məhəmmədqulu xanın ölümü haqqında verilmiş elanda belə deyilirdi: «İrənin əzəmətli və şanlı sahib mənəblərindən olan və gözəl xidmət göstərən Əbülfət xan Cavanşirin oğlu Hacı Məhəmmədqulu xan Əmir Tüman 80 il dövlət qulluğunda olmuş rəcəbül-mürəcəb ayının səkkizinci gününün səhəri podoqra xəstəliyindən haqqın dəvətinə «ləbbeyk» deyib həyat yatağını başqa dünyaya çəkdi. Bu qabil mənəb sahibinin əvvəlinci xidməti vəzifəsi hərbi sahədə olmuş, 15 yaşından bu sahədə mərtəbə ilə ucalmış, saysız-hesabsız

təhlükələrlə üzləşmiş, çoxlu fəthlər etmiş, özünün müsbət keyfiyyətləri və ləyaqətinə görə «soltan» dərəcəindən (Əmiri-tüman) diviziya generalı dərəcəsinə qədər ucalmışdır. Böyük və ümdə dövlət imtiyazına və avtoritetə malik idi. Son zamanlar yaşının çox olması üzündən orduda xidmət edə bilmədiyi üçün ona dövlət tərəfindən vacib işlər tapşırılmış və xidmətdən boyun qaçırمامışdır. Həqiqətən də elə mənəb sahibi idi ki, onun yoxluğu minlərlə kədər və təəssüfə səbəb oldu»³²..

Hacı Məhəmmədqulu xan 17 dekabr 1896-cı ildə vəfat edib.

Məhəmmədqulu xanın övladları haqqında bilgimiz yoxdur.

Əbülfət xanın dördüncü oğlu Məhəmmədağa xan Şuşa şəhərində dünyaya gəlmişdi. Mükəmməl mədrəsə təhsili almışdı. 1848–1850-ci illərdə Şahrud və Bəstam mahallarının hakimi olmuşdu.

Məhəmmədağa xan 1850-ci ildə vəfat edib.

Məhəmmədağa xanın övladları haqqında bilgimiz yoxdur.

Əbülfət xanın beşinci oğlu Əbdülhüseyn xan Mehri mahalında dünyanı tanımışdı. Ali təhsil almışdı. 1840-cı ildə Xuzistan və Kirmanşah əyalətlərinə vali təyin olunmuşdu. 1844-cü ildə Kirmanşah əyalətinin valiliyindən azad edildi.

Əbdülhüseyn xanın Əbülfət xan adlı oğlu vardı.

Əbülfət xan İran ordusunda sərhəng (polkovnik) rütbəsində qulluq etmişdi.

Əbülfət xanın altıncı oğlu Məhəmmədibrahim xan Mehri mahalında anadan olmuşdu. Saray təhsili almışdı. Orduda xidmət etmişdi. 1862-ci ildə İranın ədliyə vəziri təyin olunmuşdu.

Əmiri-divan, yaxud divanxana naziri Məhəmmədibrahim xan bu vəzifədə az işlədi, onu işdən azad etdilər. Həmin il 1276-cı hicri ilində «Ziyəülmülk» ləqəbi almış Hacı Əli xan Hacibüddövlə onun yerinə seçildi³³.

Məhəmmədibrahim xan işdən çıxarıldıqdan sonra Nəsrəddin şah ikinci dəfə onu elə həmin il Mötəməddülmülkü ləqəbi ilə Ədliyyə Divanxanası işləri üzrə İntizam məmuru təyin etdi. Bu tarixdən Əmiri-Divani onun vəzifəsi və Mötəməddülmülki onun ləqəbi oldu³⁴.

Əbülfət xanın kütükcəsi Cəfərqulu xan 1930-cu illərdə İran siyasi idarəsinin təhqiqat şöbəsinin rəisi olub.

¹ Bax: Mirzə Camal Qarabaği. Qarabağ tarixi // Qarabağnamələr. I-ci kitab. Bakı: «Yazıçı». Səh. 124.

² Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. I cild. Səh. 331.

³ Soltan Əhməd Mirzə İzdəddövlə. Göstərilən əsəri. Səh. 180; Bamdad. Göstərilən əsəri. I cild. Səh. 44; Nadir Mirzə. Göstərilən əsəri. Səh. 247; Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. Səh. 1313.

- ⁴ Süleymani Kərim. Əlqab-e rical-e doure-ye Qacariyə (Qacariyyə dövründə dövlət xadimlərinin ləqəbləri). I cild. Tehran: Ney nəşri, 1379. Səh. 159.
- ⁵ Sepəhr. Göstərilən əsəri. III cild. Səh. 532.
- ⁶ 1251-ci hicri tarixində Abbas Mirzənin altıncı oğlu Qəhrəman Mirzə Təbrizə gəlib cavanlardan ibarət Qəhrəmaniyə qoşunu yaratdı. Bax: Nadir Mirzə. Göstərilən əsəri. Səh. 247; Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. Səh. 968.
- ⁷ Sepəhr. Göstərilən əsəri. III cild. Səh. 533.
- ⁸ Sepəhr. Göstərilən əsəri. III cild. Səh. 534.
- ⁹ Yənə orada. Səh. 534; Nadir Mirzə. Göstərilən əsəri. Səh. 521.
- ¹⁰ Sepəhr. Göstərilən əsəri. Səh. 244.
- ¹¹ Yənə orada. Səh. 396; Vəziri. Tarixi-Kerman. Göstərilən əsəri. Səh. 614–615.
- ¹² Vəziri. Tarixi-Kerman. Göstərilən əsəri. Səh. 615; Sepəhr. Göstərilən əsəri. Səh. 296.
- ¹³ Vəziri. Tarixi-Kerman. Göstərilən əsəri. Səh. 615; Sepəhr. Göstərilən əsəri. Səh. 397.
- ¹⁴ Yənə orada. Səh. 616; Hidayət. Göstərilən əsəri. X cild. Səh. 521.
- ¹⁵ Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. I cild. Səh. 918.
- ¹⁶ Yənə orada. Səh. 916; Sepəhr. Göstərilən əsəri. Səh. 334; Bamdad. Göstərilən əsəri. Səh. 930.
- ¹⁷ Bəhəüddövlə Fətəli şahın 37-ci oğlu idi.
- ¹⁸ Bamdad. Göstərilən əsəri. Səh. 277; Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. I cild. Səh. 930.
- ¹⁹ Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. I cild. Səh. 930; Bamdad. Göstərilən əsəri. Səh. 228.
- ²⁰ Yənə orada. Səh. 990.
- ²¹ Sepəhr. Göstərilən əsəri. Səh. 585.
- ²² Yənə orada. Səh. 586.
- ²³ Sepəhr. Göstərilən əsəri. Səh. 585.
- ²⁴ Bamdad. Göstərilən əsəri. II cild. Səh. 228; Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. II cild. Səh. 1313.
- ²⁵ Bamdad. Göstərilən əsəri. II cild. Səh. 229.
- ²⁶ Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. II cild. Səh. 1389; Bamdad. Göstərilən əsəri. II cild. Səh. 228.
- ²⁷ Nadir Mirzə Qacar. Göstərilən əsəri. II cild. Səh. 247.
- ²⁸ Etimadüs-səltənə. Göstərilən əsəri. II cild. Səh. 1113.
- ²⁹ Riyahi. Göstərilən əsəri. Səh. 421.
- ³⁰ Riyahi. Göstərilən əsəri. Səh. 421, 423.
- ³¹ Riyahi. Göstərilən əsəri. Səh. 423.
- ³² Sərdari Niya. İbrahimxəlil xan Cavanşir. Göstərilən əsəri: «Varlıq» nəşriyyatı. Səh. 125.
- ³³ Bamdad. Göstərilən əsəri. II cild. Səh. 229. Ədliyyə Nazirinə Məhəmməd şah və Nəsrəddin şah zamanında Əmiri-Divanxanə, Əmiri-Divan, Rəisi-Divanxanə, Vəziri-Divanxanə, Vəziri-Divani-Ədalət və Vəziri-Əleyh də deyirdilər.
- ³⁴ Nəsrəddin şahın Məhəmməd İbrahim xan Cavanşirə verdiyi hökm əlavədə var.

İRƏVAN XANLARI, ONLARIN MƏNŞƏYİ, NƏSİLLƏRİ

İrəvan əyaləti qədim zamanlardan türk yurdudur. Öncə bu yərə Çuxur Səd adlanırdı. Çuxur Səd bəylərbəyliyiində Qacar elinin Ağcaqoyunlu, Ziyadlı, Dəvəli və başqa oymaqları məskunlaşmışdı.

Ağcaqoyunlu oymağı I Şah Abbas Səfəvinin (27.01.1571–19.01.1629) hakimiyyəti dönmündən 1700-cü ilədək İrəvan əyalətini idarə etmişlər.

Qacar elinin oymaqlarından biri də Ziyadlıdır. Ziyadlı oymağının bir qolu Qarabağda, bir qolu İrəvanda, bir qolu isə Astarabadda məskunlaşmışdı. Tarixçi Məhəmməd Məsum ibn Xocəki-İsfahani «Xülasət əs-səyyar» adlı əsərinin «Ziyadoğlu nəslı və Gəncənin xüsusiyyətləri haqqında qısa məlumat» başlığında Ziyadoğlu adının yaranması barəsində yazır: «Mən-Allahın yazıq bəndəsi uğurlu tale sahibi olan bu alicənab şəxsın süfrəsinin kənarında oturanlardan biri kimi zati-alilərinin əmri ilə bu kitabı yazmağa məşğul olarkən özümə vacib bildim ki, qüdrətli və əzəmətli xanın nəslı, əcdadı haqqında da qısa məlumat verim. Bu qısa məlumatı sidq-ürəklə hazırladım ki, zəmanə adamları xanın nəsil şəcərəsini bilsinlər. Düzdür, bu nəslin şəxsiyyətlərinin layiqli xidmətləri gün kimi aydındır və heç bir tərifi ehtiyacı yoxdur. Lakin bununla belə, mənim rəyimdən belə bir fikir keçdi ki, arif adamların bu nəslin işləri haqqında məlumatları olsun deyə onları bu kitaba daxil edim. Bu mübarək insanın babalarının məskəni Rum vilayəti olmuşdur. Qəriməş Xızr adı ilə tanınan Xızr bəy o diyarda mötəbər bir şəxs olmuşdur. O, Səfəviyyə təriqətinə sidq-ürəklə etiqad etdiyi və o müqəddəslərin işığına ürəkdən bağlandığı üçün eli, qohum-əqrabası ilə birgə vətəni tərk edib Azərbaycana və İraqa (Əcəm İraqına-tərcüməçi) köçmüşdür. Xızr bəy bir müddətdən sonra dünyasını dəyişmiş və onun böyük oğlu Ümmət bəy Lahican vilayətində şahənşaha səcdə etmək şərəfinə nail olmuşdur o, zəmanəsinin yeganəsi olan bu şəxslə şahənşahla yaxınlıq mərtəbəsinə yüksəlmişdir. Ümmət bəy hörmət və izzət sahibi Sufi Lahicinin xidmətində olmuş şahənşahlıq lütfü və diqqəti həmişə onun üzərinə kölgə salmışdır. Xalq üçün qorxulu, təhlükəli vəziyyətlərdə bəşəri gücü çatan işləri daha çox o, gördüyü üçün, eləcə də saf etiqadına, fədakarlığına və çoxlu xidmətlərinə görə Ziyadoğlu ləqəbini qazanmışdır» [Bax: Azərbaycan tarixi şəcərə cəmiyyətinin xəbərləri. 3-cü buraxılış. Bakı, 2001. Səh. 110–111].

Qacar elinin İrəvandaqı Ziyadlı oymağının başçılarından biri Xəlil xan idi. Xəlil xan XVII yüzilin sonu, XVIII yüzilin önlərində yaşamışdı. Öncə Səfəvilərə, sonra Nadir şah Qırılı-Avşara xidmət etmişdi.

Xəlil xanın Həsənəli xan, Hüseynəli xan, Məhəmmədhəsən xan adlı oğulları vardı.

Həsənəli xan 1755-ci ildə İravanın hakimi olmuşdu. O, xanlığa Azad xan Əfqanın yardımı ilə yiyələnmişdi. Bəzi qaynaqlarda göstərilir ki, 1755-ci ildə yerli feodallardan Həsənəli xan Ziyadlı-Qacar, Xəlil xan Özbəyi müdafiə edən Azad xanın İranda Kərim xan Zəndin yanında heç bir nüfuz sahibi olmamasından istifadə edib, İrəvanda saray çevrilişi edərək hakimiyyəti ələ aldı.

Həsənəli xan Eçmiazzin katalikosluğuna vergi təyin etdi. Bundan əvvəl Azad xan Əfqana və Xəlil xan Özbəyə itaət edən «Üç kilsə» monastrının başçısı Aleksandr bu dəfə yeni xana tabe olub, ona yazılı surətdə xahişlə müraciət edərək bildirdi ki, Azad xan başqa monastrlardan vergi aldığı halda «Üç kilsə»ni həmişə vergi verməkdən azad etmişdir. Xahiş edirik ki, bizə də belə səlahiyyət verəsən. Həsənəli xan «Üç kilsə» monastrının xəlifəsi Aleksandrın xahişinə əməl etmiş və monastırı hər cür vergidən azad etmişdir. Həsənəli xanın bu barədə verdiyi fərmanına divanbəyiləri, Şeyx-ül-islam və digər müsəlman zadəganları və möhürlərini vurmuşlar. Bu da təsadüfi deyildi. Məsələ burasındadır ki, Çuxursəd torpağında İrəvan xanlığı yaranar-yaranmaz özlərini çar adlandıran gürcü knyazlarından Kaxetiya hakimi II Teymuraz və onun oğlu Kartli hakimi II İrakli bu xanlığı zəbt etməyə çalışmışlar. Bu məqsədlə də onlar İrəvan xanlığının tərkibində olan və İrəvan xanına itaət edən «Üç kilsə» monastrının xəlifəsi-katalikosu ilə əlaqə saxlayır, İrəvan xanlarına onun əli ilə zərbə endirməyə çalışırdılar. Çox güman ki, bunu nəzərə alan İrəvan xanları, «Üç kilsə» xəlifələrinə güzəştə gedirmişlər [Bax: F. Əliyev, U. Həsənov. İrəvan xanlığı. Bakı, 1997. Səh.58].

Həsənəli xan İrəvanı yenidən qurmuş, iqtisadiyyatını dirçəltmiş, əhalisini yaxşı yaşayla təmin etmişdi. Həsənəli xan 1759-cu ilədək İravanın müstəqil hakimi olmuşdu. Həsənəli xanın Məhəmməd xan, Məhəmmədəli xan adlı oğulları vardı.

Məhəmməd xan İrəvan şəhərində doğulmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Məhəmməd xan 1806–1807-ci illərdə İravanın hakimi olmuşdu. Rus-İran savaşlarında iştirak etmişdi. Abbas mirzənin şəxsi mühafizəsinin rəisi idi. Naxçıvan hakimi Ehsan xan Kəngərli Abbasabad qalasını ruslara təslim etmək istəyərkən Məhəmməd xan 4 min bəxtiyari və azərbaycanlı ilə qalanın müdafiəsinə getmişdi.

Qalanı 1827-ci ilin iyununda ruslar almış, Məhəmməd xanı əsir tutmuşdular. Tarixçi Mirzə Yusif Qarabaği yazır: «Məhəmməd xanı Tiflisə aparan zaman bir neçə gün Şuşa qalasında saxladılar. Məhəmməd xan Qacar nücabalarından olub, qısaboylu, seyrəksaqqallı, qamətəcə kiçik bir adam idi. Çox iri atı vardı. At üstündə balaca bir uşaq kimi görünərdi. Abbas mirzə

onun süstlüyünü və qalanı əldən verməsini nəzərə alaraq, yüksək mənəbdən məhrum etdi və həmin mənəbi sərdar Əmir xanın böyük oğluna verdi. Abbas mirzənin bacısı Məhəmməd xanın arvadı idi. O, bacısını Məhəmməd xandan boşatdırdı dedi: «Qalanı düşməyə verən bir adam mənimlə arvad qohumu ola bilməz» [Bax: Qarabağnamələr. 2-ci kitab. Bakı, 1991. Səh. 86].

Məhəmməd xan Rüksarə xanım Zinətəddövlə Fətəli şah Qovanlı-Qacar qızı ilə ailə qurmuşdu. Məhəmməd həsən xan adlı oğlu vardı.

Məhəmməd həsən xan İrəvan şəhərində dünyaya gəlmişdi. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Məhəmməd həsən xan İran ordusunda xidmət etmişdi. Əmirəlümərə ünvanı almışdı. Bu ünvan Qacar səltənəti dönəmində komandan adına bərabər idi. Məhəmməd həsən xan Fəxrəddövlə Abbas mirzə qızı Qovanlı-Qacarla ailə qurmuşdu. Əbülfət xan adlı oğlu vardı.

Əbülfət xan Təbriz şəhərində doğulmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Saruməddövlə ləqəbi daşıyırdı. Hərbçi idi. Əbülfət xan Banuüzma İftixarəddövlə xanım Nəsirəddin şah qızı Qovanlı-Qacarla, Gülsüm xanım İfətüssəltənə Musa-Rza bəy qızı ilə ailə qurmuşdu. Qəhrəman xan, Xanbaba xan, Bədiülməlik xan, Sultan Məhəmməd xan, Əsədulla xan, Keyxosrov xan, Abbasqulu xan adlı oğulları vardı.

Qəhrəman xan 1870-ci ildə Təbriz şəhərində dünyaya gəlmişdi. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Saruməddövlə ləqəbi daşıyırdı. 1895-ci ildə şahdan Sərdari Əzəm ləqəbini də almışdı. 1904-cü ildə İsfahana hərbi komandan təyin edilmişdi. Dayısı Sultan Məsud mirzə Zillisultan tərəfindən Nəsirəddin şahın hökmürlünlüyünün 50 illik yubleyində iştirak etmək üçün Tehrana göndərilmişdi. Qəhrəman xan 1924-cü ildə Lurestana valilik etmişdi. Qəhrəman xan 1-ci dərəcəli Nişani-Əqdəs, 1-ci dərəcəli Şiri-Xurşid ordenləri ilə təltif olunmuşdu. Qəhrəman xan Şövkətüssəltənə xanım Sultan Məsud mirzə Zillisultan qızı Qovanlı-Qacarla yaşam qurmuşdu. Əbülfət xan adlı oğlu, İftixarəssəltənə xanım, Əxtərəssəltənə xanım adlı qızları vardı.

Əbülfət xan Təbriz şəhərində dünyaya göz açmışdı. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Əbülfət xan Fərrux Əsrəf xanım Bayatla həyat qurmuşdu. Qulaməli xan adlı oğlu vardı.

Qulaməli xan Tehran şəhərində dünyaya pənah gətirmişdi. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Qulaməli xan Hürü xanımla evlənmişdi. Nazxanım xanım, Nərgiz xanım adlı qızları vardı.

Əbülfət xanın ikinci oğlu Xanbaba xan 1877-ci ildə Təbriz şəhərində anadan olmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Eynüssəltənə ləqəbini daşıyırdı. Xanbaba xan hərbi məktəbdə oxumuşdu. Polkovnik rütbəsinədək yüksəlmişdi. İsfəhanın hərbi rəisi olmuşdu. Xanbaba xan Əzizəssəltənə xanım Sultan Məsud mirzə Zillisultan qızı Qovanlı-Qacarla və Möhsün xan Müşirüddövlənin qızıyla ailə qurmuşdu.

Əbülfət xanın üçüncü oğlu Bədiülməlik xan Təbriz şəhərində dünyaya göz açmışdı. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Dayısı Sultan Məsud mirzə Zillisultanın himayəsi ilə İsfəhanın Nəcəfabad şəhərinə hakim təyin olunmuşdu. Anası Banuüzmanın qardaşı ilə ixtilafı başlayanda dayısı onu bu vəzifədən çıxardı.

Bədiülməlik xan 1888-ci ildə vəfat edib. Bədiülmülk xanın törəmələri Bədi-Məsud soyadını daşıyırlar. Bədiülməlik xan şahzadə Sultan Məsud mirzə Zillisultanın qızı İffətüddövlə xanımla ailə qurmuşdu. Məhəmməd-həsən xan, Məhəmmədhüseyn xan, Abbas xan, Məhəmməd xan adlı oğulları, Ehtiramüddövlə xanım adlı qızı vardı.

Məhəmməd-həsən xan Tehran şəhərində dünyaya pənah gətirmişdi. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Hərbçi idi.

Bədiülmülk xanın ikinci oğlu Məhəmmədhüseyn xan Tehran şəhərində anadan olmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Hərbçi idi. Məhəmmədhüseyn xanın Həmid xan, Məlikmənsur xan adlı oğulları, Fatma xanım və Sürəyya xanım adlı qızları var.

Bədiülmülk xanın üçüncü oğlu Abbas xan Tehran şəhərində anadan olmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Mühəndis idi. Abbas xanın Məlik İrəc xan, Məlik Turac xan adlı oğulları, Mələk Pərvin adlı qızı vardı.

Bədiülmülk xanın dördüncü oğlu Məhəmməd xan Tehran şəhərində anadan olmuşdu. Məhəmməd xanın Əhməd xan adlı oğlu, Fəxriyyə xanım adlı qızı var.

Bədiülmülk xanın qızı Ehtiraməddövlə xanım Tehran şəhərində dünyanı zinətləndirmişdi. Ehtiraməddövlə xanım Ayətullah Seyid Məhəmməd-bağır Şaftinin oğlu ilə ailə qurub.

Əbülfət xanın dördüncü oğlu Sultan Məhəmməd xan Təbriz şəhərində anadan olmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Sultan Məhəmməd xan Bədiəddövlə xanın Sultan Məsud mirzə Zillisultan Qovanlı-Qacarın qızı ilə həyat qurmuşdu. Fəxrülmülk xan, Əbdülməcid xan adlı oğulları, Bədrəzzəman xanım adlı qızı vardı.

Əbülfət xanın beşinci oğlu Əsədulla xan Təbriz şəhərində anadan olmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı.

Əbülfət xanın altıncı oğlu Keyxosrov xan Təbriz şəhərində anadan olmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı.

Əbülfət xanın yeddinci oğlu Abbasqulu xan Təbriz şəhərində anadan olmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Abbasqulu xan Qəmərəddövlə xanım Sultan Məsud mirzə Zillisultan Qovanlı-Qacarın qızı ilə həyat qurmuşdu. Nasirqulu xan, Hüseyinqulu xan adlı oğulları, Əqdəsülmülk xanım adlı qızı vardı.

Nasirqulu xan Tehran şəhərində doğulmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı.

Abbasqulu xanın ikinci oğlu Hüseyinqulu xan Tehran şəhərində dünyaya gəlmişdi. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı.

Abbasqulu xanın qızı Əqdəsülmülk xanım Tehran şəhərində dünyaya göz açmışdı. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Əqdəsülmülk xanım dayısıoğlu Sultan Əhməd mirzə Sultan Mahmud mirzə oğlu Qovanlı-Qacarla həyat qurmuşdu.

Əbülfət xanın qızı Məlaikə Üzma xanım Təbriz şəhərində dünyaya göz açmışdı. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Şəmsülmülk ləqəbini daşıyırdı. Məlaikə Üzma xanım Firuz mirzə Sultan Məsud mirzə oğlu Qovanlı-Qacarla ailə qurmuşdu.

Həsənəli xan Ziyadlı-Qacarin ikinci oğlu Məhəmmədəli xan İrəvanda anadan olmuşdu. Ailə təlim-tərbiyəsi, təhsili almışdı. Məhəmmədəli xan Maku şəhərində yaşamışdı. Məhəmmədəli xan qardaşından sonra Rüksarə Zinətəddövlə xanım Fətəli şah qızı ilə həyat qurmuşdu.

Xəlil xanın ikinci oğlu Hüseyinəli xan İrəvan şəhərində anadan olmuşdu. Mükəmməl mədrəsə təhsili almışdı. Hüseyinəli xan qardaşından sonra 1759-cu ildə İrəvanın hakimi oldu. Hüseyinəli xan qurucu, eldar, ehsançı bir hakim idi. İrəvanı yenidən qurmaq üçün Xoydan Əhməd xanın baş memarı Mirzə Cəfəri paytaxta dəvət etmişdi. Onun proyektini ilə xeyli iş görmüşdü. Hüseyinəli xanı 1783-cü ildə qiyamçılar öldürdülər. Hüseyinəli xanın Qulaməli xan, Məhəmməd xan adlı oğulları vardı.

Qulaməli xan 1783-cü ildə taxta əyləşdi. II İrakli qayını Baqrationu İrəvana göndərmişdi ki, yerli feodollardan Əhməd sultanı xan təyin etsin. Yeni hakimin taxta əyləşməsindən İrəvana çatan Baqration ələcsiz qalıb, Qulaməli xanı hakimiyyət başına gəlməsi münasibətilə təbrik edib geri qayıtmalı oldu. Kiyaz Baqrationunun İrəvan xanlığında Qulaməli xanın oturması ilə razılaşmasını İrəvan zadəganları birmənalı qiymətləndirərək elə güman etdilər ki, bu işdə II İraklinin əli vardır. Odur ki, yeni xana o qədər də etibar etmirdilər. Əhalinin Qulaməli xanla hesablaşmadığını bilən II İrakli P.S.Potyomkinə yazdığı məktubda əsassız olaraq lovgalıqla bildirdi: «İrəvanda ölmüş xanın əvəzində əhali onun kiçik oğlunu xan etmək istəyirdi. Lakin biz buna razı olmadığımızı bidirdik».

Qulaməli xan İrəvan xanlığının taxtına çıxdıqdan sonra hakimiyyətə can atan zadəganlardan biri – Əhməd sultan İrəvanı tərək etməli oldu. Başqaları ilə də hesablaşmağa çalışdı. O, daxili düşmənlərini birər-birər aradan götürmək istəsə də sonadək nail olmadı.

Qulaməli xan 1785-ci ildə saray çevrilişi zamanı qətl edildi.

Hüseyinəli xanın ikinci oğlu Məhəmməd xan 1785-ci ildə İrəvanda

hakimiyyətə yiyələndi. Məhəmməd xan qurucu, xeyrxah bir xan idi. 1791-ci ildə İrəvanda güzgülü salon, yay imarəti tikdirmişdi. Məhəmməd xan Ağaməhəmməd xan Qovanlı-Qacarin tutuqlusu olmuşdu. Qəzvine zindanda yatmışdı. Fətəli şah onu azad edib İrəvana göndərdi. Məhəmməd xan 1806-cı ildə yenidən tutulub İrana göndərildi. Məhəmməd xan hələ 12 yaşında olarkən Xoylu Əhməd Dünbilinin 30 yaşlı qızı ilə evlənmişdi. Rzaqulu xan, Həsən xan, Hüseyinli xan adlı oğulları, qızları vardı.

Məhəmməd xan Qacar İrəvaninin oğlu Rzaqulu xan, Fətəli şah Qovanlı-Qacarin oğlu Mahmud mirzənin əmirilərindən olmuşdur. Uzun illər Nəhəvənddə onun xidməti nöqərlərinin başçısı olmuş, münasib təbiəti, gözəl əxlaqı və xoş davranışı ilə hörmət qazanmışdır. Mahmud mirzə yazır ki, «bu cavan, ürəklərə o qədər yaxındır ki, mənimlə möhkəm bağlılığı var. Onun əlyazmasının verdiyi həzz, mətanətiylə tam uyğundur. Əsgər qayda-qanunlarında qoca və cavanlara nümunə ola bilər. Bu gün arif adamların nəzərincə onun məziyyəti hamıya aydındır və digərlərindən üstünlüyü sübuta yetmişdir. Öz qəbiləsinin kiçik və böyüklərindən şərəfətlidir. Dost, dərviş və mülayim təbiətlidir. Dostların istədiyi qədər təvəzakar, yadların inciməyəcəyi qədər təkəbbürlüdür. Bunlardan əlavə, o, alim qocaların sirdaşı olan cavandır. Ömrünün əvvəlindən bu zamana qədər (h.q. 1240) mənim tərbiyə məktəbində insaniyyət fənlərindən ədəb öyrənmişdir. Allaha həmd olsun ki, bu əziyyət rahatlıqla nəticələndi və öz bəhrəsini verdi. Yanımdakı qulluqçuların ağsaqqalığına namizəd kimi yuxunu özünə haram bilib, gözətçilik edir. Mənim məclisimdə beytləri oxuyub qulaq asarkən, şeir qoşmaq və qəzəl demək həvəsinə düşürdü. O, mənim əmrimlə Çəsmə təxəllüsünü götürdü. Şeirlərinin pis-yaxşısına diqqət etdikdə, sağlam təbi və yeni fikirli olduğu görünür» [Bax: Əziz Dövlətabadi. Qafqazın farsca yazan şairləri. Səh. 264].

Rzaqulu xan şair idi. Çəsmə təxəllüsü ilə xoştəb şeir yazırdı.

Məhəmməd xan Qacar İrəvaninin oğlu Həsən xan, əxlaq və kamal fənlərindən bəhrələnməmiş, ədəbli bir cavan olmuşdur. Mahmud mirzə yazır ki, cavanlıqdan Şərəf Əlinəqi mirzəyə yoldaş olmuşdur və indi də (h.q. 1240) ləyaqətli izzət və sədaqətli o həzrətdə mövcuddur. Onun səyi ilə, qəzəlin icrasında bir təb çatdırılmışdır [Bax: Əziz Dövlətabadi. Qafqazın farsca yazan şairləri. Səh. 268].

Həsən xan şair idi. Şəhab təxəllüsü ilə qəlb oxşayan şeir yazırdı.

Məhəmməd xan Qacar İrəvaninin oğlu, Çəsmə və Şəhab İrəvanilərin gərdaşı Hüseyinli xan, Mahmud mirzənin müasirlərindən və yaxınlarından olmuşdur. O, öz kitabında yazır: «Uzun illərdir ki, ətrafdakılarla sirdaş olub, yanımda elm öyrənməklə məşğuldur. Mənim çoxlu səyim nəticəsində, Şeir yazmağa başlayıb və xüsusi yaxınlığı vardır» [Bax: Əziz Dövlətabadi. Qafqazın farsca yazan şairləri. Səh. 272].

Hüseynəli xan şair idi. Qabil təxəllüsü ilə gözəl, ürəkoynadan şeirlər yazırdı.

Məhəmməd xan Ziyadlının qızlarından biri Fətəli şah Qovanlı-Qacarın oğlu Mahmud mirzə ilə ailə qurmuşdu.

Xəlil xanın üçüncü oğlu Məhəmməd həsən xan Ziyadlı-Qacar İrəvan şəhərində anadan olmuşdu. Mükəmməl mədrəsə təhsili almışdı. Onun da könlündən hakimlik keçirdi. Gürcüstan çarı II İrakli ilə danışıqlar aparırdı. İrakli müti bir xan arzusunda idi. 1783-cü ildə saray çevrilişi nəticəsində Məhəmməd həsən xan qardaşı Hüseynəli xanla birlikdə öldürüldü.

ГЕНЕАЛОГИЯ И ЭМБЛЕМАТИКА

С.А.Ахмедов

АТРИБУТЫ ВЛАСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ХАНОВ (из коллекции Национального Музея Истории Азербайджана)

21 октября 1806 года. Город Шеки, столица независимого Шекинского ханства окружен русскими войсками и подвергается артиллерийскому обстрелу. Хан с остатками своих войск и присоединившихся к ним горожан готовится к последнему решающему бою.

Глава Шекинского ханства Селим хан еще 21 мая 1805 года подписал Кюрекчайский договор о переходе в подданство России и позволил расположить на своей территории русские гарнизоны. На принятие им такого решения во многом повлиял переход в подданство России его родственника, главы Карабахского ханства Ибрагим-Халил хана (договор от 14 мая 1805 года) [1]. Доверившийся империи Ибрагим-Халил хан разбил свой лагерь в шатрах вне пределов своей столицы – Шушинской крепости. Однако в июне 1806 года он был вероломно убит вместе с членами своей семьи отрядом русских войск под руководством майора Лисаневича [2]. Проведенное русским командованием следствие (а вслед за ним и российские историки) объявило, что майор Лисаневич действовал «под влиянием и по наущению злонамеренных лиц», а отнюдь не по приказу своего командования. Но тот факт, что майор не был наказан, заставил местных ханов прийти к совершенно иным выводам. Результатом вероломного убийства Ибрагим-Халил хана, пользовавшегося в регионе громадным авторитетом, стали восстания на всей территории Северного Азербайджана. Итоги походов русских войск 1801–1805 годов были сведены на нет. Для подавления восстаний император послал на Южный Кавказ дополнительные силы, встретившие упорное сопротивление.

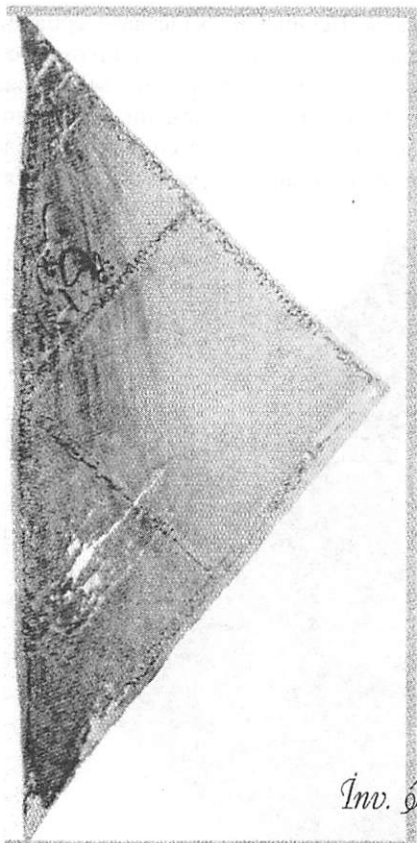
Особенно ожесточенную борьбу вел Селим хан Шекинский: Ибрагим-Халил хан был его союзником, жена Ибрагим-Халил хана, убитая вместе со своим мужем, была родной сестрой Селим хана. Сразу за убийством друга и сестры разъяренный Селим хан поднял восстание, разоружил русские гарнизоны на своей территории, и хотя горел каждой мести, но все же позволил пленным русским воинам уйти на территорию Грузии [3]. Дополнительные силы русских войск, переброшенные с Северного Кавказа и из Грузии, подавляли одно восстание за дру-

гим. К концу октября 1806 года войска Селим хана потерпели поражение, и он заперся в Шекинской крепости, где и был осажден. Русские войска под командованием генерал-майора Небольсина после бомбардировки и штурма взяли крепость [4]. В числе трофеев в их руки попало три знамени Шекинского ханства, одно из которых описывается в данной статье.

Треугольное знамя Шекинского ханства, взятое в качестве трофея в 1806 году было послано в Санкт-Петербург, однако в 1888 году вновь вернулось на Кавказ. В этом году в Тифлисе был открыт Кавказский Военно-Исторический музей (в ряде документов упоминается как Тифлисский Музей Славы), в экспозиции которого демонстрировалось и Шекинское знамя [5]. Впервые вопрос о возвращении этого и других азербайджанских знамен был поднят в апреле 1919

года. Военный министр независимой Азербайджанской Республики генерал от артиллерии Самед бек Мехмандаров 5 апреля 1919 года приказал военному представителю Азербайджана в

Грузии подполковнику Алиеву выяснить вопрос о возвращении государственных регалий Азербайджана [6]. В сентябре 1924 года на I Общеазербайджанском краеведческом съезде вновь был поднят вопрос о возвращении в Азербайджан этих регалий. В том же году удалось получить эти материалы из Грузии, и все они были переданы в Музей Истории Азербайджана [7]. Как и многие другие экспонаты, треугольное

Inv. 6

**Знамя хана Шекинского.
Лицевая сторона.
Национальный Музей Истории
Азербайджана.**

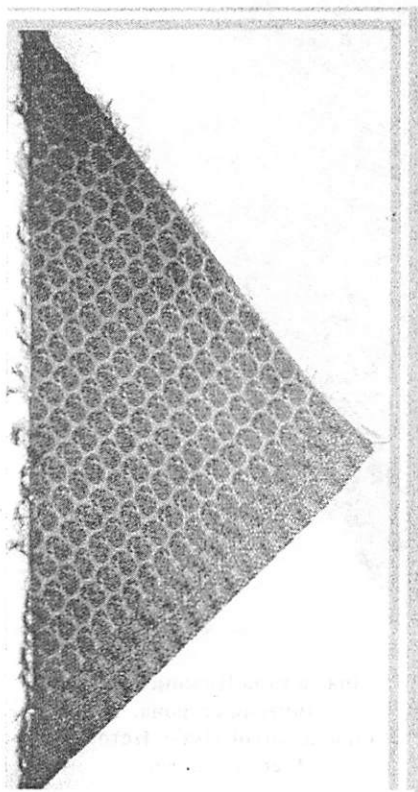
знамя Шекинского ханства Азербайджана (НМИА, фонд новой истории, инв. 452), находилось в плохом состоянии, и в 1926 году был поднят вопрос о его реставрации. Места расплзания ткани были склеены по технологии того времени желатиновым клеем, однако впоследствии выяснилось, что этот способ губителен: при высыхании по прошествии времени ткань в местах склеивания побурела и стала крошиться. На данный момент это и другие знамена Азербайджана ханской эпохи нуждается в реставрации.

Треугольное знамя Шекинского ханства состоит из полотнища, древка и наверхшия.

Полотнище знамени представляет собой вытянутый треугольник со сторонами 143х 105х 93,5см. Лицевая и обратная стороны полотнища были изготовлены отдельно, а затем сшиты вместе.

Оборотная сторона изготовлена из шелка бежевого цвета, по всей поверхности которой рядами расположены изображения «бута» (бута – деталь национального орнамента в виде бутона цветка, обусловившего название детали). Каждая бута составлена из сложного сочетания красных цветков и зеленых листьев. В изображении рядов бута наблюдается чередование: бута первого ряда «смотрят» направо, второго ряда – налево, третьего – направо и т.д.

Лицевая сторона полотнища также изготовлена из кумача бежевого цвета. Первоначально поверхность полотнища была по-

**Знамя хана Шекинского.
Оборотная сторона.
Национальный Музей Истории
Азербайджана.**

крыта надписями на санскрите, от которых сейчас кое-где сохранились блеклые следы. Судя по всему, впоследствии эти надписи были стерты и вместо них были нанесены надписи на арабском и персидском языках.

Все надписи были нанесены черной и красной красками. Из надписей, написанных на персидском языке, также сохранились блеклые следы, с трудом различимые при сильном увеличении. Однако в документах музея значится что, на момент передачи знамени в Музей Истории Азербайджана на знамени отчетливо читалась надпись: «Великий султан, самый великий хаган, повелитель людей Надир шах, да сделает Аллах его правление вечным. 1155». Судя по дате, надпись была выполнена в 1742–1743 годах.

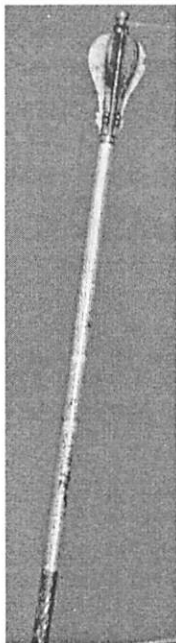
Надписи на арабском языке сохранились гораздо лучше. Так, кайма знамени состоит из аятов Корана и проходит по всем трем сторонам знамени. Также надписи делят поверхность полотнища на три части – один большой и два малых квадрата. Рамки каждого квадрата состоят из аятов Корана. В свою очередь, большой квадрат разделен тонкими черными линиями на 1000 квадратиков (расположены 100x100), в каждом из которых даны отдельные слова из аятов Корана. Два малых квадрата отличаются разнообразием. Так, в них даны отдельные буквы, значение которых до сих пор не установлено исламоведами: мим, ха, мим, дел; дел, мим, ха и др. Здесь также имеются квадратик со словами из аятов Корана, в ряде мест даны небольшие суры из Корана, указаны эпитеты Аллаха. Наиболее выделяется надпись в правом малом квадрате: «Помощь от Аллаха и победа близка» [Коран, сура Шафф, 13-й аят].

Деревянное древко знамени длиной 297 см, диаметром 3,8 см, покрыто зеленой и черной красками. Навершие знамени изготовлено из позолоченной меди, полое внутри. Так, втульчатая часть переходит в полый шар, составленный из верхней и нижней половинок. Верхняя часть навершия внешне вырезана в форме листа с фестончатыми краями. Центральная часть листа выпуклая, в виде вытянутой пирамиды. Высота втульчатой части и шара 29 см, высота листа 26 см, ширина 16 см, толщина 6 см.

К сожалению, долгие годы в музее отсутствовали условия для нормального хранения знамени, что сильно отразилось на сохранности, как полотнища, так и надписей. Особенно сильно по-

**Бунчук
Джавад хана
Гянджинского.
Национальный
Музей Истории
Азербайджана.**

**Шестопер
Ибрагим
Халил хана
Карабахского.
Национальный
Музей Истории
Азербайджана.**

страдала лицевая часть с надписями. Так, полотнище расплзлось и побурело в местах сгибов и склеиваний, большинство надписей, особенно надписи на персидском и санскрите почти стерлись.

В «Путеводителе по Кавказскому Военно-Историческому музею» довольно подробно описана история этого знамени, объясняющая наличие надписей на санскрите и персидском языке (традиционно на азербайджанских знаменах эпохи ханств надписи давались лишь на арабском языке). Указано, что знамя изготовлено в Индии в 1606 году Гаджи Гусейном, однако захвачено Надир шахом Афшаром в его Индийском походе 1737 года [8].

Полагаем, знамя было передано одному из отрядов Надир шаха, вероятно, после соответствующей «обработки» (стерты надписи на санскрите, нанесены надписи на персидском и арабском языках, в том числе упомянуто имя Надир шаха). Каким образом это знамя оказалось в Шеки точно сказать трудно. Известно, что в 1744 году в Шеки началось восстание против власти Надир шаха. Восставших возглавил Гаджи Челеби, сумевший организовать население на борьбу и в течение 4-х месяцев противостоявший ударам персидской армии, непосредственно возглавляемой шахом [9]. Не сумев подавить восстание военным путем и захватить оплот восставших крепость «Гелерсен-Гёресен», Надир шах начал переговоры, закончившиеся в 1746 году признанием Гаджи Челеби местным правителем, но в составе империи Надир шаха (вероятно, на условиях вассалитета) [10]. Обычно в таких случаях на мусульманском Востоке, практиковалась средневековая традиция выдачи сюзереном своему вассалу знамени и других регалий (бунчук, иногда почетная одежда и оружие, право иметь свой оркестр). В 1747 году после убийства Надир шаха его империя развалилась, и Гаджи Челеби объявил себя ханом, главой независимого Шекинского ханства [11]. Знамя, полученное от Надир шаха, стало одним из знамен ханства. Скорее всего, именно таким образом объясняется наличие вышеописанного знамени в числе знамен Селим хана Шекинского.

Традиционно в азербайджанских государствах знамена с треугольным полотнищем были знаменем не государства, а правителя (то

есть, выражаясь языком вексиллологии – штандартом). Это знамена падишаха Узун Гасана (правителя государства Ак-Коюнлу), шаха Исмаила I (правителя государства Сефевидов) и т.п. [12]. Государственные знамена имели квадратные, прямоугольные или пятиугольные полотнища. Так, государственное знамя Шекинского ханства ныне хранящееся в коллекции Национального Музея Истории Азербайджана (фонд новой истории, инв. 451, 245x237 см) является пятиугольным по форме. Поэтому есть больше оснований считать вышеописанное знамя штандартом Шекинского хана, нежели знаменем ханства.

Другой регалией, подтверждающей властные полномочия того или иного лица, являлся бунчук. Появившись еще в период раннего средневековья в Центральной Азии как атрибут государственной власти, бунчук представлял собой древко с привязанными к нему хвостами яка или волка. Однако после эпохи монгольских завоеваний бунчук получил широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке в основном в тюркских государствах (или государствах, где у власти находились тюркские династии). Причем в это время на бунчук повязывались конские хвосты [13]. Количество хвостов разнилось в зависимости от ранга носителя бунчука (от одного до девяти, правитель с рангом императора носил бунчук с девятью хвостами). В последующие эпохи бунчук постепенно утерять своё значение и стал лишь использоваться тамбурмажором военного оркестра (дополнительно украшаясь колокольчиками) [14].

В коллекции Национального Музея Истории Азербайджана хранится бунчук последнего правителя Гянджинского ханства Джавад хана (годы правления: 1786 – 1804) из рода Зияд-оглу-Каджар. Бунчук был взят русскими войсками под командованием генерала Цицианова после боя 3 января 1804 года. Оказавший героическое сопротивление оккупантам Джавад хан пал в этом бою, знамя под которым он был убит, было послано в Санкт-Петербург, а остальные знамена (всего было взято 8 знамен и штандартов) и бунчук выставались в Тифлисском Музее Славы [15].

Бунчук (фонд новой истории, инв. 463) состоит из древка с конскими хвостами, навершия и кисти. Древко составлено из трех вдетых друг в друга вытянутых деревянных конусов. Самый нижний конус окрашен в черный цвет. Второй конус покрыт тончайшей сетью, сплетенной из белых, серых, черных и красных конских волос. Причем сеть сплетена таким образом, что получается узор в виде ромбов. В верхней части второго конуса закреплен конский хвост из белых и красных волос. Вдоль кромки второго конуса прибит тонкий медный лист. Третий

конус также покрыт сетью из конских волос с аналогичным узором и заканчивается расширением на верхнем конце. В этом расширении закреплены 6 рядов конских волос, причем в виде расширяющегося верху каскада. Первые два ряда каскада красные, третий и пятый – белые, четвертый и шестой – серые. Навершие бунчука изготовлено в виде позолоченного полого медного приплюснутого шара. К навершию на тонком кожаном ремешке привязана кисть, изготовленная из серебряных нитей. Общая высота бунчука 170 см.

Еще одним традиционным символом власти определенного ранга являлся шешпар (шестопер). Своим названием шешпар обязан тому, что на его навершии крепилось шесть (шеш) стальных пластин – перьев (пар). Как известно, традиция использовать ударные виды оружия (булава, шестопер) в качестве символов государственной и военной власти имеет глубокие корни. Так, на территории Азербайджана в грунтовых погребениях бронзовой эпохи в могилах с богатым инвентарем найдены бронзовые и мраморные булавы с тщательно украшенными навершиями, а также бронзовые шестоперы с 12–15 выступами [16]. Уже в средние века шестопер и его формы традиционно рассматривались как символы власти, причем не только предводителей. Так, эмир Тимур в своих «Уложениях» указывает, что в его войсках чауши (выполняли функции инспекторов) вооружены боздыханом – разновидностью шестопера с 12–14 перьями. В XVI–XVII вв. шестоперы были символами власти воинских начальников и богато украшались драгоценными металлами и камнями [17].

В коллекции Национального Музея Истории Азербайджана хранится шешпар правителя Карабахского ханства Ибрагим-Халил хана (годы правления: 1759 – 1806) из рода Джаваншир. По условиям Кюрекчайского договора 14 мая 1805 г. Карабахское ханство добровольно перешло в подданство Российской империи, причем за ханом и его родом сохранялись все права. Как было отмечено выше, подписание трактата не помешало царским властям ровно через год, летом 1806 года, руками майора Лисаневича вероломно убить Ибрагим-Халил хана. Один из атрибутов власти Ибрагим-Халил хана – шешпар – не попал к русским властям и хранился в семье рода ханов Карабахских. В 1928 г. он был передан в музей одним из потомков хана – Аллахйаром Джаванширом.

Шешпар (фонд новой истории, инв. 704) – стальной, цельнолитой. При общей длине 66 см длина перьев навершия равна 11 см. Диаметр древковой части шестопера – 1,8 см. Древковая часть покрыта четырьмя разными типами орнаментов растительного и геометрического

характера. Орнаменты нанесены позолотой. В нижней части древка имеется отверстие, вероятно, в него вдевался темляк (кожаный ремень, надеваемый на кисть руки). Навершие состоит из шести фигурных перьев выступающих от древка на 2 см. Верхняя часть шестопера завершается литым шаром. Перья и шар также покрыты орнаментом, нанесенным позолотой. Небольшие размеры и изящество исполнения показывают, что шешпар (шестопер) изначально был изготовлен в качестве символа власти, а не боевого оружия.

Использованная литература:

1. Шюкюров К.К. Кюрекчайский договор: об основных положениях, претворении в жизнь и последствиях упразднения // Кюрекчайский договор—200. Баку, 2005. С. 146.
2. Azərbaycan tarixi / AMEA A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutunun nəşri. Bakı, 2000. C. IV. S. 20.
3. Там же. С. 22.
4. İsmayılov M., Bağırova M. Şəki xanlığı. Bakı, 1997. S. 42.
5. Путеводитель по Кавказскому Военно-Историческому музею. Тифлис. Типография штаба Кавказского военного округа, 1913. С. 2.
6. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики. Ф. 2898. Оп. 2. С. 11.
7. Azərbaycan bayraqları. Kataloq (matnin müəllifləri N.Vəlixanlı, Z.Dulayeva, S.Əhmədov, R.Səfərova). Bakı, 2005. S. 6.
8. Путеводитель по Кавказскому Военно-Историческому музею. С. 15.
9. İsmayılov M., Bağırova M. Şəki xanlığı. Bakı, 1997. S. 7.
10. Левиатов В.Н. Статьи по истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948. С. 120.
11. İsmayılov M., Bağırova M. Şəki xanlığı. Bakı, 1997. S. 8–9.
12. Государственность в Азербайджане и ее символы / Составитель и автор текста Н.Велиханлы. Баку, 2000. С. 40–42.
13. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1883. Т. 4. С. 938.
14. Bağırova M. Bəzi hakimiyyət rəmzləri haqqında. Azərbaycan Tarixi Muzeyi 2004. Bakı, 2004. S. 105.
15. Бабаев Э. Из истории Гянджинского ханства. Баку, 2003. С. 136.
16. Гусейнова М. Предметы культа и символы власти в памятниках материальной культуры Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа // Azərbaycan arxeologiyası. Bakı, 2000. № 3–4. S. 18.
17. Фон Винклер. Оружие. Москва, 1992. С. 290, 403; Парадное оружие и конское убранство XVII – XVIII веков. Оружейная Палата Московского Кремля. Москва, 1986. С. 9.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

Р.А.Абуталыбов (Москва)

МОГИЛЫ НА ЧУЖБИНЕ

«Свобода, Равенство и Братство» – эти магические слова всегда притягивали и сейчас притягивают во Францию со всего мира людей разных национальностей и вероисповеданий.

Одни ищут здесь политического убежища, другие – славы, третьи – стабильного заработка, а если повезет – и богатства, и т.д. Кому-то везет, а кому-то – нет. Но ни один из неудачников не скажет худого слова о Франции и ее народе.

Среди огромной массы эмигрантов были и наши соотечественники, для которых Франция стала второй родиной.

На различных кладбищах покоятся здесь наши земляки.

Представители первой волны азербайджанской эмиграции (1920–1930 гг.) в большинстве своем имели высшее образование. Они никогда не забывали свою родину, работали на ее благо и оставили добрую память о себе.

Остались на чужбине и многие представители второй, послевоенной эмиграции, бывшие пленные и перемещенные лица. У них не было другого выбора, так как великий кормчий объявил: «Победителей судят».

Как сложится судьба третьей волны – нынешней эмиграции? Об этом будут знать наши потомки.

А сегодня мы расскажем о захоронениях некоторых наших земляков во Франции.

Из шести членов азербайджанской делегации, выехавшей во Францию в 1919 г. для участия в работе Версальской мирной конференции, четверо – Али Мардан бек Топчибашев, Акпер Ага Шейх-уль-Исламов, Джейхун бек Гаджибейли и Мамед Магеррамов скончались в Париже.

Первым ушел из жизни в ноябре 1934 г. А.М.Топчибашев. В последние годы он жил в предместье Парижа – Сен-Клу и похоронен там же на местном кладбище. В семейном склепе покоятся его супруга – Пери ханум (1873–1947) (дочь Гасан бека Зардаби) и их сыновья: Али Акбер бек (1896–1977) и Рашид бек (1900–1926). Автор этих строк присутствовал на траурной церемонии погребения Али Акбер бека в 1977 г.

Пери Ханумъ Топчибаши, дѣти, зять, внуки, родственники и друзья доводятъ до свидѣнія друзей и знакомыхъ о внезапной кончинѣ

Али-Марданъ-Бека Топчибаши

Предсѣдателя Национальнаго Парламента и Делегацин Азербайджанской республики.
Вынось тѣла изъ квартиры 28, rue Ernest-Tissot à St-Cloud и похороны на
на кладбищѣ въ St-Cloud въ четвергъ, 8-го ноября, въ 1 ч. 30 мин. дня.

Некролог в газете «Последние новости».

Париж, 7 ноября 1934 г. № 4976.

Недалеко от них – могилы Джейхун бека Гаджибейли (1891–1962), его супруги Захры ханум Гаджикасимовой, сыновей Джейхун бека и Тимучин бека.

На мусульманском кладбище в городе Бобиньи, близ Парижа, захоронен Акпер Ага Шейх-уль-Исламов (1891–1961).

Последним из членов делегации ушел из жизни в 1982 г. Мамед Магеррамов (род. в 1900 г.). Он похоронен на кладбище Монпарнас в Париже.

В октябре 1994 г. в Париже, в возрасте 79 лет, скончался художник Селим Туран, сын Алибека Гусейн-заде. Сегодня его настенную живопись, скульптуры, парковые ансамбли можно увидеть в двадцати городах Франции.

На различных кладбищах во Франции покоятся члены семей Асадуллаевых и Зюльгадаровых.

Глава семьи парижских Асадуллаевых – Мирза Шамси оглу (1875–1938) захоронен на кладбище в Бобиньи. Рядом с ним – его двадцатилетний внук Надир (1919–1939) – сын Али Асадуллаева и Лейлы ханум Тагиевой (дочь Гаджи Зейналабдина Тагиева).

Там же предположительно захоронена и старшая дочь Мирзы Асадуллаева – Говсар ханум (могилу не удалось найти). У нее было два сына: от первого брака – Исмаил Гасанов, которого не взяли во Францию, и он умер в Баку; и от второго брака – известный французский востоковед Асадулла Меликиан-Ширвани, сейчас он живет в Париже.

Вторая дочь Мирзы Асадуллаева – Сурая ханум (могила не найдена) также скончалась в Париже. Ее муж Мурад Везиров умер в Иране. Во Франции сейчас живет их дочь.

Третья дочь Мирзы Асадуллаева – Кюбра ханум (1901–1985) похоронена в Париже на кладбище Батиньоль.

**Могилы Али Мардан бека
Топчибаши, его супруги и двух
сыновей, в Сен-Клу.**

Юлия Зюльгадар, урожденная Брандт. Юлия была сестрой Надежды Брандт – жены Никиты Нахичеванского, внука генерала Гусейн Хана Нахичеванского.

Одна из Зюльгадаровых – Суджаат ханум долгое время жила в Париже в семье Джейхун бека Гаджибейли. В 60-е годы XX столетия она вместе с детьми переехала в США.

Хотелось бы несколько слов сказать о парижском русском кладбище. Расположено оно в небольшом городке Сент-Женевьев-де-Буа в 30 км от Парижа. Здесь более 20000 могил, среди них и известных русских писателей, ученых, политиков, художников, артистов, военных и представителей духовенства.

Документы свидетельствуют о том, что молодая англичанка Доротея Пейджет, воспитанная русской няней, купила особняк в Сент-Женевьев-де-Буа и вместе с княгиней Верой Мещерской создала здесь «Русский дом» для престарелых.

Четвертая дочь – Умм-эль-Бану (род. 16 января 1905 г. в Баку), известная французская писательница, издававшая свои произведения под псевдонимом Банин, скончалась в Париже 23 октября 1992 г.

Сын Мирзы Асадуллаева от второго брака – Шамси тоже умер в Париже.

В начале XX века в Азербайджане одним из крупных землевладельцев был Аллахьяр бек Зюльгадаров. Кое-кто из его потомков после 1920 г. переехал во Францию. На двух кладбищах удалось найти могилы некоторых из них.

На мусульманском кладбище города Бобиньи захоронены Нушу бек, Махрух ханум и Хавер ханум Зюльгадаровы. На православном русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа покоятся Зоря Тукаева, урожденная Зюльгадар и

В 1927 г. недалеко от этого особняка возникло русское кладбище. Здесь покоятся – Иван Бунин, Константин Коровин, Иван Мозжухин, Дмитрий Мережковский, князь Феликс Юсупов, Виктор Некрасов, Андрей Тарковский, Александр Галич, Рудольф Нуреев и многие другие.

Есть на этом кладбище и могилы представителей других национальностей, некогда населявших Российскую империю. Кто-то из них принял православие, а кто-то, проживая в Париже среди своих сограждан и уходя в мир иной, хотел остаться навеки рядом, с друзьями и соседями.

На русском кладбище можно увидеть надгробия в мусульманском стиле – со звездой и полумесяцем. Например, могила Лейлы ханум Муфтий Заде (1878–1966) и ее сына Рустем Бея Тайганского (1903–1980). А вот другие имена – Мирза Джабраил, Селим Идрисов (ум. 1973), Измаил Базаров (ум. 29.09.1943), ротмистр князь Владимир Али Бей Балатуков (2.08.1852–6.09.1933), ротмистр Селим мурза Муфтий Заде (1885–1945), Рефик Бей Laval Ahmet (2.04.1893–6.05.1973) и др.

Не только в Париже, но и в других городах Франции можно найти могилы наших соотечественников. Приведу имена некоторых из них; Мамед Алиев, Ага Рза Тагиев, Гасан Ами, Ага Шариф Шихалиев и Магеррам Магеррамов.

...Эту статью мне хочется закончить словами русского поэта Роберта Рождественского, посвященным россиянам, покоящимся во французской земле. Эти его слова полностью можно отнести и к нашим землякам, не по своей вине, навечно оставшимся в прекрасной и гостеприимной Франции.

*Спят они бедные, примиренные с вечностью,
Вспомнивши может завет о прощеньи, любви,
Жертвы Истории, внутренней черствости, –
В чем-то неправые, в чем-то и правые, –
Кто же не грешен на этой земле?..*

Мемориальная доска на фасаде дома
№ 37, рю Декамп, где проживал
Али Мардан бек Топчибаши.

МАТЕРИАЛЫ К АЗЕРБАЙДЖАНСКОМУ НЕКРОПОЛЮ ВО ФРАНЦИИ

Исследователи-генеалоги не раз указывали на важность изучения и сохранения данных некрополей. В первую очередь – это данные о времени и месте смерти и захоронения конкретных людей. Описания некрополей, производимые с разными целями, могут служить источником и других сведений об умерших. Как отмечает академик С.О. Шмидт, материалы «некрополей важны не только для уточнения дат жизни и деятельности отдельных лиц и их генеалогических связей, но и для познания многообразных явлений государственно-политической и социокультурной истории»¹.

Как известно основными источниками генеалогических изысканий являются документальные собрания государственных и частных архивов. Однако при изучении генеалогии эмиграции, когда исследователи сталкиваются с проблемой малодоступности архивных и литературных источников, значение данных некрополистики еще более возрастает.

Принимая во внимание вышесказанное, в настоящей статье приведены данные, извлеченные из малоизвестной в Азербайджане справочной литературы, посвященной русскому некрополю. Материалы этих справочников содержат в себе информацию не только о русских захоронениях зарубежья, но и о тех, кто был похоронен на русских кладбищах, либо чьи некрологи были опубликованы в русских эмигрантских газетах. Это в основном представители народов, населявших бывшую Российскую империю, которые по тем или иным причинам были вынуждены покинуть свою историческую Родину. Среди этих справочников по масштабу представленной информации выделяется 6-томное энциклопедическое издание, подготовленное отделом литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки – «Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001». Также следует выделить работы крупного специалиста по генеалогии русской эмиграции И.И. Грезина. Это труды по генеалогии и некрополистике русской эмиграции во Франции, Бельгии, Швейцарии. В его книге «Алфавитный список русских захоронений на кладбище

¹ Шмидт С.О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь (история, искусство, охрана). Москва, 1991. С. 16.

Сент-Женевьев-де-Буа» представлен алфавитный список имен на могилах этого известного русского кладбища. В работе дан генеалогический обзор всех без исключения русских захоронений. Представлено более 10 тысяч имен. Подобная информация содержится и в его рукописи 1996 года, в настоящее время еще не изданной, «Кладбище Caucade». В этой рукописи дана информация о более чем 2700 захоронений на кладбище Кокад в Ницце².

Продолжая тему некрополя азербайджанской эмиграции во Франции, поднятую Р.А. Абуталыбовым, ниже приведены алфавитные списки некрологов и захоронений азербайджанцев и членов их семей, информация о которых содержится в трех вышеперечисленных справочниках.

Асадулаев Ага Мирза (ум. 14.04.1938, Париж). Похоронен на кладбище г. Бобиньи, под Парижем [1. С. 142].

Асадулаева Мария Петровна (1877 – 1961). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 16].

Асадулаева (урожд. Датиева) Тамара-ханум (ум. до 18.11.1965, Франция). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [1. С. 142].

Бек-Софиев (Оскар) Борис Александрович (4.07.1874–25.04.1934, Париж)³. ...Умер от туберкулеза в госпитале Брюссэ. Похоронен на кладбище Тие [1. С. 243]. Борис Бек-Софиев – отец поэта и художника Юрия Борисовича Софиева

Борис Бек-Софиев.
Фото: начало 1930-х гг.

² Выражаю благодарность А.А.Лукиянову за предоставленную возможность ознакомиться с экземпляром рукописи.

³ Сын подполковника Аббас-Кули-бека Софиева, происходившего «из бекской фамилии Тифлисской губернии», Оскар-бек Софиев в 90-х гг. XIX в. женившись на русской девушке Лидии Николаевне Родионовой, принял православие с именем Борис Александрович. О нем, его происхождении, службе, а также о его потомках, см.: Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. Москва, 2005. С. 170–177.

Могила Максимилиана Оскаровича Бек-Софиева и Ирины Николаевны Кнорринг. Сент-Женевьев-де-Буа.

(7/20.02.1900 – 22.05.1975, Алма-Ата) – участника французского движения Сопротивления, в 1955 г. вернувшегося на родину. Юрий Борисович Софиев был женат на известной русской поэтессе Ирине Николаевне Кнорринг (по мужу Бек-Софиева; литературный псевдоним Ирина Бек) (21.04.1906 – 21 (23). 01. 1943, Париж). Ирина Николаевна страдала диабетом и скончалась на 37-м году жизни от отсутствия инсулина. 7 декабря 1965 г. ее прах был перенесен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [3. С. 323; 6. С. 29].

Бек-Софиев Лев Оскарович (24.11.1902 – 3.06.1982, Париж). Последний редактор «Военно-исторического вестника». Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [1. С. 243; 6. С. 28].

Бек-Софиев Максимилиан Оскарович (5.01.

1906 – 5.11.1937/2. 01. 1945). Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. «Замучен насмерть в колымских концлагерях» [6. С. 29].

Бек-Софиева (ур. Радионова) Лидия Николаевна (20.06.1876 – 28.07.1956). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 29].

Бек-Софиева (ур. Василевская/Wasilewska) Мария-Луиза Теофиловна (24.01.1905 – ...). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [6. С. 29].

Брант Зюльгадар (Brandt Zulgadar) Юлия Гавриловна (1881 – ум. до 19.09.1956, Франция). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [1. С. 402; 6. С. 29].

Везирова Хуршид Ханум (ум. 2.06.1930, Париж) [1. С. 523].

Гаджинский Ахмед-бек (ум. 1.04.1963, Франция)⁴. Бакинский нефтепромышленник. Похоронен на кладбище St.-Ouen [2. С. 17].

Гаджинский Садых-бек (ум. до 30 апр. 1929, Франция) [2. С. 17].

Зюльгадар Махрух-Ханум (ум. 9.01.1949, Париж). Скончалась скоропостижно. Похоронена на мусульманском кладбище [2. С. 647].

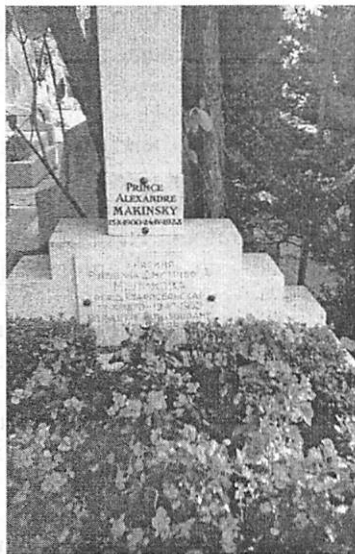
Макинская (ур. княжна Меликова) Екатерина, княгиня⁵ (25.06 / 8.07.1903 – 8.10.1990). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [б. С. 235].

Макинская (ур. Бюрэн де Розьер/Burin de Rozières) Huguette, княгиня (31.07.1921 – 30.10.1989). Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [б. С. 235].

Макинская (урожд. Любельская) Стефания Антоновна, княгиня (21.04.1878, Варшава – 16.02.1964, Париж). Вторая жена Паши хана Макинского. Умерла на 86-м году жизни. Похоронена на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [4. С. 316; 6. С. 235].

Макинский Александр, князь (13.10.1900, Маку, Иран – 25.04.1988, Нейи-сюр-Сен, под Парижем). ...Принял американское гражданство... Сотрудник ряда Американских и французских газет. Писал под псевдонимом Александр Готье... По окончании войны принял французское подданство... Офицер Почетного легиона, командор испанского Ордена Достоинства, великий офицер иранского Ордена Льва и Солнца, рыцарь академических пальм... Похоронен 29 апреля 1988 г. на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [4. С. 316; 6. С. 235].

Макинский Кирилл, князь (2.04.1910 – 8.01.1991). Похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [б. С. 236].

Могила Александра
Макинского.
Сент-Женевьев-де-Буа.

⁴ О семье Гаджинских см.: Исмаил-заде Н.Дж. Иса бек Гаджинский, его происхождение и потомки // Известия АИРО. Вып. 4. Баку, 2003. С. 29–34.

⁵ О семьях Макинских и Нахичеванских см.: Мирзазаде П.Х. Потомки ханов Макинских и Нахичеванских за рубежом // Известия АИРО. Вып. 5. Баку, 2004. С. 48–54.

Макинский Паша хан (15.08.1862, Эривань – 9.07.1934, Париж). Скончался после продолжительной болезни. Похоронен 12 июля 1934 г. на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа [4. С. 316; 6. С. 235].

Мартынова (урожд. княжна Нахичеванская) Татьяна Гусейновна (Санкт-Петербурге 30.06.1894 – 3.05.1972, Ницца). Похоронена на кладбище Кокад в Ницце; на могиле дат нет (захоронение № 257) [4. С. 415; 7].

Наврузов Теймур Бей (3.05.1880 – 23.01.1961). Генерал-майор [Азербайджанской армии], [подполковник] 17-го Нижегородского полка. Похоронен на кладбище Кокад в Ницце (захоронение № 848)⁶ [7].

принц[есса] Реза-Кули-Мирза Мария Константиновна (ум. 21.06.1958). Похоронена на кладбище Кокад в Ницце (захоронение № 259) [7].

Топчибаши (Топчибашев) Али-Мардан-Бек (4.05.1862, Тифлис – 8.11.1934, Париж). ...Похоронен 8 ноября 1934 г. на кладбище в St.-Cloud (Париж) [5. С. 433].

Использованная литература:

1. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: В 6 т. Т. 1. А – В / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. – Москва, 1999.

2. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: В 6 т. Т. 2. Г – З / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. – Москва, 1999.

3. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: В 6 т. Т. 3. И – К / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. – Москва, 2001.

4. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: В 6 т. Т. 4. Л – М / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. – Москва, 2004.

5. Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–2001: В 6 т. Т. 6. Кн. 2. Скр – Ф / Рос. гос. б-ка; Сост. В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. – Москва, 2005.

6. Grezine Ivan. Inventaire nominatif des sepultures russes du cimetiere de Ste-Genevieve-des-Bois / Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Paris, 1995.

7. Резин И.И. Кладбище Caucade. Nice, 1996 (рукопись).

⁶ О Теймур беке Новрузове (Наврузове) см.: Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. Москва, 2005. С. 178–187.

ДОКЛАДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ

Ф.Ф.Нагдалиев (Москва)

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ КОННИЦА КЕНГЕРЛИ В РЯДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Доклад, подготовленный для XII Савеловских чтений.

Москва, 9–10.10.2005 г.

Навешая в 1829 году своего ссыльного брата Льва, служившего в действующем против турок в Малой Азии корпусе И.Ф.Паскевича, Александр Сергеевич Пушкин с удивлением обнаружил в рядах русских частей всадников в островерхих папах. Это были четыре азербайджанских конно-мусульманских полка и две сотни конницы Кенгерли.

Конница Кенгерли была известна тогда по всему Закавказью, в Персии и Турецкой Анатолии. Несмотря на свою малочисленность, она снискала себе громкую славу в местных локальных войнах как чрезвычайно боеспособная единица. Уникальность этой конницы заключалась в том, что она состояла из представителей одного рода.

История ее измерялась столетиями, и вела свой отчет с IX века, когда часть тюркского народа Кангар переселилась в Закавказье из Средней Азии. Кангары пришли на новое место по приглашению арабов, практиковавших найм в свою армию воинственных племен. Другая часть кангаров была вытеснена воинственными соседями в степи Северного Причерноморья, где под именем печенегов беспокоила своими набегами Византию и Киевскую Русь. Их стерли с лица земли монголы. Те же, кто ушел в Закавказье, выжили среди войн и борьбы народов и в XIX веке встретили приход русских войск.

Взрыв племенной пассионарности пришелся на 1500 год, когда в составе войск шейха Исмаила Сефевидов кангары (или, как мы их будем называть, кенгерлинцы – производное от азербайджанского названия) покорили весь Иран, Закавказье и Месопотамию. Эти древние воины, облаченные в украшенные в честь 12-ти шиитских имамов с 12 пурпурными полосками чалмы, известны востоковедам под именем кызылбашей, то есть красноголовых. С тех пор кенгерлинцы появляются на картинах настенной живописи, украшающих храмы, мечети, дворцы, дома богатых мусульман... За заслуги вззошедший с их помощью на персидский престол первый шах азербайджанской династии Сефевидов Исма-

**Знамя конницы Кенгерли.
Национальный Музей Истории Азербайджана.**

ил I пожаловал племени кенгерли для жительства Нахичеванский край. Эту область кенгерлинцы считают своей истинной Родиной.

Пока на протяжении двух с четвертью столетий Сефевиды оставались у власти, кенгерлинцы, как верные слуги, участвовали в многочисленных войнах с их извечным противником – Османской империей. Когда же династия сошла с политической сцены, а воссевший на шахский трон великий Надир был предательски убит своими соплеменниками – военачальниками из племени афшар, Гейдар-Кули хан Кенгерли в 1747 году провозгласил себя самостоятельным нахичеванским ханом.

С этого момента между Персией и маленькой Нахичеванью возникло противоречие, которое в конечном итоге привело племя кенгерли в стан россиян.

Первый контакт нахичеванских ханов, и в их лице всего племени кенгерли, с российскими властями произошел в 1796 году, когда на Кавказе появился армейский корпус графа Валериана Зубова – брата последнего фаворита Екатерины II. Между русским полководцем и правившим в то время в Нахичевани Келб-Али ханом велась тайная переписка, суть которой сводилась к установлению дружеских отношений, в пику воцарившемуся в Персии первому шаху из династии Каджаров, стремившемуся подчинить себе все Закавказье. Если бы не внезапная смерть Екатерины II и последовавший за этим отзыв Павлом I корпуса графа Зубова с Кавказа, по-видимому, политический курс Келб-Али хана Кенгерли увенчался бы полным успехом. Но судьбы решила по иному – нахичеванский хан был схвачен слугами Ага-Мухаммед шаха Каджара и подвергнут особой экзекуции, применявшейся к непокорным вассалам – ему выкололи глаза.

Обладая от природы железной волей, слепой Келб-Али хан сумел после этого не только выжить, но и с помощью верных кенгерлинцев через несколько лет вновь сесть на ханский престол в Нахичевани. Он считал Каджаров своими кровными врагами, и внушил это чувство своим сыновьям, передавшим впоследствии Нахичевань в российские руки.

Надо сказать, что Келб-Али хан в первой четверти XIX века не был постоянно правителем в Нахичевани. Шах, время от времени, направлял в провинцию войска, и ненадежного слепца меняли его родственники: сначала Аббас-Кули хан, а затем Керим хан. С уходом персов Келб-Али хан возвращался вновь. Соответственно и всадники конницы Кенгерли, составлявшие войско и конвой своих ханов, поделились на две группы. В 1-й Русско-персидской войне 1804–1813 гг. они участвовали как на стороне Персии, так и России. Сын слепого хана Ших-Али бек в 1808 году привел в Нахичевань отряд генерал-майора Небольсина, за что был удостоен чина полковника. Вместе с несколькими кенгерлинскими беками он, после отступления россиян, ушел с ними в Карабах.

Наконец настал 1827 год – год, в котором кенгерлинцы всем составом перешли на русскую службу. Шла 2-я Русско-персидская война, и стоявший под Эриванью корпус Паскевича тайно готовился к походу на Нахичевань. Старый кавказский служака, бывший адъютант генерала Котляревского, полковник князь Абхазов, желая обеспечить русским войскам продовольствие и зная о неприятии сыновьями Келб-Али хана Кенгерли (который к тому времени отошел в мир иной) владычества Каджаров, направил второму сыну слепого правителя – Эксан хану, секретное послание с предложением перейти на сторону России и по-

мочь ее войскам овладеть Нахичеванью. Эксан хан ответил согласием. Не смотря на то, сто он был сергенком (т.е. полковником) персидской службы и успел отличиться в Турецко-персидской войне, а в 1827 году командовал в персидской крепости Аббас-Абад батальоном регулярной пехоты, его решение передаться на сторону россиян, с риском потерять свое положение и саму жизнь, было бесповоротным.

Когда Паскевич появился под Аббас-Абадом, Эксан хан поднял со своим батальоном внутри крепости бунт, и принудил остальную часть гарнизона, во главе с зятем шаха, сложить оружие. 7 июля 1827 года над Аббас-Абадом взвился российский флаг. Вместе с Эксан ханом и его младшими братьями Ших-Али беком, Фараджулла беком и Мехти агой Николаю I присягнули и окружавшие их кенгерлинские всадники.

Однако основная часть конницы Кенгерли под командованием дяди вышеуказанных ханов, последнего правителя Нахичевани Керим хана Кенгерли, по-прежнему служила в персидской армии. Более того, она отличилась в бою с авангардом корпуса Паскевича, произошедшим у селения Хук в 25 верстах от Нахичевани. Кенгерлинцы в конной атаке дошли до палатки начальника авангарда князя Эристова, и только поспешное бегство последнего спасло генерала от смерти.

Но по мере продвижения россиян на юг и удаления линии фронта от родной Нахичевани, энтузиазм кенгерлинских всадников угасал. Эксан хан звал их домой, обещая амнистию. В конце концов, конница разделилась: часть ушла с Керим ханом на юг, другая вернулась к родным пенатам. Многие зачислились в войска Паскевича. Вот как описывает это начальник штаба корпуса Николай Муравьев:

«На переходе сем явились к нам нёкеры Керим-хана; это были слуги его и вместе составляли и его войско. Их перешло к нам тогда до 60 или 70 человек по крайней мере, отличных всадников племени Кенгерли, населяющего Нахичеванское ханство. В последнюю Турецкую войну я узнал некоторых из сих лиц, которые служили в коннице Кенгерли, бывшей с нами в походе. Нёкер значит слуга, но в особенности употребляется в смысле служащего при какомнибудь владельце всадником. Люди сии приносили нам покорную голову, оставив своего начальника; они знали, что Керим-хан не мог более получить свое ханство, и переход людей сих, коих он вероятно не имел более средств содержать, был, может быть, последствием обоюдного согласия хана и слуг его, кои могли снова водвориться на своей родине. Из сих людей немногие остались при войске нашем; большая часть возвратилась с позволения нашего в Нахичевань; а хан, скитавшийся долгое время по

горам, лишился в побеге имущества своего, доставленного к нам в Маранду» [1. С. 67–68].

После подписания Туркманчайского мирного договора и присоединения бывшего Нахичеванского ханства к Российской империи, Эксан хан в звании полковника был назначен наибом (т.е. наместником) Нахичевани, а Ших-Али бек в звании майора – наибом второго города провинции – Ордубада. Все войска, кроме одного батальона пехоты, были из провинции выведены, а приграничное положение края настоятельно требовало присутствия военных. Шайки курдов частенько в летнее время переходили вброд Аракс и грабили население, убивали жителей. В этих условиях функции армейских подразделений, пограничников и полиции взяла на себя возрожденная, но уже под русским знаменем, конница Кенгерли.

В марте 1828 года в Закавказье было получено уведомление из Петербурга о разрыве взаимоотношений с Турцией. Николай I поручал Паскевичу занять Карский и Ахалцыхский пашалыки неприятельской территории, а также крепость Поти. Тех войск, что имелись в распоряжении Паскевича, для выполнения этой задачи было недостаточно (много подразделений было отвлечено войной с кавказскими горцами, а также находилось в Южном Азербайджане для обеспечения выплаты Персией контрибуции), поэтому он решил укрепить свои силы местным ополчением. В кампанию 1828 года главнокомандующему удалось собрать и использовать немногочисленные, но служившие очень усердно отряды из эриванских азербайджанцев и курдов, и он осыпал их наградами. Честолюбие и гордость мусульман были польщены этим настолько, что когда в начале 1829 года Паскевич обнародовал прокламацию о созыве конных мусульманских полков, азербайджанцы с удовольствием пошли на царскую службу. Дело дошло до того, что набор даже пришлось ограничить.

Всего было собрано четыре азербайджанских конно-мусульманских полка: 1-й – из карабахцев, 2-й – из жителей Шекинской и Ширванской провинций, 3-й – из азербайджанцев грузинских дистанций и 4-й – из азербайджанцев Эриванской и Нахичеванской провинций.

В Нахичевани кенгерлинские старейшины решили направить Паскевичу свою знаменитую конницу. В самое короткое время две сот-

ни джигитов были готовы к походу¹. Фамильную кавалерию вывел на войну сын слепого хана, теперь уже капитан русской службы Фараджулла бек. Его помощником был назначен один из кенгерлинских беков капитан Зейнал-Абдин-Султан. В строю сотен был и младший сын слепого хана Мехти ага. В составе конницы Кенгерли находились все беки, способные держать в руках оружие.

Выступив в мае из Нахичевани, конница Кенгерли и 4-й конно-мусульманский полк, миновав Эриванскую провинцию, перешли турецкую границу и вскоре присоединились к главным силам генерала Паскевича, расположившимся лагерем на реке Карс-чай (вместе с несколькими сотнями черноморских казаков кенгерлинцы образовали Сводный кавалерийский полк). Там уже гремела слава 3-го конно-мусульманского полка, который, незадолго до этого, в битве при Дигуре в составе отряда генерала Бурцева, был первым в рядах атаковавших и взял вражеское знамя. Кенгерлинцы и всадники других полков также мечтали об отличиях, и случай к этому обещал представиться в самом скором времени – 13-го июня в 5 часов утра весь действующий корпус двинулся через Саганлугский хребет по направлению к крепости Эрзерум. Еще накануне, в 9 часов вечера, отряд конницы под начальством генерал-майора Сергеева выступил авангардом. Вместе с казачьими полками Сергеева, Басова и частью Сборного линейного находился и Сводный полк, состоящий из черноморских казаков и конницы Кенгерли [2].

На фоне драгун и улан конно-мусульманские полки и, особенно, конница Кенгерли выделялись своим видом. «Все эти полки сохраняли национальный костюм и отличались друг от друга только суконными звездами, нашитыми на их высоких остроконечных папахах: у первого полка они были красные, у второго – белые, у третьего – желтые, у четвертого – голубые. Такого-же цвета были и полковые знамена, богато украшенные гербами Российской империи. Командовали полками русские офицеры², а сотнями – беки и почетные агалары. Эти офицеры-азиатцы с бородами, в длиннополых чохах, в папахах, в эполетах и шарфах – представляли непривычному глазу весьма оригинальное зре-

¹ Среди мусульман упраздненных Эриванского и Нахичеванского ханств на каждые 50 семейств приходился один ополченец, кенгерлинцы же выставили одного всадника силами всего шести семейств.

² 1-м полком командовал подполковник Усков, 2-м – майор Серпуховского уланского полка Кувшинников, 3-м – есаул Кизлярского казачьего войска Мещеринов, 4-м – капитан Нижегородского драгунского полка Эссен.

лице. Но в общем полки являли собою превосходный вид: всадники были опрятно и красиво одеты, отлично вооружены и, кроме 3-го полка, сидели на кровных жеребцах карабахской породы. ...Перед этою легкой, подвижной и развязной мусульманской конницей, драгуны и уланы казались тяжелыми и неповоротливыми», – рассказывает в своей летописи кавказских войн знаменитый историк В.Потто [3. С. 202].

Каждый полк имел пять сотен. Всадники набирались главным образом из бывших ханских нукеров и лучших обывателей. На службу они выходили на собственной лошади и со своим оружием. Всем чинам мусульманских частей выплачивалось жалованье по штату.

17 июля под Бардусом Паскевич обнаружил перед собою заградительный турецкий отряд и атаковал его. Именно этот бой, а также несколько последующих, наблюдал Александр Сергеевич Пушкин. Свои впечатления он описал в «Путешествии в Арзрум».

Вслед за первым столкновением состоялось два более крупных сражения – при речке Каинлы-чай и у Милли-Дюза, в которых главные силы турок были рассеяны и пленен их полководец Гагки-паша. В бою у Милли-Дюза отличилась конница Кенгерли, которая была в авангарде отряда [4], а при преследовании выделялся 4-й конно-мусульманский полк. Из 16 захваченных вражеских знамен 15 были добыты азербайджанцами (16-е знамя у нахичеванского Вели бека отняли драгуны, его увез с собой старший адъютант корпусного штаба майор Степанов). Отсутствие боевого энтузиазма у улан, драгун и казаков вызвало справедливый гнев главнокомандующего – начальник корпусного штаба генерал-майор Остен-Сакен был выслан из действующего корпуса, начальнику конницы генералу Николаю Раевскому сделан выговор. Потери также выпали в основном на долю азербайджанцев. «Я не должен умолчать, – писал Паскевич императору, – о похвальном усердии находящихся со мною мусульманских полков. Во всех сражениях они дерутся с отличной храбростью, в атаках бывают впереди, мужественно и твердо бросаясь даже на неприятельскую пехоту, и большая часть пушек, знамен и пленников отбиты ими» [3. С. 241–245].

Путь на Эрзерум был расчищен. 24 июня россияне вошли в город. Об этих днях повествуют записки одного из офицеров:

«После молебствия, войска проходили мимо графа церемониально... Из кавалерии драгуны были неловки, но уланы еще сохранили стройность, легкость и красоту. Четыре донских казачьих полка, Гаврилычи с бородками, и молодцы линейные казаки пробежали рысью. Четыре мусульманских полка в заключение пронеслись, с криком «ура!» во весь галоп, при чем несколько их попадало с лошадей. Граф более всего утешался ими...» [5. С. 92].

**Почетное знамя конницы Кенгерли.
Национальный Музей Истории Азербайджана.**

Дальнейший боевой путь азербайджанских частей в эту войну был расцвечен еще несколькими славными эпизодами. 2-му и 4-му конно-мусульманским полкам и коннице Кенгерли суждено было поставить точку в кампании. Это было уже в сентябре, когда большинство частей действующего корпуса двигались в Эриванскую провинцию на зимние квартиры. Шекинцам, ширванцам и нахичеванцам, поддержанным ротой 8-го пионерного батальона с двумя кегерновыми мортирами, было приказано сделать набег в Ольтинский и Нариманский санджаки, населенные непокорными аджарцами. Через несколько дней, у крепости Ольты, основная тяжесть боя легла на нахичеванцев. В Джунджурском ущелье неприятель устроил засаду, в которую попали шедшие впереди 4-й полк и кенгерлин-

цы. Капитану Эссену удалось под пулями отвести своих подчиненных на равнину, но там они подверглись удару турецкой конницы. На помощь подоспел 2-й конно-мусульманский полк и вся бригада контратаковала. Как повествует летопись Потто, «...загнанные в ущелье они (турки – Ф.Н.) пытались остановить преследование, но капитан Эссен быстро спешил своих татар (в царской России азербайджанцев именовали закавказскими татарами – Ф.Н.) и повел их в кинжалы; две сотни Кувшинникова заскакали в тыл...». Этот редкий рукопашный кавалерийский бой завершился победой наших героев, и к вечеру весь отряд собрался под крепостью Ольты. Аджарцы сдались. В бою нахичеванцы отбили у неприятеля пять знамен. Один всадник был убит, один бек и восемь всадников – ранены [3. С. 422–424].

В завершении описываемого рейда азербайджанцы сделали набег в Таускертский санджак, и затем уже двинулись по направлению к Эрзеруму. Докладывая Николаю I результат этой экспедиции, Паскевич писал: «Долгом считаю свидетельствовать пред Вашим Императорским Величеством об отличной храбрости мусульманских полков, кои во всяком случае не перестают являть новые опыты их усердия и привязанности к Российскому правительству. Мне весьма приятно видеть в них и сие стремление к приобретению внимания нашего начальства и сей дух мужества, кои удалось мне возбудить в них поощрением и хорошим обхождением. Добытые ими семь знамен и ключ крепости буду иметь счастье повергнуть к стопам В. И. В. вслед за сим» [6].

Оценка действий азербайджанских всадников в эту кампанию была однозначной. Знаток Кавказа писатель Платон Зубов, в частности, писал: «Они с большею ловкостью владеют оружием; отличные кавалеристы, храбры и неустрашимы, что независимо от прежних времен доказали на опыте, в последние Персидскую и Турецкую войны, под начальством Его Светлости князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского и, еще прежде, во время действий генерала князя Мадатова в Северном Дагестане, находясь под его предводительством при покорении ханства Казыкумыкского, усмирении акушинцев и табасаранцев» [7. С. 156–157]. Согласен с Зубовым и Потто: «Поощрение и внимание... – вот те могучие двигатели, которые в руках Паскевича создали те превосходные боевые части, какими явились конно-мусульманские полки в боях против турок. Они не оказались впоследствии бессильными, под начальством того-же Паскевича, и против европейской тактики, и против таких превосходно-обученных войск, какими были венгерские гусары. А, между тем, нельзя не отметить тот факт, что на Кавказе,

позднее, уже не встречалось вовсе подобных милиций: полки выходили на службу, но к старым заслугам новых они не прибавляли» [З. С. 424].

Даже недруг Паскевича генерал Муравьев (участник Турецкой кампании) признавал полезность учреждения этих частей:

«Полки сии собрались к назначенному времени, получили некоторое начало регулярного образования, выступили весной в поход, служили хорошо и были грозою для турок, совершая победы, одерживаемые нашими войсками в преследовании бегущего неприятеля, на коего набегали с удивительною быстротою и неотступностью, и чего прежде турки никогда не видели, будучи разбиты нами, они не находили покоя в бегстве своем и поражались с конца на расстоянии 30 или более верст, теряя обозы свои, выюки и множество пленных. Как сие удалось, того не понимаю» [8. С. 380].

По окончании Ольгинской экспедиции нахичеванцы и три другие конно-мусульманских полка, возвратились на родину и были распущены. Многие из героев нашей книги были награждены: Фараджулла бек, Мехти ага и многие кенгерлинские беки (Аббас-Али-Султан, Али-Акпер бек, Гусейн-Султан, Кара-Бек-Султан, Касум-Султан, Мамат-Таги-Султан, Наджаф-Кули-Султан, Эйнал-Султан и др.) – удостоены русских офицерских чинов. Многим были пожалованы пенсии. Фараджулла бек был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом. Его помощник Зейнал-Абдин бек получил орден Св. Анны 3-й ст. с бантом. Султан (сотник) прапорщик Зейнал-Абдин бек и наибы (младшие офицеры) прапорщики Наджаф-Кули бек и Керим бек удостоились орденов Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» [10].

Памятью доблести азербайджанцев остались знамена, высочайше пожалованные им 26 октября 1830 года императором. На больших шелковых полотнах этих знамен, сохранивших цвета полков, был изображен государственный герб России, а на наконечниках – вензель Николая I. Для принятия знамен в Тифлис были вызваны от каждого полка и от конницы Кенгерли по десять заслуженных беков и по двадцать всадников из числа имевших знаки отличия военного ордена. Торжественное освящение знамен проводилось в городах Шуше, Шемахе, Елисаветполе (Гяндже), Эривани и Нахичевани, в мечетях, где ахунды и муллы читали молитвы, а народ произносил за ними слова присяги. По окончании обряда полки, находившиеся на параде, салютовали своим штандартам и отвозили их в присутственные места, где они впоследствии и хранились [З. С. 424–425].

Высочайшая грамота, данная коннице Кенгерли, гласила:

«Нашей коннице Кенгерли... Отличное мужество, примерная храбрость и постоянное усердие, оказанные конницей Кенгерли в продолжении войны 1828 и 1829 года против Порты Оттоманской, обратили на оную особенное Наше благоволение, в ознаменование коего Всемилостивейшее жалует ей препровождаемое у сего почетное знамя, которое повелеваем хранить в Нахичевани в тамошнем Правительственном месте, как знак Монаршего нашего внимания к верности и заслугам жителей, составлявших конницу Кянгерлы, в случае надобности вновь сей коннице ополчиться против неприятельных Империи нашей народов, означенному знамени находиться в походе при ополчении. Пребываем Императорской Нашей милости к коннице Кенгерли благосклонны. Николай».

Весной 1831 года вспыхнувшее в Польше восстание потребовало отъезда Паскевича на новый театр боевых действий. Вместе с Паскевичем отправилось несколько мусульманских всадников, составивших его почетный конвой. Среди них, естественно, были и кенгерлинцы, в частности, участник двух прошедших кампаний прапорщик Гусейн-Султан, а также десятилетний сын нахичеванского Назар-Али хана Риза-Кули хан. В Петербурге русский генерал, окруженный одетыми в национальные одежды джигитами, произвел большое впечатление. Не теряя времени, Паскевич со своими кавказцами проследовал в Минск, где возглавил армию, готовившуюся к походу на Варшаву. Вскоре мятеж конфедератов был подавлен, а Паскевич получил в награду титул князя Варшавского и булаву польского наместника. Между Польшей и Закавказьем протянулся невидимый мостик: Паскевич не только интересовался, но и оказывал влияние на государственную политику на бывшей прежде под его управлением территории. Ярким примером связи Варшавы и Тифлиса стало создание в столице Царства Польского Закавказского конно-мусульманского полка. Весь его командный состав состоял из представителей лучших азербайджанских фамилий, рядовые всадники – из военного сословия маафов, намнаузов и кенгерлинцев. Звания были подобраны на восточный манер – нижними чинами (всадниками) командовали векили (унтер-офицеры), наибы (младшие офицеры) и султаны (командиры сотен). Впоследствии полк прославился в Венгерской войне 1849 года, особенно двумя своими лихими атаками под городами Вайценом (3 июля) и Дебреценом (21 июля) (в первом случае азербайджанцы смяли знаменитый венгерский 1-й гусарский полк). Из его среды вышло немало известных кавказских героев, в числе которых геор-

гиевские кавалеры Гасан бек Агаларов, Исмаил хан Нахичеванский, Керим бек Новрузов.

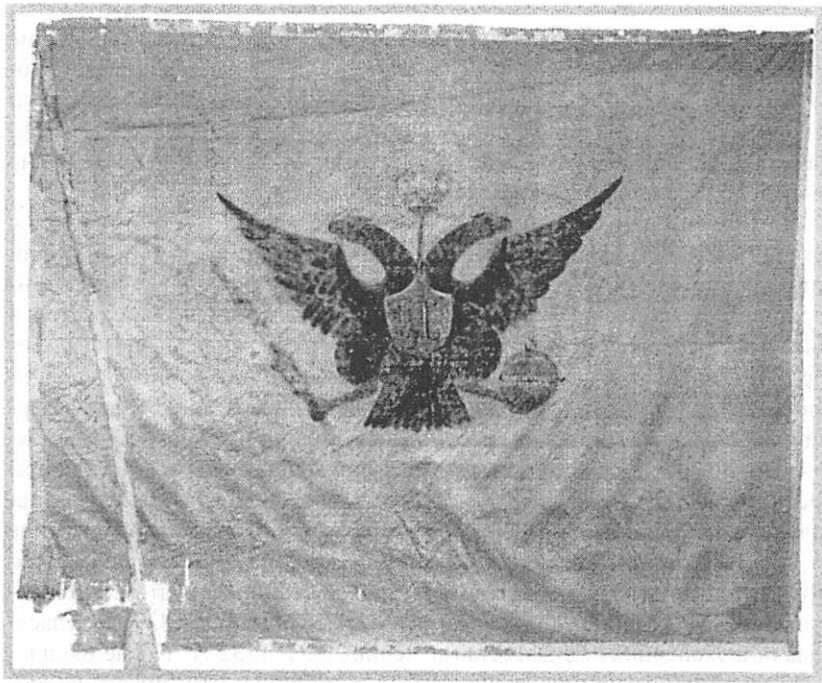
Война с поляками отозвалась и на Кавказе. В Дагестане образовался очаг восстания, который возглавил койсобоулинец Кази-Магомед. Он со своими последователями совершил несколько нападений на русские гарнизоны, и в своей дерзости дошел до того, что осадил Дербент. Генерал-адъютант Панкратьев, оставшийся после отбытия Паскевича командующим войсками в Закавказье, сосредоточил под Шемахой значительный отряд, с которым планировал действовать против имама. Для помощи регулярным войскам вновь были созданы четыре конно-мусульманских полка, в состав одного из которых вошли и кенгерлинцы. После подавления бунта в Чирке, в 1832 году конно-мусульманские полки дрались против Кази-Магомеда и Гамзат бека в Чечне (бои на завалах Шали, Гехи и др.) и вновь в Дагестане.

В 1837 году конница Кенгерли участвовала в подавлении волнений в Нахичеванском уезде. И тогда же единственный раз она имела честь предстать перед императором.

Император Николай I, желая лично увидеть завоеванный край, через Николаев и Одессу на пароходе переправился в Крым, а затем – на кавказский берег в Редут-Кале. Посетив Мингрелию и покоренные области Азиатской Турции, он выехал на границу Эриванского уезда. Воспоминания императора записал находившийся с ним в поездке граф Александр Бенкендорф:

«Спустившись в долину, я увидел перед собою выстроенную к бою бесподобную конницу Кенгерли, в однообразном одеянии и на чудесных лошадях; начальник ее Эхсан-хан, подскакав ко мне, отрапортовал по-русски, как бы офицер наших регулярных войск. С этою свитою я подъехал к знаменитому Эчмиадзинскому монастырю... По выходе из монастыря, своими богатствами не вполне ответившего моим ожиданиям, я сделал смотр конницы Кенгерли, которая сопровождала меня отсюда до Эривани...» [11].

Для представления императору наиб Эхсан хан заранее заказал своим всадникам белые чохи, которые, в сочетании с богатым оружием, делали кенгерлинского джигита неотразимым. Дополнял великолепный внешний вид наездника и скакун – кровный карабахский жеребец золотистого окраса, которых в те годы поставляли заводы семьи карабахских ханов. По результатам смотра Николай I пожаловал каждому кенгерлинцу по червонцу.

**Знамя Нахичеванской бекской дружины. Лицевая сторона.
Национальный Музей Истории Азербайджана.**

По этому поводу Эксан хан дал губернскому начальству званый обед и лично вручал всадникам пожалованные награды. Как вспоминал очевидец, «...поутру все Кенгерлинцы собрались пред домом Наиба, и из рук его приняли Царский гостинец. Чтобы сохранить навсегда память необыкновенного события, представления их Императору, они положили, выданный каждому червонец носить на парадной одежде, и передавать в потомство». Впоследствии из Петербурга были присланы и особые серебряные медали для ношения в петлице с надписью «Кавказ 1837» [12. С. 45, 56–57].

Немедленно после визита императора Эксан хан был произведен в генерал-майоры, Ших-Али бек – в подполковники, а их старший брат Назар-Али хан – «за услуги отца» – также в подполковники.

В конце 30-х годов в Закавказье началась кардинальная реформа власти. Прибывшим на Кавказ сановникам, как это всегда бывает, положение дел показалось ужасным. И первыми, на кого они обратили свое «просвещенное» внимание, были наибы – единственные в мусульманских провинциях Закавказья местные уроженцы, управлявшие своими уделами на прежнем ханском положении.

Помимо того, что преобразователи Кавказа не могли смириться с тем, что в одной из подвластных России провинций правит прежний хан-мусульманин, им не нравилась и его позиция по отношению к Кенгерлинскому племени. Вопрос о статусе племени стоял очень остро и имел свою предысторию. Дело в том, что при персидской власти кенгерлинцы никаких податей не платили, а несли только воинскую повинность. За эту льготу племя было обязано выставлять в персидскую армию 200 всадников в полном вооружении. Более того, местный хан обязан был помогать семьям кенгерлинцев продовольствием. С введением российского правления кенгерлинцы условно были приравнены к остальному населению и, по закону, обязаны были платить налоги наравне со всеми другими жителями провинции «неблагородного» сословия. При этом главную свою миссию они продолжали выполнять: практически поголовно вышли на Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., участвовали в экспедициях в Дагестан и Чечню 1831–1832 гг. После окончания военных действий кенгерлинцы, в отличие от других конно-мусульманских частей, не были распущены, а несли свою службу уже в родной провинции: выполняли роль полиции, содержали караулы по реке Аракс, конвоировали курьеров и транспорты, следующие в Персию, доставляли нужные бумаги к пограничным персидским начальникам. Кроме службы в провинции, племя за собственный счет раз в 2 года отправляло в Варшаву в конно-мусульманский полк до 30 всадников.

Естественно, Эксан хан вышел к начальнику Армянской области генералу князю Бебутову с ходатайством об освобождении, за все это, кенгерлинцев от податей (на все племя денежная подать составляла 2697 руб. 86 коп. в год). Князю Бебутов передал свое положительное представление в Тифлис главноначальствующему в те годы на Кавказе барону Розену, а пока вопрос рассматривался в высших инстанциях, приостановил взыскание налога. Барон Розен, в свою очередь, докладывал вопрос в Петербург, но его мнение было прямо противоположным мнению областного начальника – он был за упразднение военного сословия в Закавказье и лишение его всяких льгот.

Однако фельдмаршал Паскевич и сам Николай I поддержали мнение Бебутова. Совет главного управления Закавказским краем, барон Ган и преемник Розена генерал Головин вынуждены были пойти на попятную, и в феврале 1840 года, по всеподданнейшему докладу военного министра Чернышева, Николай I высочайше соизволил: «1) Простить кянгерлинцам недоимку податей с 1836 г. 2) Освободить их впредь от платежа денежной подати, но хлебную взysкивать на прежнем основании. 3) Вменить за то в обязанность содержать то число конницы, какое они доселе выставляли для пограничной стражи, службы при набе, посылки курьеров, действий против неприятеля и отправления нескольких всадников в действующую армию, и 4) Предположение кн. Варшавского относительно устройства из магафов, кянгерлинцев и некоторых кочующих племен за Кавказом нерегулярной конницы иметь в виду для постепенного приведения в исполнение, когда время и обстоятельства дозволят» [13].

Освобождение кянгерлинцев от подати было куплено дорогой ценой – Эксан хан был вынужден написать рапорт о добровольном сложении с себя обязанностей наиба. Случилось это осенью 1839 года, после беседы с генералом Головиным, приехавшим с визитом в Нахичевань. Собственно, участь Эксан хана и Ших-Али бека была решена еще раньше, когда в Петербурге было принято решение реконструировать систему управления в крае; новое положение исключало возможность оставления у власти наивов.

В ответ на упразднение власти наивов Ших-Али бек, настроенный более непримиримо, чем Эксан хан, бежал в Персию. Его имения были реквизированы в казну. Недовольный своим положением в Нахичевани, также бежал младший брат наивов, поручик русской службы Мехти ага.

Во время встречи с Головиным, Эксан хан просил главноначальствующего на Кавказе исходатайствовать для него сохранение жалованья, а также наследственные права на имущество, и освобождение от податей прислуги. Главной же просьбой было «оставить под его начальством и управлением кянгерлинское племя» (1233 семьи – Ф.Н.) [14].

Пока ходатайство Эксан хана рассматривалось высшими инстанциями, ему было поручено ограничить свою деятельность командованием кянгерлинскими всадниками. Для этого Николай I подписал указ о присвоении нашему герою звания Военно-походного начальника Кянгерлинских всадников. Кроме того, было обещано приступить к формированию в Закавказье иррегулярных войск, по примеру казачьих, и передать Эксан хану эти подразделения под начальство.

В 1840 году к своим обязанностям приступил новый нахичеванский уездный начальник. У него сразу же возникли проблемы с кенгерлинцами, которые категорически отказались платить подать в казну, на основании того, что «по высочайшему государя императору соизволению» они были «освобождены от всех податей, кроме взноса хлеба» [15]. Конфликт нарастал. Эксан хан, по некоторым данным, призывал соплеменников к бойкотированию незаконных требований чиновника. Уездный начальник настаивал на своем. К счастью, столкновений не произошло, однако многие кенгерлинцы бежали в Персию.

В Нахичевань прибыл начальник 6-го корпуса жандармов генерал Скалон. После его донесения в Петербург графу Бенкендорфу и доклада последнего Николаю I, император приказал главноначальствующему на Кавказе «выслать Эксан-хана под благовидным предлогом в С.-Петербург для сделания ему надлежащего внушения и между тем озаботиться приисканием возможности возвратить его в Закавказский край таким образом, чтоб влияние его не могло быть вредным для видов Правительства» [16. Л. 167–167об.].

Так как Эксан хан сам давно хотел побывать в столице Российской империи, то властям, для приведения своего плана в действие, оставалось лишь дать ему разрешение на выезд, что и сделал Тифлисский военный губернатор. «Для предлога же пребывания Эксан-хана в С.-Петербурге генерал-лейтенант Брайко поручил ему ознакомиться с родом службы иррегулярной кавалерии, дабы он, если правительство признает нужным, мог образовать кянгерлинских всадников по примеру означенной кавалерии» [17].

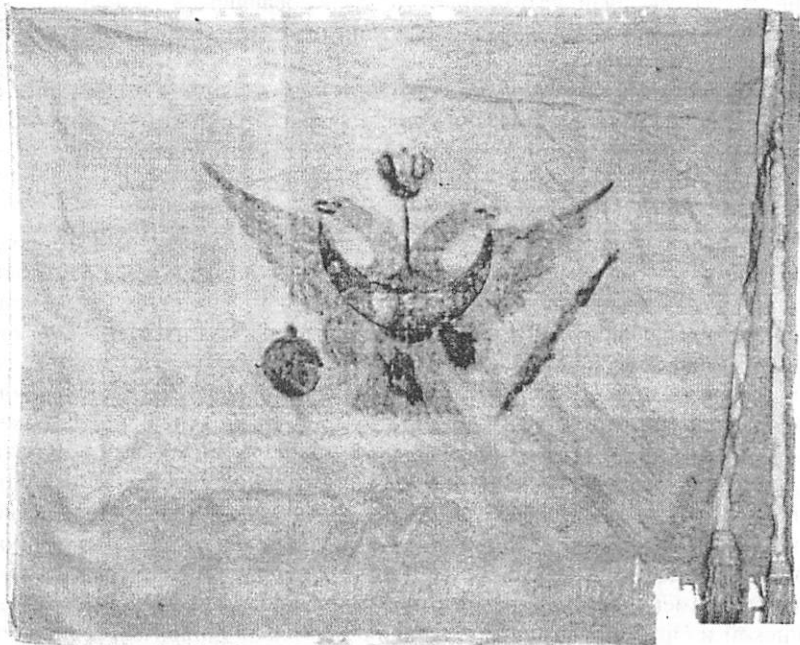
По пути в столицу, не смотря на запрет властей, хан благоразумно заехал в Варшаву, где посетил своего покровителя фельдмаршала Паскевича. В Царстве Польском визитер пробыл неделю: ознакомился со службой Закавказского конно-мусульманского полка, навестил своего старшего сына Исмаил хана, который там служил. Провожая Эксан хана в Петербург, Паскевич снабдил его собственноручным письмом к императору.

2 сентября 1841 года бывший наиб прибыл в Северную Пальмиру. Военный министр Чернышев направил его к шефу жандармов графу Бенкендорфу, который, повинуясь желанию государя, ознакомил Эксан хана со службой Собственного Его Величества конвоя. Однако нашего героя интересовали не только вопросы организации армии. Предметом его особых забот были кенгерлинцы, положение которых оставалось по-прежнему неопределенным. Хан представил Чернышеву докладную записку, в которой, в частности, писал: «В истекшем 1840 г. некоторые семейства из кянгерлинцев от притеснения бежали за границу в Пер-

сию. В силу высочайшего манифеста, последовавшего в 16 день апреля с. г. преступление сие всемилостивейше прощается. Я знаю, что они всегда готовы служить русскому правительству до последней капли крови, к сожалению моему, что таковые люди останутся в Персии, я с особенным бы удовольствием принял на себя обязанностью употребить законные меры и старания к привлечению их обратно в владение наше» [18]. Дополняло обращение хана и письмо Паскевича, который ходатайствовал перед Николаем I об удовлетворении просьбы экс-наиба.

26 сентября Чернышев докладывал обстоятельства дела императору, и тот повелел запросить мнение генерала Головина. А пока фельдъегеря курсировали между Петербургом и Тифлисом, Эсан хан был занят изучением императорского Конвоя. Так как Тифлисский военный губернатор изначально ставил перед ним именно эту задачу, то наш герой почел своим долгом представить генералу Чернышеву свои соображения относительно организации иррегулярных войск в Закавказье. Хан, в случае согласия правительства, был готов тут же приступить к сбору мусульманских полков. В своей докладной записке на имя военного министра он писал: «Всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство снабдить меня предписанием, какие именно полки должны формироваться в Закавказском крае, те ли, которые имеют Высочайше пожалованные знамена, как то: Карабагской, Ширванской, Казахской, Шамшадинской и Эриванской провинций, или же только одни Кенгерлинские 200 всадников, из коих невозможно составить один полк, ежели будут формироваться Закавказом иррегулярные войска, то откуда должны они получать содержание и прочие потребности, например Штаб-Квартира, летнее пребывание в Лагере палаток, амуниции, фуража, жалованья и прочие потребности иррегулярным войскам; равно и трубачей для учения по нотам сигналов. Честь имею присовокупить, что Мусульманские войска распущены по домам; всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство, будь угодно формировать иррегулярные войска по желанию Государя Императора из Мусульманских полков Закавказом, то снабдить меня инструкциею для устройства Иррегулярных войск и содержание их, почему буду стараться и употреблять все возможное средство к исполнению возложенной на меня новой поручительности» [19].

В первых числах ноября из Тифлиса пришел отзыв генерала Головина. Выполнение желания бывшего наиба относительно подчинения ему кенгерлинского племени представлялось главноначальствующему невозможным. Опасение вызывало то, что самая воинственная часть населения провинции постоянно будет под крылом своего природного вождя.

**Знамя Нахичеванской бекской дружины. Обратная сторона.
Национальный Музей Истории Азербайджана.**

Николай I прислушался к мнению своего вельможи. 7 ноября он повелел: все просьбы Эсан хана, касающиеся его жалованья, положения его личной прислуги и имений удовлетворить, но кенгерлинское племя ему в подчинение не отдавать³.

Таким образом, наш герой был окончательно устранен от власти. Перед выездом на родину ему, бывшему кадровому офицеру персидской армии, император и военный министр поставили лишь задачу поддерживать в боеготовности кенгерлинских всадников, и вскоре возглавить в Закавказье иррегулярные войска.

К сожалению, и эту полезную для державы идею «азербайджанского казачьего войска» осуществить так и не удалось. В феврале 1846

³ Интересно, что в качестве «компенсации» за кенгерлинцев Головин предлагал подарить хану шесть тиульных деревень, но император не пошел даже на это.

года генерал-майор Эксан хан скончался. С его уходом из жизни кенгерлинцы лишились своего защитника в высших сферах. В 1850 году кавказский наместник князь Воронцов предложил лишить их налоговых льгот, и 9 ноября было утверждено «Положение об обращении живущих в Нахичеванском уезде Кенгерлинцев в сословие государственных поселян». Со вступлением данного документа в силу племя, исключая коренных беков и ханов, утратило свое привилегированное положение.

Продолжала некоторое время существовать лишь кенгерлинская конница. В воздаяние заслуг отца, ее принял в командование старший сын Эксан хана – штабс-капитан Исмаил хан. Издержки на содержание фамильной кавалерии покрывались податями, которыми были отныне обложены кенгерлинцы. В 1848 году младший сын Эксан хана Келбали хан вывел конницу Кенгерли в экспедицию против горцев в Дагестан, где они участвовали при взятии аула Гергебиль. Это был последний поход исторической конницы в качестве отдельного подразделения.

В 1853 году началась Восточная война. Российские власти на Кавказе, опасаясь мусульманского восстания в пользу Турции, предприняли ряд неразумных действий, в числе которых было и неожиданное упразднение конницы Кенгерли. Этот указ окончательно похоронил в прошлом знаменитую военную часть.

Тем не менее, командир распушенной правительством конницы, будущий герой Баязета, Исмаил хан, его младший брат, первый мусульманин Кавказа – выпускник Пажеского корпуса Келбали хан, а также несколько кенгерлинских беков из числа офицеров, перед лицом турецкого нашествия отозвались на призыв губернатора помочь. В Эривани был организован сборный пункт так называемой Бекской дружины, в которую предлагалось вступать местным дворянам. Исмаил хан возглавил это начинание.

Но той славы, которую имели четыре конно-мусульманских полка и конница Кенгерли в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., Бекская дружина и конно-мусульманский полк № 4 во время Восточной войны не снискали. Они не имели ни тех качеств отборного войска, ни богатого современного оружия и выдающейся резвости коней, ни должного порыва. Только с началом масштабной войны власти осознали ошибочность своей деятельности.

В 1856 году, желая восстановить конно-мусульманские полки в том их виде, какой они имели при Паскевиче, губернаторы провинций Закавказья договорились о том, чтобы при сборе местной конницы руководствоваться теми принципами, которые давали результат ранее. Главным при формировании должен был стать тщательный отбор всад-

ников, предпочтительно из бывшего военного сословия. Эриванский губернатор генерал Назаров немедленно вспомнил о кенгерлинцах:

«Из Эриванского уезда избрать лучших всадников из одних только кочующих племен... Из Нахичеванского уезда, преимущественно из племени Кенгерли, может быть выставлено две сотни без особого отягощения, сколько потому, что племя это многочисленное, столько и потому, что с самого начала войны оно выставило постоянно по несколько сотен милиционеров, которые большею получили охоту к военному делу и сохранили лошадей и оружие, которыми были снаряжены от своих односельцев. Затем остальные две сотни (если можно не полные) собрать из уездов Ордубадского и Ново-Баязетского по уравнительной раскладке населения.

...Начальник кавалерии Эриванского отряда, полковник Хрещатицкий, в видах одной только пользы, которую можно извлечь из мусульманского полка в отношении военном, находит, что было-бы всего приличнее сформировать полк из трех сотен Кенгерлинцев и двух сотен кочевых жителей Эриванского уезда, с тем, чтобы в последние две сотни могли поступать и охотники из других уездов и чтобы каждая из этих двух частей имела особого начальника: 1-я – из Нахичеванских ханов, а последняя – из беков кочевых обществ» [21].

Однако нового созыва кенгерлинцев на службу не потребовалось – 18 марта 1856 года в Париже между воюющими державами был подписан мирный договор. Восточная война закончилась.

В списках награжденных, тем не менее, встречается много имен представителей кенгерлинского племени. Не имея подавляющего представительства среди рядовых всадников, они дали высокий процент офицерского состава. Помимо известных Келбали хана и Исмаил хана (первый за взятие вражеских орудий во время Чингильского сражения был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.) были отмечены командованием их двоюродные братья, сыновья бывшего командира конницы Кенгерли майора Фараджулла хана: Насрулла хан, служивший помощником командира одной из сотен Бекской дружины (из награда известна Золотая медаль в петлицу с надписью «За храбрость», полученная за взятие турецкого лагеря у монастыря Сурб-Оганес 13 июня 1855 г.) и Асадулла хан – наиб в рядах конно-мусульманского полка № 4 (из награда известна Золотая медаль с надписью «За храбрость» для ношения на шее). Среди кенгерлинских беков были награждены: Али-Мамед ага – векиль в составе конно-мусульманского полка (золотая медаль в петлицу с надписью «За храбрость»), его племянник Ибрагим-Халил бек (чин подпоручика) и его сын Керим-Султан (чин прапорщика), Гусейн-

Султан (чин майора и орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами), прапорщик Джафар-Кули бек – командир Нахичеванской сотни в Эриванском отряде (орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость») с братом прапорщиком Наджаф-Кули беком и сыном последнего Наги беком (служил в Бекской дружине), Вали-Ага – наиб, командующий сотней конно-мусульманского полка (золотая медаль в петлицу с надписью «За храбрость»).

В 1867 году особая комиссия, составлявшая списки лиц, достойных быть причисленными к дворянскому сословию Российской империи, внесла кенгерлинских беков в свои протоколы как потомственных. Главная ветвь рода – потомки векиля Керим-Султана Кенгерли-Билиджи – приняли фамилию Векиловых-Кенгерлинских (или просто Кенгерлинских); младшие ветви – фамилии Шахтактинских (владели селом Шахтакты), Везириных, Мухсин-Султановых, Таировых, Султановых и др. Ханское семейство также было внесено в список потомственных беков. Семья Риза-Кули хана – главы потомков Келб-Али хана Слепого по старшинству колена, а также семьи сыновей Эксан хана – приняли фамилию Нахичеванских. Сыновья Фараджулла хана и Ших-Али бека подали прошение о том, чтобы им была дана фамилия Кельбалихановых, в память об их славном деде.

Однако дело об ассимиляции мусульман в российское дворянство, начатое императором Николаем I, так и не было завершено. Ханские роды, в отличие от царственных и тавадских семей Грузии, не были признаны в княжеском достоинстве. Хотя *de facto* верхушка племени Кенгерли пользовалась всеми правами дворян Российской империи, проект так и не обрел окончательного юридического утверждения.

Подводя итог участия конницы Кенгерли в боевых операциях российской императорской армии, хотелось бы сказать, что оказанные ею услуги хотя и не были большими в военном отношении, но, безусловно, бесценными в отношении политическом. На этом примере было воспитано два поколения местной знати, которые дали несколько выдающихся представителей офицерского корпуса России. Известная в среде офицеров Кавказской армии династия Ханов-Нахичеванских и после упразднения конницы продолжала службу, участвуя добровольно во всех происходивших войнах и военных экспедициях. Их мы находим в материалах, иллюстрирующих переход через заснеженные Балканы, и в воспоминаниях о штурме туркменской крепости Геок-Тепе, в сводках военных действий на сопках Манчжурии и в лесах Восточной Пруссии... Большинство представителей рода имели боевые ордена самого высокого ранга, носили почетное звание георгиевских кавалеров. Сей-

час любителям истории стали известны имена полковника Исмаил хана, возглавлявшего геройский гарнизон крепости Баязет, его младшего брата «летучего генерала» Турецкой войны 1877–1878 гг. Келбали хана, а также сына последнего – генерал-адъютанта Гусейн хана, которого называли «любимцем всей гвардии». Целая плеяда молодых кенгерлинцев служила в полках Кавказской Туземной конной дивизии, в простонародье именуемой «Дикой».

Все эти птенцы гнезда кенгерлинского племени внесли свой вклад в дело приумножения величия империи.

Использованная литература:

1. Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. Кн. 3. Вып. 9. М., 1891.
2. Всеподданнейший рапорт графа Паскевича, от 19 июня 1829 г. – Лагерь при речке Инджа-су // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 790.
3. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 4: Турецкая война. Вып. 3, 4. Тифлис, 1888.
4. Всеподданнейший рапорт графа Паскевича, от 23 июня 1829 г. // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 795.
5. Радожицкий И.Т. Походные записки артиллериста в Азию с 1829 по 1831 г. Б.г., Б.м. (вырезка из «Военного журнала»). М., 1856).
6. Всеподданнейший рапорт графа Паскевича, от 23 сентября 1829 г. – Эрзерум // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 824.
7. Зубов Пл. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1. СПб., 1834.
8. Муравьев Н. Н. Записки // Русский архив. Кн. 1. Вып. 3. М., 1894.
9. Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА-АР). Ф. 24 (Казенная экспедиция верховного грузинского правительства). Оп. 1. Д. 353 («Камеральное описание г. Нахичевани 1831 г.»). 357 л.
10. Высочайший указ, от 6 декабря 1830 г. – опубли. в газ. Московские ведомости. № 3 за 1831 г.
11. Записки А. Х. Бенкендорфа // Исторический вестник. № 1, 2. СПб., 1903.
12. Нефедьев Н. Взгляд на Армянскую область (из путевых записок). СПб., 1839.
13. Справка из Протокола № 131 заседания Комитета об устройстве Закавказского края, 10 мая 1840 г. // Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-х – 60-х гг. XIX в. (под ред. И.П. Петрушевского). Ч. 1. М., Л., 1936. С. 93.
14. Из отзыва бывшего главноуправляющего Кавказом гр. И.Ф. Паскевича-Эриванского из Варшавы, 6 сентября 1841 г. // Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-х – 60-х гг. XIX в. (под ред. И.П. Петрушевского). Ч. 1. М., Л., 1936. С. 156–157.

-
15. Предписание за № 1350 командира Отдельного Кавказского корпуса Е.А. Головина Ихсан-хану, 29 ноября 1840 г. // Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-х – 60-х гг. XIX в. (под ред. И.П. Петрушевского). Ч. I. М., Л., 1936. С. 155–156.
 16. Всеподданнейший доклад военного министра гр. А.И. Чернышева, от 26 сентября 1841 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133 («По донесению начальника 6-го округа Корпуса жандармов генерал майора Скалона о состоянии Эриванского и Нахичеванского уездов. Тут же и о генерал майоре Эксан Хане»). Л. 166–174об.
 17. Доклад по Департаменту Инспекторскому, от 11 сентября 1841 г., № 474. Записка Канцелярии Военного Министерства, от Сентября 1841 г. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 164–165об.
 18. Докладная записка Ихсан-хана из Петербурга военному министру кн. А.И. Чернышеву, от 16 октября 1841 г. // Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-х – 60-х гг. XIX в. (под ред. И.П. Петрушевского). Ч. I. М., Л., 1936. С. 160.
 19. Докладная записка Военно-походного начальника Кенгерлинских всадников генерал-майора Эксан-хана, 30 октября 1841 г., С.-Петербург. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 251–252.
 20. Копия с отношения г. военного министра командиру отдельного Кавказского корпуса, от 22 января 1843 г., за № 705. // РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 133. Л. 302–302об.
 21. Журнал Особого о земских повинностях Присутствия, от 29-го марта 1856 годы. // АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 671.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

С.А.Ахмедов

МАТЕРИАЛЫ ШУШИНСКОЙ И БАКИНСКОЙ БЕКСКИХ КОМИССИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Одним из важнейших источников по генеалогии привилегированного сословия Южного Кавказа являются материалы так называемых бекских комиссий, функционировавших в 60-х – 70-х гг. XIX столетия.

Основной задачей поставленной перед бекскими комиссиями было «определение личных прав высшего сословия в мусульманских частях Закавказского края». Вопрос о подтверждении прав благородного сословия в мусульманских провинциях возник еще в период завоевания Северного Азербайджана Российской империей. Так, в ходе переписки с правителями азербайджанских ханств русские командующие от имени императора Александра I обещали закрепление за ними и их потомками права владения и пользования наследственными землями. Эти обещания были подтверждены при подписании трактатов с карабахским, шекинским и ширванским ханами. Те ханы, которые отказывались подчиняться русским властям, естественно, никаких подтверждений не получали, хотя властям приходилось мириться с их существованием или существованием их потомков. Порой царские власти вносили раскол в аристократические семьи, де-факто подтверждая права прорусски ориентированных членов семьи, и отрицая права антирусски настроенных (хотя оба могли иметь равные права).

Вопрос своеобразно пытался разрешить командующий Отдельного Грузинского корпуса (фактически – командующий всеми русскими войсками на Кавказе) и одновременно посол России в Персии А.П.Ермолов. Его действия были направлены на физическое устранение (например, Исмаил хан Шекинский был отравлен) или принуждение к бегству под угрозой репрессий местной аристократии (как в случае с Мустафа ханом Ширванским, Мехти-Кули ханом Карабахским, или Мир Гасан ханом Талышинским) и заменой ее потомственным русским дворянством или дворянами из числа переселенцев.

Показательным может служить случай с генерал-майором В.Мадатовым, армянином на русской службе. В 1816 г. Ермолов назначил его командиром русских войск в Карабахском ханстве и одновре-

менно военно-окружным начальником в Шекинском, Ширванском и Карабахском ханствах¹. По фиктивным документам, подтвержденным Ермоловым, Мадатов, якобы родившийся в знатной семье в селе Туг, стал титуловаться князем и срочно стал строить в селе Чанахчы родовое имение, причем используя казенные деньги². По приезду его невесты – дочери генерала Саблукова – на Кавказ произошел конфуз, о котором долго говорили. Веря в княжеский титул жениха, невеста попросила провести ее на могилу тестя, желая помолиться. Мадатов, не желая продемонстрировать свое истинное происхождение, послал своих адъютантов поскорее отыскать в Карабахе христианское кладбище, найти какую-либо могилу знатного или богатого лица и пышно украсить ее. При этом Мадатов говорил: «Не все же надо брать храбростью, нужно и хитростью». После того, как Ермолов был отозван с Кавказа, Мадатов лишился покровителя и был лишен сначала гражданских, а затем военных должностей³. Незаконность присвоения им имени подтвердилась в 1829 г. в ходе работы специальной сенатской комиссии. И хотя имение было конфисковано, равно как и его тифлисский дом, Мадатов продолжал беспрепятственно употреблять княжеский титул вплоть до своей кончины⁴.

Восстания 1830–1838 гг., подавленные русской армией, насторожили царскую администрацию, хотя основной движущей силой этих восстаний были крестьяне. В качестве социальной опоры царизма было предложено использовать «природное русское дворянство». Предполагалось изъять тиульные земли беков и агаларов и передать их русским дворянам. 25 апреля 1841 г. агалары Казахского, Шамшадильского и Борчалинского участков, а с 28 мая и беки-тиульдары Каспийской области были лишены тиульных земель. Это вызвало поток жалоб и прошений, с требованиями восстановить права. Посланная на Южный Кавказ ревизия во главе с графом Чернышевым и Позеном доложила об ошибочности принятого решения и опасности возникновения новых восстаний, причем на этот раз с участием беков и агаларов.

С 1842 г. была приостановлена деятельность по конфискации тиульных земель. В 1843 г. император Николай I повелел составить проект

¹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. III. Санкт-Петербург, 1886. С. 131.

² Потто В. Указ. соч. Т. III. С. 269–270.

³ Щербатов, князь. Генерал-фельдмаршал князь И.Ф.Паскевич. Т. II. Санкт-Петербург, 1890. С. 228.

⁴ Потто В. Указ. соч. Т. III. С. 269–270.

положения о личных правах высшего мусульманского сословия в Закавказье. Для исполнения этого повеления в марте 1843 г. был образован из высших должностных лиц Закавказского края специальный Комитет, к совещаниям которого был также привлечён известный писатель и общественный деятель Азербайджана XIX века, полковник Аббас-Кули ага Бакиханов. В частности, отмечалось, что его сведения «и точное познание настоящего положения края и прежних переворотов и событий, в оном происходивших, могли служить важным пособием Комитету»⁵. Будучи депутатом от беков Бакинского и Кубинского уездов, Бакиханов весной и летом 1843 г. по поручению Комитета собрал различные исторические сведения о сословных привилегиях беков и агаларов в Азербайджане до его вхождения в состав России⁶.

По проекту, составленному Комитетом, высшее мусульманское сословие Закавказья следовало разделить соответственно принятым в империи основаниям при разделении дворянского сословия на потомственное и личное. Звания князей с титулом сиятельства предполагалось предоставить только прямым потомкам владетельных ханов, но с непосредственным Высочайшим утверждением для каждой фамилии. Остальным же представителям высшего сословия предполагалось предоставить титул благородия, с разрешением также продолжать употреблять и все существовавшие до этого местные титулы⁷.

Однако реально итоги работы Комитета никак не проявились, что дало основание Бакиханову записать: «...Русские начальники не были свидетелями ханских времен, они получали почти все сведения от людей или не знающих тогдашнего положения, или нарочно запутывающих дело, и то через ненадежных переводчиков, которые в противном истолковании имели свой вид и интерес; к этому присоединилось и то, что порядок прежних времен совершенно был несообразен с настоящим понятием о них!»⁸.

Нужда в подтверждении прав азербайджанской аристократии возникала постоянно и в различных формах. Так, Аббас-Кули ага Бакиханов, в одном из писем указывал, что считает унижением для своей

⁵ Исмаилов Э.Э. Бекские комиссии и проект положения о правах высшего мусульманского сословия в Закавказье // Генеалогический вестник. Вып. 9. Санкт-Петербург, 2002. С. 47–51.

⁶ Ахмедов Э.М. А.-К. Бакиханов: эпоха, жизнь, деятельность. Баку, 1989. С. 70.

⁷ Исмаилов Э.Э. Указ. соч.

⁸ Цитируется по: Ашурли Р.С., Ханларов А.Т. Родовые владения Бакинских бекских фамилий // Известия АИРО. Вып. 4. Баку, 2003. С. 63–67.

фамилии то, что ее представителей ставили на одну доску с рядовыми беками, принадлежность которых к бекскому сословию, мягко говоря, сомнительна. Происходя из рода бакинских ханов, А.-К.Бакиханов в подтверждение своих прав приводил документы как ханского периода, так и царских властей. Действительно, принадлежность к высшим слоям азербайджанской аристократии и офицерское звание обеспечивали ему доступ даже в правительственные дворцы, но при этом официально его права как представителя привилегированного сословия Российской империи не были подтверждены. Так, корреспондент аугсбургской «Всеобщей газеты» сообщал 2 (14) октября 1846 г. из Стамбула: «На днях г-н Устинов представил на аудиенции султану русского полковника Аббас-Кули-Хан-заде, отпрыска одной из самых знатных мусульманских семей г. Баку... Насколько мне известно, полковник – первый мусульманин, представленный султану в качестве представителя иностранной державы»⁹.

Первый шаг в определении прав азербайджанской аристократии в Российской империи был сделан лишь в 1846 г.: 6 декабря был Высочайше подписан рескрипт об определении поземельных прав ханов, султанов, меликов, агаларов и беков, составлявших высшее мусульманское сословие в Закавказье и об утверждении за ними в потомственном владении земель, которыми они владели во время присоединения Кавказа к Российской империи. Вместе с тем, этим же рескриптом было повелено заняться определением личных прав этого сословия, приравнивая их к «правам благородному дворянству российскому присвоенным».

По завершении работ, относящихся к поземельным владениям, Совет Наместника Кавказского в 1862 г. дело о личных правах передал в Департамент Судебных Дел. Последним в 1863 г. были составлены проекты инструкций четырех бекских комиссий – Тифлисской, Эриванской, Шушинской и Бакинской – для приведения в известность и «определения личных прав высшего сословия в мусульманских частях Закавказского края».

После утверждения Кавказским наместником великим князем Михаилом Николаевичем инструкций об учреждении, составе и деятельности Тифлисской и Эриванской бекских комиссий, последние приступили к своей деятельности в 1865 г. 5 июня 1869 г. была также утверждена инструкция об учреждении, составе и деятельности Шушин-

⁹ Ахмедов Э.М. Указ. соч. С. 69, 72.

ской бекской комиссии, а 12 января 1870 г. – Бакинской бекской комиссии¹⁰.

Материалы двух из этих бекских комиссий – Шушинской и Бакинской – в настоящее время находятся на хранении в Государственном историческом архиве Азербайджанской Республики.

Свою деятельность Шушинская бекская комиссия начала в г. Шуша – для определения личных прав высшего сословия Шушинского и Зангезурского уездов, а затем переехала в г. Нуху с целью определения личных прав высшего сословия Нухинского и Арешского уездов. Шушинская бекская комиссия прекратила свою деятельность в 1874 г.¹¹

Бакинская бекская комиссия свою деятельность начала в г. Шемаха – для определения личных прав высшего сословия Шемахинского и Геокчайского уездов. Затем комиссия переехала в г. Ленкорань для определения личных прав высшего сословия Ленкоранского и Джеватского уездов, затем выехала в г. Баку для определения личных прав высшего сословия Бакинского уезда и, наконец, до завершения деятельности осела в г. Куба для определения личных прав высшего сословия Кубинского уезда. Бакинская бекская комиссия прекратила свою деятельность в 1882 г., сдав все дела в архив Губернского правления¹².

Бекские комиссии состояли из постоянных и выборных членов, причем постоянные члены (председатель и член-делопроизводитель) назначались Кавказским наместником, которому комиссии непосредственно подчинялась. Выборные члены комиссий представляли высшее сословие Бакинской и Елисаветпольской губерний в количестве 24-х человек на каждую комиссию¹³. Состав комиссий был тщательно профильтрован, так как предполагаясь подтвердить права лишь тех лиц, кто был лоялен к русским властям и чьи предки не были замешаны в борьбе против русского завоевания края: «Так как большая часть беков лишились своих имений при покорении Бакинского Ханства и по участию в убиении Князя Цицианова, то и теперь... не следует обеспечи-

¹⁰ Исмаилов Э.Э. Указ. соч.

¹¹ Ализаде А.А. Опись дел Шушинской бекской комиссии (1869–1874 гг.) // ГИААР. Ф. 69. Л. 1–2.

¹² Ализаде А.А. Опись дел Бакинской бекской комиссии (1870–1882 гг.) // ГИААР. Ф. 55. Л. 1–2.

¹³ Ализаде А.А. Опись дел Бакинской бекской комиссии (1870–1882 гг.) // ГИААР. Ф. 55. Л. 1–2; Ализаде А.А. Опись дел Шушинской бекской комиссии (1869–1874 гг.) // ГИААР. Ф. 69. Л. 1–2.

вать потомков лиц виновных в этом преступлении»¹⁴.

По журнальным постановлениям Совета Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе в 1882, 1883 и 1888 гг. по Шушинской бекской комиссии были составлены посемейные списки 305 семейств, причисленных к потомственному бекскому достоинству по бывшему Карабахскому ханству (уезды Шушинский, Зангезурский, Джебраильский и Джеванширский Елисаветпольской губернии) и 65 семейств, причисленных к потомственному бекскому достоинству по бывшему Шекинскому ханству (Нухинский уезд). В 1888 г. по Бакинской бекской комиссии были составлены посемейные списки 98 семейств, причисленных к потомственному бекскому достоинству по бывшему Шемахинскому ханству (уезды Шемахинский и Геокчайский), 16 семейств по бывшему Бакинскому ханству, 51 семейства по Джевадскому и 34 семейств по Ленкоранскому уездам (бывшее Тальшинское ханство) и 42 семейств по Кубинскому уезду (бывшее Кубинское ханство).

Все эти списки были рассмотрены в Совете Главного Управления Наместника Кавказского и в Совете Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе. На основании определений Совета были составлены следующие именные списки: 1) список ханских родов; 2) сводный список родов, причисленных к сословиям потомственных беков и родовых агаларов, которым предполагалось предоставить права потомственного дворянства Российской империи; 3) сводный список родов, причисленных к сословиям личных беков, неродовых агаларов и чиновных лиц, которым предполагалось предоставить права личных дворян империи¹⁵.

Подробный анализ деятельности Шушинской и Бакинской бекских комиссий не входит в задачи настоящей статьи. Приведем лишь сведения о тех материалах, которые находятся на хранении в ГИААР. Необходимо отметить, что описи дел Шушинской и Бакинской бекских комиссий были составлены в 1973 г. младшим научным сотрудником архива (на тот период – Центральный Государственный Исторический архив Азербайджанской ССР) А.А.Ализаде.

Документы Шушинской бекской комиссии собраны в одной описи фонда № 69 общим объемом 83 единицы хранения за период 1869 – 1874 гг. В фонде содержатся инструкции об учреждении Шушинской

¹⁴ Документ хранится в РГИА. Цитируется по: Ашурли Р.С., Ханларов А.Т. Родовые владения Бакинских бекских фамилий // Известия АИРО. Вып. 4. Баку, 2003. С. 63–67.

¹⁵ Исмаилов Э.Э. Указ. соч.

бекской комиссии (Д. 2, 3), дела по прошениям беков о причислении их рода к бекскому сословию (Д. 4–60, 63, 65–77), протоколы заседаний комиссии об определении сословных прав беков Шушинского уезда (Д. 62), переписка с Главным управлением Кавказского наместника о деятельности комиссии (Д. 61), свидетельства, выданные комиссией (78–80), ведомость бекских имений Шушинского уезда (Д. 81). В фонде находится также список сеидов Бакинской губернии за 1857 г. (Д. 1).

Документы Бакинской бекской комиссии собраны в одной описи фонда № 55 и состоят из 50 единиц хранения за период 1870 – 1882 гг. Это материалы, регламентирующие деятельность комиссии: протоколы заседаний комиссии (Д. 17), инструкции об учреждении и порядке деятельности комиссии (Д. 1–2), докладная записка председателя комиссии наместнику на Кавказе о целях и задачах комиссии (Д. 27), объяснительная записка к проекту положения о личных правах высшего мусульманского сословия (Д. 33), проект правил о выборах депутатов в бекское отделение губернских правлений (Д. 39). Также в фонде хранятся свидетельства на принадлежность к бекскому сословию и утверждения в этом сословии (Д. 9, 16–17, 23), выписки из описи сел (Д. 34), дарственные записи на земли (Д. 35), родословные (Д. 36, 38), посемейные списки к прошениям (Д. 28, 37, 40), журнал регистрации прошений (Д. 41). Наибольшую важность с точки зрения информативности представляют «Журналы заседаний Бакинской бекской комиссии» (Д. 3–4, 7–8, 11–13, 15, 18–21, 29, 32). Также имеются постановления комиссии (Д. 30), прошения жителей (Д. 6, 25), списки лиц, получивших бекское достоинство (Д. 14, 42), список беков, получивших райятскую повинность (Д. 43), сведения о доходах беков (Д. 44), ведомости имений беков (Д. 45), описи (Д. 46–50), реестры протоколов комиссии (Д. 22, 24, 31). Интересны также ведомость жалоб на действия комиссии (Д. 26) и реестр посемейного списка лиц, обращавшихся в комиссию, но не получивших прав на потомственное или личное бекское достоинство (Д. 5). Особняком стоят выписки из книг о праве на воду и порядке орошения земель (Д. 10).

В делах фондов Бакинской и Шушинской бекских комиссий содержатся уникальные сведения о происхождении, образовании фамилий, генеалогии, сословном статусе и землевладении многочисленных ханских, султанских, меликских, агаларских и бекских родов региона. Изучение материалов Шушинской и Бакинской бекских комиссий позволит обогатить новыми сведениями генеалогов, этнографов, а также будет полезно для специалистов, интересующихся экономической и политической историей Азербайджана.

МАТЕРИАЛЫ ЭРИВАНСКОЙ БЕКСКОЙ КОМИССИИ КАК ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Одним из важнейших источников по генеалогии привилегированных сословий Южного Кавказа являются материалы так называемых бекских комиссий¹. В делах Тифлисской, Эриванской, Шушинской и Бакинской бекских комиссий содержатся уникальные сведения о происхождении, образовании фамилии, генеалогии, сословном статусе и землевладении многочисленных ханских, султанских, меликских, агаларских и бекских родов региона. В этой связи одной из важных задач, стоящих перед исследователями кавказской генеалогии является выявление и ввод в научный оборот архивных документов, отражающих деятельность данных учреждений.

Летом 2005 г. нам довелось поработать с документами Эриванской бекской комиссии в Национальном Архиве Армении (далее: НАА) (фонд 89). Фонд включает в себя 32 архивных дела объединенных в одну опись (приведена в приложении № 1 к статье). Некоторым результатам проделанной работы и посвящена настоящая заметка.

Как известно из литературы Эриванская бекская комиссия начала свою работу в июне 1865 г. и завершила ее 10 июня 1867 г.² Согласно утвержденной Наместником Кавказским «Инструкции Эриванской Бекской Комиссии» в ее задачи входило: «приведение в известность и определение прав на принадлежность к высшим сословиям по всем уездам Эриванской губернии, кои образовались из бывших ханств Эриванского и Нахичеванского». Т.о. деятельность комиссии распространялась на Эриванский, Эчмиадзинский, Новобаязетский (бывшее Эриванское ханство), Нахичеванский и Ордубадский (бывшее Нахичеванское ханство) уезды, а также на Мигринский участок, незадолго до этого присоединенный к Ордубадскому уезду от Шушинского³.

¹ Подробнее о бекских комиссиях см.: Э.Э.Исмаилов. Бекские комиссии и проект положения о правах высшего мусульманского сословия Закавказья // Генеалогический вестник. Вып. 9. Санкт-Петербург, 2002. С. 47–51.

² С.С.Мкртчян. Ереванская бекская комиссия // Вестник общественных наук АН АрмССР. Ереван, 1990. № 9. С. 33–38 (на армянском языке).

³ НАА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

Подробный анализ деятельности Эриванской бекской комиссии не входит в задачи настоящей статьи. Приведем лишь некоторые цифры.

По подсчетам исследователей в ходе своей работы в Эриванском, Эчмиадзинском и Новобаязетском уездах комиссия рассмотрела обращения 1483 семей. Было признано привилегированное происхождение 516 семей. В Нахичеванском и Ордубадском уездах рассмотрены обращения 259 семей, из которых 128 были признаны в потомственном, а 12 в личном бекском достоинстве. Отдельно рассматривались жалобы лиц недовольных решениями комиссии (их поступило 40 и 39 соответственно)⁴.

С точки зрения генеалого наиболее информативны «Журналы Эриванской бекской комиссии» (Д. 22, 25–27). В журналах содержатся обращения претендента на бекское достоинство, перечень и описание представленных им документов (в том числе посемейный список, родословная, иногда копии фирманов и других актов), сведения о фамилии, которую семья желает утвердить, и родственниках, не упомянутых в росписи. Значительный интерес представляют также мнения членов комиссии о достоверности сведений сообщаемых просителем. Родословные таблицы в делах фонда встречаются достаточно редко. Обнаруженные нами по форме и набору информации напоминают таблицы, прилагаемые обычно к делам о причислении к российскому дворянству.

Дополнительную информацию содержат сохранившиеся обращения (прошения) отдельных лиц, а также жалобы на решения чиновников комиссии. В этих обращениях просители, как правило, приводили расширенную аргументацию своего привилегированного происхождения, зачастую подкрепляя ее необходимыми документами и письменными свидетельствами (Д. 4–5, 7, 9).

В этой связи важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Количество жалоб на действия комиссии было достаточно велико. В некоторых из них указывалось, что члены комиссии «беками признают только тех лиц, которые не отказываются давать им взятки» и «члены комиссии до настоящего момента получили от разных лиц взяток до 35 тысяч руб.»⁵. Большинство жалоб было рассмотрено и отвергнуто. Однако наличие подобных фактов заставляет в ряде случаев с осторожностью относиться к решениям комиссии.

⁴ С.С.Мкртчян. Указ. соч. С. 37.

⁵ НАА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 4. Л. 56–57; С.С.Мкртчян. Указ. соч.

Отдельный интерес представляют составленные комиссией списки (посемейные, алфавитные, поверочные и т.д.) беков (Д. 5–6, 8, 24, 28).

К сожалению, в рассматриваемом фонде сохранились не все документы Эриванской бекской комиссии. Так например не удалось обнаружить решений по целому ряду семей привилегированное положение которых не вызывало сомнений. Возможно, данные материалы остались в грузинских архивах, откуда рассматриваемый фонд поступил в Ереван.

В приложениях публикуются опись дел Эриванской бекской комиссии, находящихся на хранении в НАА, а также выписки из журналов Эриванской бекской комиссии (выписки из дел №№ 22 и 26).

Приложение 1

НАА. Фонд 89. Опись 1.

№№ дел	Название дела	Даты	Кол-во листов
1	Проект правил о выборах в депутаты от бекского сословия в бекские отделения губернских правлений	б/д	1
2	Инструкция о работе Эриванской бекской комиссии, утвержденная Наместником Кавказским	1865	11
3	Отчет о деятельности комиссии, переписка с департаментом судебных дел о порядке выборов в члены комиссии и о ее работе, список членов и кандидатов в члены Эриванской бекской комиссии и др.	8 июня 1865 – 30 января 1868	214
4	Прошения отдельных лиц о восстановлении их в правах беков, документы подтверждающие их принадлежность к этому званию, жалобы на неправильные решения комиссии о признании отдельных лиц беками, переписка с Канцелярией Наместника и департаментом судебных дел по этим вопросам	24 декабря 1865 – 30 июля 1867	273
5	Списки лиц бекского звания по Орду-бадскому и Нахичеванскому уездам, прошения отдельных лиц о признании	8 июля 1867 – 16 июня	459

	их принадлежности к бекскому сословию с документами, подтверждающими их права, переписка с Канцелярией Наместника об этом	1870	
6	Проверка списков и протоколов Эриванской бекской комиссии в Главном Управлении Наместника Кавказского	20 февраля 1869	70
7	Заключения комиссии о некоторых лицах, претендующих на признание их беками, о которых необходимы дополнительные сведения из камеральных описаний	б/д	93
8	Справочник и личный список родов и лиц, признанных в бекском сословии бекскими комиссиями, но не утвержденными Советом Главного Управления Наместника	б/д	11
9	Заключения Совета по решениям бекской комиссии, опротестованные лицами, непризнанными в бекском звании	20 февраля 1869	348
10	Дело об утверждении бекских прав жителя села Буруни Эриванского уезда Ало Аги Мирза Ага оглы	20 мая 1866	4
11	Дело об утверждении бекских прав жителя села Буруни Эриванского уезда Ало Аги Мирза Ага оглы	20 мая 1866	4
12	Дело об утверждении бекских прав жителя села Буруни Эриванского уезда Авер Аги Намо Ага оглы	20 мая 1866	4
13	Дело об утверждении бекских прав жителя села Буруни Эриванского уезда Мирза Аги Ибрагим Ага оглы	20 мая 1866	6
14	Дело об утверждении бекских прав жителя села Буруни Эриванского уезда Мирза Сейдин Аги	20 мая 1866	3
15	Дело об утверждении бекских прав жителя села Аралых Эчмиадзинского уезда Гатембека Бархудар бек оглы	28 мая 1866 – 24 марта 1867	7

16	Прошение жителя Эриванского уезда Фати Аги Надыр Аги оглы об утверждении в бекских правах	20 мая 1866	1
17	Дело об утверждении в бекских правах жителя села Миланлы Эчмиадзинского уезда Бакир бека Гасан бек оглы	21 мая 1866	3
18	Дело по прошению жителя села Багсер Новобаязедского уезда Мелика Малуква о восстановлении его в бекских правах	16 июля 1866 – 1 октября 1867	8
19	Приложение к протоколу № 253 (документы Мустафа Аги Азиз бек оглы о бекском происхождении)	1867	3
20	Приложение к протоколу № 187 заседания бекской комиссии (документы Мелика Джумшуда Караман оглы, удостоверяющие его бекское звание)	1867	3
21	Формулярный список о службе делопроизводителя бекской комиссии Бихмана и переписка о предоставлении ему права на добавочное жалование	22 мая 1865 – 17 июля 1865	14
22	Журналы Эриванской бекской комиссии	24 сентября 1865 – 13 апреля 1866	542
23	Реестр дел Эриванской бекской комиссии	1865	47
24	Алфавитная тетрадь фамилий беков	1865	57
25	Журналы Эриванской бекской комиссии	26 марта 1866 – 6 марта 1867	397
26	Журналы Эриванской бекской комиссии	14 мая 1866 – 1 ноября 1867	554
27	Материалы Эриванской бекской комиссии	27 мая 1866 – 14 июля 1867	46

28	Алфавитная тетрадь фамилий беков	1866 – 1867	63
29	Материалы Эриванской бекской комиссии	1866 – 1867	4
30	Старая опись фонда (№ 1), составленная в 1954 г.	–	1
31	Старая опись фонда (№ 2), составленная в 1954 г.	–	1
32	Старая опись фонда (№ 3), составленная в 1954 г.	–	1

Журнал
Эриванской Бекской Комиссии
на 28-е Сентября 1865 года
 НАА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 22. Л. 107–108об

№№ статей п/п	Слушали	Резолюция
7	<p>Житель селения Зангелан, Мигринского Участка, Бегбуд Ага Джеваншир, 17 сентября представил список семейству своему происходящему от Исмаил Хана Джеваншир и родословную и при том при-совокупил, что прочие родственники его живут в Шушинском уезде и что фамилию желает получить ту же, какую имели предки его: «Джеваншир». По списку показан проситель Бегбуд Ага и братья его: Абдул Самед Бек и Теймур Бек и в списке пояснено, что владели прежде и владеют в настоящее время деревнями: Зангелан, Мушулан Ичари, Мушулан Крах, Хорорма, Татар и Барабатун – в Ордубадском и другими деревнями в Шушинском и Нахичеванском Уездах. Как же по списку не показаны члены женского пола и лета каждого члена, что согласно журналу комиссии на 24-го сентября просителю послана повестка за № 107, о доставлении этих сведений в двух</p>	<p>По рассмотрении представленных Бегбуд Агою списка и родословной, присутствовавшие выборные лица единогласно отозвались, что проситель действительно происходит по прямой мужской линии от указанного им родоначальника Исмаил Хана Джеваншира, потомки которого при Персидском правительстве пользовались наследственно бекским званием и никто из них ни при Персидском, ни при Русском правительстве не был лишаем этого звания. Поэтому Бекская Комиссия полагает: составить об этом протокол сообразно 9, 14, 19 и 21 § инструкции, по получении же затребованных сведений войти в суждение о наличном составе семейства.</p>

	<p>недельный срок с получения повестки, каковые и ожидаются. Родословная указывает, что предок просителя был Исмаил Хан Джебваншир; сын Исмаил Бегбуд Али Ага, сын Бегбуд мирза Али Бек, у которого было три сына: Али Бек и Агалар Бек потомство которых не показано по родословной и Бегбуд Бек, сын которого Мамед Бек – отец просителя Бегбуд Аги. По камеральным описаниям проситель записан по селению Зангелан происходящим из рода бывших ханов Карабагских.</p>	
--	--	--

Приложение № 3

**Журнал
Эриванской Бекской Комиссии
На 2-е Июня 1866 года
НАА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 26. Л. 22–23**

№№ статей п/п	Слушали	Резолюция
1	<p>Прошение жителей города Эривани, Подпоручика Али хана, Поручика Багир Хана и Абас Кули Хана Могбали Хан Оглы поданное 21 мая сего года с списком семейству их, происходящему от прежнего ханского рода и с родословною. Справка: По камеральному</p>	<p>По выслушании всего изложенного присутствовавшие выборные члены, кроме Абас Кули Хана Могбали Хан Оглы, который по участию в сем деле, устранил себя от суждения по оному, – единогласно отозвались, что семейство просителей, в том именно составе как значится по списку и действительно происходит по прямой мужской линии от указанного ими предка Гусейн Али Хана, властвовавшего в Эривани при Персидском правительстве наследственно после</p>

	<p>описанию 1859 года все члены этого семейства записаны по городу Эривани в числе ханов и чиновников и разности в личном составе не встречается.</p>	<p>брата своего Гасан Али Хана, после же него властвовали в ханстве сыновья: Кулам Али Хан и Магомет Хан, третий же сын Гусейн Али Хана, Капитан Мамед кули хан управлял городом Гамаданом до присоединения Эриванского ханства к России, и что как в то время эти лица, так и при нашем правительстве никто из их наследников ханского звания лишаемы не были, к этому два члена присокупили: один Поручик Арсен Султан Кегамов, что по назначении вместо Магомет Хана другого правителя в Эриванском ханство значительные имения первого обращены в состав Государственных имуществ Персии и находилось в оном до присоединения ханства к России, по явке же в Эриван брата Магомет Хана, Капитана Мамед Кули Хана, при нашем уже правительстве ему возвращены некоторые деревни, которые и теперь находятся во владении внука его – просителя Абас Кули Хана и другой Полковник Джафар Ага, что во время нахождения своего в Тегеране он был личным свидетелем как на придворном выходе Фатали Шаха Магомет Хан занимал место выше всех сановников, представлявшихся Его Величеству. За тем относительно предоставления избранной фамилии никто из выборных членов с своей стороны не заявил никакого препятствия. В следствие этого Эриванская Бекская Комиссия полагает о признании прав просителей составить протокол соответственно 9, 11, 14, 19, 21 и 25 §§ инструкции.</p>
--	---	--

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

При поступлении в учебные заведения Российской империи студенты обязаны были предъявлять определенный «пакет документов» – метрические свидетельства, аттестаты, документальные сведения о родителях и т. п. Эти документы, представляющие большой интерес для исследователей, в настоящее время находятся на хранении в основном в архивах России и Украины.

В предыдущем выпуске нашего сборника в рубрике архивные материалы были представлены метрические свидетельства видных деятелей Азербайджанской Демократической Республики: Фатали хана Хойского и братьев Исмаил хана и Адыль хана Зиядхановых. Оригиналы данных метрических свидетельств находятся на хранении в Центральном историческом архиве Москвы в фонде Императорского Московского Университета, юридический факультет которого окончили Фатали хан Хойский и братья Зиядхановы.

В настоящем выпуске сборника читатель может ознакомиться с таким «пакетом документов» на примере студента Санкт-Петербургского Технологического института – Джавада Хаятова*. Так, в «списке студентов Технологического Института Императора Николая I» за 1900 – 1901 учебный год было отмечено, что житель г. Шуши *Хаятов Джават Машади-Агмед-Оглы* при поступлении в институт предоставил следующие документы: 1) Акт Шушинского реального училища от 10 июня 1894 г. за № 242; 2) Дополнительное свидетельство того же училища от 12 июня 1895 г. за № 328; 3) Свидетельство Шнитского Губернского Меджлиса от 7 августа 1882 г. за № 218 о рождении; 4) Увольнительное свидетельство *Татарского Общества* г. Шуши от 10 июня 1895 г. [см.: библиотека РГИА. № 2745. Л. 12–13].

Вышеперечисленные документы находятся на хранении в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Они были выявлены и подготовлены для публикации (за исключением аттестатов) Э. Э. Исмаиловым.

* О семье Хаятовых см.: Ismayilov E.E. Nəyatovlar, onların əmələ gəlməsi və nəslin əsas xətti (Məşədi Əhməd Nəyatovun nəslı) // «ATŞCnin Xəbərləri». 2-ci buraxılış. Bakı, 2001. S. 58–70; Исмаилов Э.Э. Хаятовы, их происхождение и старшая линия рода (потомки Мешади-Ахмеда Хаятова) // «Известия ИИРО». Вып. 2. Баку, 2001. С. 70–83.

[Метрическое] Свидетельство [№ 218] [Копия]

Дано сие из Елисаветпольского Шиитского Губернского Меджлиса в том, что Шушинский житель Джавад Машеди Ахмед оглы Хаятов родился от законного супружества отца своего Машеди Ахмеда Машеди Гасан оглы Хаятова, с однопороджанкою Гюллою Гаджи Джафар кызы тысяча восемьсот семьдесят третьего года Декабря четвертого дня и что во время рождения и обрезания совершены над упомянутым Джавадом Хаятовым необходимые молитвы, требуемые по Религии Шиитского Учения; в чем подписью и приложением Казенной Печати удостоверяется Августа 7 дня 1882 года.

Председатель Меджлиса [подпись].

Член Меджлиса [подпись].

И. д. Делопроизводителя [подпись].

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность этой копии с подлинником ея, представленным мне, Роману Александровичу Мерцу, С.-Петербургскому Нотариусу, в конторе моей, Спасской части, по Вознесенскому проспекту № 43, Шушинским жителем Джавадом Хаятовым, жительствоющим Московской части, по Можайской улице в д. № 18.

При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем почиток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. 26 Июля 1896 года. По реестру № 4661. Копия эта представляется в учебное заведение.

Нотариус [подпись].

[ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6797. Л. 10].

Свидетельство № 85 [Копия]

Дано сие из Шушинского Уездного Полицейского Управления окончившему полный курс учения в Шушинском Реальном Училище Джаваду Хаятову, вследствие прошения его в том, что он, Хаятов, значится записанным по посемейным спискам 1886 года по гор. Шуше под № 1624, в числе лиц податного звания, в чем подписью и приложением Казенной печати свидетельствуется Июня 10 дня 1895 года гор. Шуша. Свидетельство это оплачено гербовым сбором. За Шушинского Уездного Начальника [подпись]. Секретарь [подпись]. Делопроизводитель [подпись].

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что копия эта верна с подлинником ея, представленным мне, Роману Александровичу Мерцу,

СПетербургскому Нотариусу, в контору мою, Спасской части, по Вознесенскому проспекту № 43, Шушинским жителем Джавадом Хаятовым, жительствовавшим Московской части, по Можайской улице в д. № 18.

При сличении мною этой копии с подлинником, в последнем почисток, приписок, зачеркнутых слов и никаких особенностей не было. 26 Июля 1896 года. По реестру № 4651. Копия эта представляется в учебное заведение.

Нотариус [подпись].

[ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6797. Л. 12–12об].

Увольнительное [свидетельство]

Дано сие Татарским Обществом гор. Шуши одnogоразителю своему Джаваду Машеди Ахмед оглы Хаятову в том, что оно уволило из среды себя, приняв на себя платежи за него всех Казенных податей и повинностей до будущей ревизии, открывая ему тем путь к вступлению в высшее учебное заведение, в чем и подписуемся Июня 10-го дня 1895 года. Гор. Шуша.

[Далее 40 подписей].

Действительность подписей вышепрописанных удостоверяю подписью моею приложением Казенной печати. 17 Июня 1895 г. Г. Шуша.

Полицейский пристав 2 ч. г. Шуши [подпись].

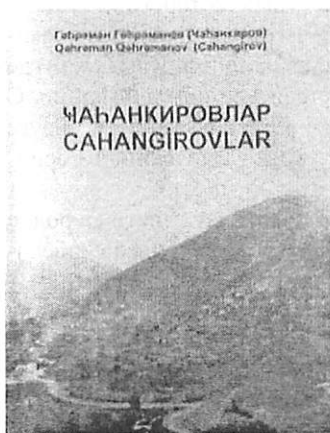
[ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 6797. Л. 22–22об].

БИБЛИОГРАФИЯ

З.А.Нуриева (Москва)

ДЖАНГИРБЕКОВЫ СОЗДАЮТ СВОЕ ДРЕВО

(О книге: Кахраманов К.Н. Джангировы.
Баку, 2002. 368 с., ил. 500 экз., на азерб. яз.)

В последние годы в Азербайджане можно наблюдать определенный интерес к исследованиям в области генеалогии. Люди пытаются отыскать свои корни, обмениваются друг с другом информацией, часто находят и неожиданных родственников. Результатом таких поисков и исследований становятся статьи и даже целые книги. Для конкретной семьи и рода ценность таких книг непревзойденна: детям и внукам достается богатая информация о происхождении семьи, ее истории, родственных связях по восходящей или нисходящей линиям, а также по горизонтали. Работа над подобными исследованиями для некоторых авторов связана с желанием довести до сведения общественности историю своего рода, рассказать о его достойных представителях, оставить, наконец, информацию для следующих поколений.

К числу таких изданий можно отнести книгу кандидата геолого-минералогических наук Кахрамана Нариман оглы Кахраманова об одной из известных фамилий Карабаха – Джангирбековых/Джангировых.

Не будучи историком, профессиональным исследователем, автор в течение длительного времени по крупицам собирал богатый материал по истории своего рода, обработал большой массив преимущественно устной информации о Джангирбековых/Джангировых, провел многочисленные беседы с оставшимися в живых представителями рода. Его интересовали не только сведения, реликвии, но и любые воспоминания о жизни и поступках старших членов семьи, о разных случаях из жизни, которые сохранились в их памяти. Следует отметить, что построение генеалогического древа открывает такие интересные стороны из жизни

рода, о которых никогда ранее не задумываешься, или, которые в силу тех или иных причин, не задерживаются в памяти. Так что эта работа, на наш взгляд, очень полезна и в познавательном, и в духовном плане.

Род Джангирбековых непосредственно связан с одним из древних и известных поселений Верхнего Карабаха – селом Туг, центром меликства Дизак, одной из административно-политических единиц, составлявших Карабахское ханство. В книге приводится краткая историческая справка об этом интересном с географической, стратегической и исторической точек зрения населенном пункте, о судьбе которого ничего не известно с тех пор, как он был захвачен в 1991 году армянскими боевиками. Это был достаточно крупный населенный пункт Карабаха, где проживали зажиточные беки, агалары, представители интеллигенции. С середины XIX в. в Туге функционировала единственная во всей округе сельская школа, где преподавали не только тугцы – выпускники Горийской семинарии.

Жители Туга – преимущественно выходцы из двух знатных родов Карабаха – Мелик-Егановых/Мелик-Аслановых и Джангирбековых/Джангировых. Их связывали крепкие родственные узы.

Именно в селе Туг Карабахского ханства (со второй половины XIX столетия – Шушинский уезд Елисаветпольской губернии) появился на свет основатель рода – Джангир бек, примерно 1770-х годов рождения, проживший, по данным автора, около 70–80 лет. Однако наиболее близко к реальным фактам генеалогия Джангирбековых в представленной книге восходит к Шукюр беку (род. ок. 1826 – ум. 1900), а родословные параллельных ветвей – к Магомеду (род. ок. 1826 – ум. 1896) и Мешади Аллахверану (род. ок. 1831 – ум. 1900) Джангировым. Даже графическое отображение родов Джангирбековых и Джангировых представлено автором раздельно. К.Кахраманов приводит нисходящие родословные этих фамилий, начиная с самого отдаленного из известных предков и, постепенно разворачивая до наших дней, переходит к его нынешним потомкам.

Помимо довольно скрупулезно составленных графических схем, автор приводит краткие биографические сведения практически обо всех представителях рода Джангирбековых/Джангировых, публикует фотографии своих героев. Это очень ценная сторона книги особенно для молодого поколения: помимо скупой информации, характерной для генеалогического исследования, предоставляется возможность многое узнать о старейшинах и нынешних представителях.

Еще одной примечательной особенностью книги К. Кахраманова является то, что автор не ограничивается представлением родословной

только мужской линии рода, но дает также и обширную информацию о женских представителях рода. В результате в книге рассказывается обо всем потомстве родоначальника, как по мужским, так по женским линиям. Подобная родословная, не являясь историей одной фамилии, охватывает часто огромное количество родов, происходящих от одного родоначальника. Благодаря этому, можно проследить интересные родственные переплетения Джангирбековых – Джангировых – Мелик-Егановых – Мелик-Аслановых, которые имеют продолжение и в наши дни.

Естественное стремление не упустить время для создания книги о своем роде (фамилия Кахраманов была принята отцом автора в память о деде и погибшем в Великой Отечественной войне брате Кахрамане) не уберегло его, к сожалению, от некоторых неточностей.

Самым, пожалуй, досадным пробелом книги является то, что основные сведения, связанные, казалось бы, с недавней историей не подкреплены архивными документами. Хотя, как можно предположить, по крайней мере, в камеральных описаниях селений Елисаветпольской губернии за 1873 и 1886 гг., находящихся на хранении в Государственном историческом архиве Азербайджанской Республики, содержится ценнейшая информация обо всех сословиях Карабаха, в том числе и о бекских, к коим принадлежали Джангирбековы.

Любовь к своим родственникам и гордость за их положительные деяния настолько сильно перехлестывает чувства автора, что в своем повествовании он с трудом воздерживается от восторженных эпитетов и характеристик.

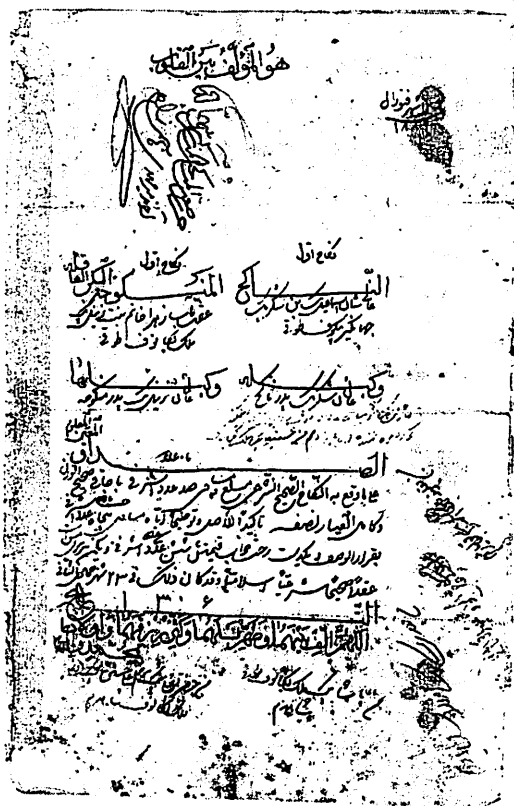
Нет сомнения, что написанная пусть даже на любительском уровне эта книга станет серьезным подспорьем для тех, кто когда-нибудь возьмется за продолжение начатого К. Кахрамановым благородного дела – создания документально подтвержденной и научно описанной истории рода Джангирбековых/Джангировых.

К слову, родословная Джангирбековых привлекла естественный в данном случае интерес не только у ее представителя – К. Кахраманова. Известный исследователь, один из постоянных авторов нашего сборника, Энвер Чингизоглу также обратился к этой фамилии в своей статье в журнале «Сой» (см.: «Soy». Elmi-kütləvi dergi. № 1. Bakı, 2003).

Небезынтересный, но очень характерный для советского периода факт. В данной статье мы ведем речь о фамилии Джангирбековых, чья принадлежность к бекскому сословию подтверждается архивными материалами, в то время как две другие ветви рода по праву носят фамилию Джангировых. Однако, под влиянием известных процессов совет-

ского периода, практически все представители рода Джангирбековых в одночасье стали Джангировыми. И только третий сын Шукюр бека – Рагим бек, несмотря на серьезные угрозы репрессий, сохранил свою фамилию.

Как было отмечено выше, представители всех бекских родов селения Туг были тесно связаны между собой родственными узами. Пользуясь случаем, представляем вниманию читателей брачное свидетельство Исмаил бека Джангирбекова и Захры ханым Мелик-Егановой (оригинал и в переводе на русский язык), составленное в 1889 г. известным азербайджанским исследователем и писателем ахундом Мир Мехти Хазани (Мир Мехти Мир Хашим оглы), оригинал которого хранится в семейном архиве Асифа Джангирова.

Данная копия брачного свидетельства подготовлена
Ахундом Мир Мехти Хашимизаде

12 февраля 1889 г.

Вступающий в брак в первый раз Исмаил бек, сын Шукюр бека, Джангирбекова Тугского.

Поручитель – Шукюр бек, отец вступающего в брак.

Вступающая в брак в первый раз: достигшая брачного возраста Захраным, дочь Зейнал бека Мелик Еганова Тугского.

Поручитель – Зейнал бек Мелик Еганов, отец вступающей в брак

ВЫКУП И ПРИДАНОЕ

Заключается правильный, законный брак, подкрепленный ниже-следующей имущественной составляющей:

сто золотых ашрафи точного веса и полной пробы, при этом, согласно договоренности как подтверждение подлинности намерений сразу вносится половина суммы в пятьдесят ашрафи; один полный набор спальных принадлежностей ценой в шесть ашрафи и три килограмма медной посуды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

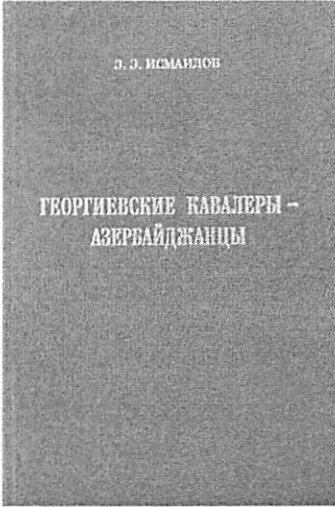
Данный правильный мусульманский брак заключен согласно шариату 23 числа месяца джумада ас-сани 1306 года Хиджры.

Господи, во имя Мухаммеда и его рода, соедини их, очисти их помыслы, увеличь их пропитание и дай им много детей!

СВИДЕТЕЛИ

Паша бек Мелик Еганов Тугский
Хыдыр Таги бек Мирали Гусейн бек оглы Мелик Еганов
Бейляр бек Мухаммед Аббас Искендер бек оглы
Кербалаи Гусейн Али Гаджи Акпер бек оглы Тугский
Гейдар бек Мелик Асланов

ГЕРОИ-ХРАБРЕЦЫ, ОТМЕЧЕННЫЕ ПО ЗАСЛУГАМ
(О книге: Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры – азербайджанцы.
Москва: Герои Отечества, 2005. 248 с., ил. 1000 экз.)

Российская империя неизменно оставалась в кругу великих держав. Ее международный авторитет определялся экономической и военной мощью сложившегося под скипетром Романовых огромного евразийского государства. Многонациональный состав населения России, где верховная власть сумела создать достаточно благоприятные возможности как для сохранения разными народами своей культурной самобытности, так и для приобщения их отдельных представителей при желании к европейской цивилизации, ощущался на всех уровнях и во всех сферах, в том числе в военной.

Представители мусульманских народов Кавказа, и, в частности, азербайджанцы, занимали, как известно, заметное положение среди командного состава российской армии. Многие уроженцы Северного Азербайджана, вошедшего в состав Российской империи оказались удостоенными боевых наград за храбрость, проявленную на полях сражений. О тех из них, кто были награждены «Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия» – самым почетным для офицеров и генералов, подробно рассказывается в книге известного азербайджанского генеалога Э.Э. Исмаилова, ныне постоянно проживающего в Москве.

Эльдар Эльхан оглы Исмаилов – заместитель председателя Азербайджанского историко-родословного общества, действительный член Историко-Родословного Общества в Москве, член-корреспондент Международной генеалогической академии (Франция). Он является главным редактором сборника «Известия Азербайджанского историко-родословного общества». Ранее им были опубликованы более тридцати научных статей, а также две монографии: «Правители Азербайджана. Хронологические и родословные таблицы» (Баку, 1998) и «Генеалогия

Тальшинсх-Тальшхановых» (Баку, 2001). Эти работы заслуженно привлекли к себе специалистов.

В своей новой книге Э.Э. Исмаилов постарался с максимальной полнотой реконструировать списки азербайджанских героев русской армии, награжденных орденом Святого Георгия и Золотым оружием с надписью «За храбрость» (Георгиевским оружием), с 1840-х гг. до 1917 г. Далее он представил краткие биографии этих лиц (всего их оказалось 19).

Впечатляет исключительная фундированность рецензируемого исследования, самого первого по данной конкретной тематике в исторической науке. Оно основано не только на данных, заимствованных из справочников и специальной литературы, но в первую очередь – на архивных (наиболее ценных) и газетных материалах, а также на сведениях мемуарного характера. Обзор источников и историографии составляет особый раздел в монографии.

Хотя в книге суммируются результаты долгих и очень серьезных научных изысканий, изложены они вполне доступно для широкого читателя, а местами – просто увлекательно. И неудивительно. Ведь увлеченность исследователя помогает ему передать другим, даже через протокольное цитирование военных приказов, возникшее некогда у очевидцев и современников чувство восхищения геройскими подвигами лихих командиров – кавалеристов, артиллеристов, пехотинцев.

Отдельные биографические очерки следуют в хронологическом порядке. По внутренней структуре и характеру изложения фактов они сознательно приближены к формулярным спискам, которые и служили, как правило, для них в отношении фактологии главным исходным материалом.

Самым первым из азербайджанцев георгиевским кавалером оказался полковник Исмаил бек Куткашинский (1806–1861), боевой офицер и ветеран нескольких войн (позднее – генерал-майор). Он получил орден Св. Георгия 4-й степени в 1843 г., после двадцати с лишним лет службы (в основном в «горячих точках» на Кавказе).

Непосредственно в ходе военных действий первым удостоился той же награды полковник Гасан бек Агаларов, помощник командира Закавказского конно-мусульманского полка (в дальнейшем – генерал-лейтенант). Он отличился в сражении при Дебрецене 21 июля 1849 г. (во время усмирения Венгрии и Трансильвании)*.

* Отметим попутно, что правильная современная русская транслитерация названия данного венгерского города – именно «Дебрецен», а не «Дебречин», как

Орденом Св. Георгия 3-й степени офицер-азербайджанец впервые был награжден в 1881 г. Этим георгиевским кавалером стал подполковник (позднее – генерал-майор) Нейматулла бек Гайдаров (1827–1901), отличившийся при взятии русскими войсками под командованием М.Д.Скобелева туркменской крепости Геок-Тепе.

Следует особо отметить, что большинство удостоенных ордена Св. Георгия и Золотого оружия офицеров и генералов из числа уроженцев Северного Азербайджана принадлежало к тамошней высшей аристократии. Многие происходили из бекских и ханских семей. Среди них – отпрыски ханов Нахичеванских, Бакинских, Тальшинских, Эриванских, а также принцы Персидские (из шахской династии Каджаров).

Весьма уместными выглядят те дополнения, которыми автор считал нужным снабдить свою книгу. Это прежде всего очерк истории российского ордена Св. Георгия с момента его учреждения 26 ноября 1769 г. Ориентироваться в рассматриваемых в книге сюжетах читателю-неспециалисту несомненно помогут и два небольших, но очень полезных, приложения. Таковы оформленные в виде таблиц: «Российская табель о рангах по состоянию на начало XX века» и «Система иерархии российских орденов».

Капитальный труд Э.Э.Исмаилова представляет интерес для всех интересующихся славным прошлым нашего Отечества, и в особенности для военных историков, генеалогов и фалеристов.

Книга иллюстрирована портретами тех георгиевских кавалеров, о которых в ней рассказывается. Этот иллюстративный материал частично заимствован из прежних изданий, но по большей части здесь использованы фотографии из музейных собраний и семейных архивов. Издание в целом вполне заслуживает те весьма лестные отзывы, которыми снабдили его (в качестве предисловия и послесловия) оба научных редактора – С.В.Думин и А.Б.Джангиров.

обозначено в рецензируемой книге (с. 20, 53, 79, 81). Это относится и к некоторым другим топонимам – «Кошице» в Словакии (с. 80: «Кошиц») и т.д.

Е.В.Пчелов (Москва)

ХАНСКИЙ РОД НА СЛУЖБЕ РОССИИ
(О книге: Нагдалиев Ф. Ханы Нахичеванские
в Российской Империи.

Москва: Новый Аргумент, 2006. 432 с., ил. 1000 экз.)

Книга Фархада Нагдалиева «Ханы Нахичеванские в Российской Империи» представляет генеалогию и историю нескольких поколений одной из выдающихся ханских династий мусульманского Кавказа. Сам автор, будучи потомком этого прославленного рода, много лет собирал сведения о своих предках и родственниках, тщательно работал с архивными документами, глубоко проанализировал историографию, обобщил внушительный фактический материал и представил его на суд читателей в увлекательной форме исторического повествования. Получился серьезный научный труд, многоплановый и неординарный, который заслуживает большого внимания

и, безусловно, представляет собой яркое явление в современной научной генеалогической и просопографической литературе. Хотелось бы поделиться некоторыми впечатлениями и соображениями по поводу этой интересной книги, исходящими от не специалиста в области истории Кавказа, но по ходу исследовательской работы так или иначе сталкивающегося с кавказской тематикой.

В последнее время генеалогическая историография постепенно пополняется всё новыми и новыми книгами по истории отдельных родов. Можно даже сказать, что «генеалогическая история рода» (или «хроника рода») стала одним из жанров исторического исследования. Впрочем, нужно заметить, что качественный уровень таких книг не всегда может удовлетворить специалиста по генеалогии. Это, конечно, за-

висит от того, какую цель преследовал автор, какие задачи перед собой ставил. Иногда это просто беллетризованное повествование, своего рода литературный нарратив, который, может быть, читать интересно, но в полной достоверности которого приходится сомневаться. Обычно это удел писателей, которые, как известно, очень часто почему-то считают, что могут заниматься историческими сюжетами, не имея ни исторического образования, ни элементарных навыков профессионального труда в этой науке. Другой пример, когда за дело берутся литературоведы или специалисты иных гуманитарных сфер – их интересует не история рода / семьи как таковая, а те или иные аспекты творческой деятельности отдельных его представителей. Тогда получаются книги по типу петербургской серии «Предания русского семейства», само название которой уже настраивает на определённый лад. Эти книги – очень содержательные и качественные, но всё-таки это не просопография и не «биография семьи». Создать действительно *историю рода* – так, чтобы это был не сборник биографий, и не рассказ об отдельных сюжетах – дело довольно сложное. Надо сказать, что Фархаду Нагдалиеву это в целом, по моему, удалось. Его книгу отличает «сквозной» характер повествования, когда биографическая и генеалогическая информация умело вплетается в ткань общеисторического процесса, и замечательное сочетание строгой документальной основы со способным заинтересовать читателя стилем изложения. Это не чисто научная монография, и не беллетризованный исторический нарратив – это именно та форма, в которой и нужно, наверно, писать *хорошие* исторические книги-исследования, которые однозначно полезны для специалиста и вполне подходят для восприятия грамотного дилетанта (в это слово, конечно, не вкладывается здесь никакого негативного оттенка). Книга *сделана* очень хорошо, и думаю, что многие читатели познакомятся с ней с большим интересом.

Но главное, конечно, сама тема. История ханских родов мусульманской части Кавказа изучена ещё слабо. На русском языке совсем почти нет никакой информации, да и на азербайджанском, кажется, её не слишком много. Серьёзными изысканиями занимается Азербайджанское Историко-родословное общество, есть отдельные работы монографического плана (Э.Э. Исмаилова, например), изучается история принцев Персидских – династии Каджаров... Но какого-то целостного представления о системе, истории, генеалогических связях знатных азербайджанских (да и северокавказских) родов в историографии пока не создано. Нет сомнений в научной актуальности исследований монографического плана об отдельных родах, и показательно, что одним из первых таких родов стал род ханов Нахичеванских. Более или менее знакомому

с историей человеку этот род известен прежде всего фигурой генерала от кавалерии Гусейна Хана Нахичеванского, причём, как правило, только одним, известным фактом его биографии. В трагические мартовские дни 17-го года он оказался одним из немногих военных высокого ранга, кто выразил однозначную поддержку императору Николаю II, резко контрастировавшую с общим настроением военного командования. И хотя потом, в мемуаристике, возникла странная версия, что, якобы, телеграмма хана была написана не им и отправлена без его ведома (автор книги опровергает эту ложь, хотя уделяет её анализу не слишком много места), сам этот факт настолько диссонирует с моральной ситуацией тех дней, настолько выпукло и ярко характеризует обстановку, условия, атмосферу февральско-мартовских событий, что ныне становится почти хрестоматийным. Замечу, что верными своему Государю, присяге, а значит и Отечеству, остались из генералов только Гусейн Хан Нахичеванский и граф Ф.А. Келлер – представители титулованных аристократических родов, в то время как Алексеев, Рузский, Брусилов и другие заняли прямо противоположную позицию.

Но помимо хана Гусейна род нахичеванских владетелей дал истории многих выдающихся представителей, интересных личностей, оставивших след в судьбах и Азербайджана, и Персии, и России. Нахичевань вообще представляла собой примечательное геополитическое явление – это была почти «контактная зона» (исследование таких «зон» – одно из солидных направлений современной исторической науки), находящаяся *между* разных стран и культур, но сохранявшая самобытное культурное своеобразие. Историю ханов Нахичеванских можно представить только в контексте истории этого региона в целом и истории тех стран, в орбиту которых он включался. Книга, бесспорно, учитывает этот контекст. Вообще всё повествование в ней складывается на фоне исторических событий Кавказа, Персии, России со времён позднего Средневековья (первый очерк, этнографического характера, «заглядывает» и глубже). Поскольку род ханов Нахичеванских был связан со многими сюжетами политической и военной истории нескольких государств, Фархад Нагдалиев внимательно описывает этот «фон», делая по ходу немало важных общен исторических наблюдений. Автор стремится быть понятным своим читателям: в частности, книгу сопровождают три словаря (именной, географический и терминологический) и карты. Он особенно останавливается на ряде узловых моментов в истории рода и «мира» – на происхождении кенгерлинского племени, ранней истории Нахичеванского ханства, на полузабытом Дербентском походе 1796 г., русско-персидских войнах первой трети XIX в., событиях Кавказского

театра Восточной (Крымской) войны, на Баязетской эпопее, Ахал-Текинских походах, Русско-японской и Первой мировой... Есть, конечно, и немало мирных сюжетов, таких как деятельность бекских комиссий при Александре II.

Объективно и правдиво излагая все эти события, причём в большинстве случаев языком источников (обильное цитирование документов – важная и в высшей степени похвальная особенность книги!), автор вносит свою лепту в развенчание исторической мифологии, всей той псевдоисторической галиматии, которую нагромоздили вокруг безответственные, малокультурные и абсолютно некомпетентные сочинители романов и «сниматели» кинолент. Вся эта помойная шелуха, потоками охватившая сознание массового читателя и зрителя, рассыпается при обращении к историческим источникам и подлинным исследованиям – и хотя «силы неравны», правду отстаивать необходимо. Яркие примеры – идиотские фильмы о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и глава книги под названием «Баязет», общераспространённое представление о Восточно-Прусской операции (и генерале П.К. Ренненкампе) и строго документальная глава «Великая война» (в соответствии с аутентичным русским названием этого события). Внимательное отношение к источнику, понимание самой сути исторического прошлого – отличительные особенности книги Ф. Нагдалиева.

Ещё один важный, ключевой аспект книги связан с существенной проблемой более общего характера. Это тема службы рода ханов Нахичеванских России. Автор показывает, как довольно-таки упорно Келб-Али Хан в начале XIX в. добивался покровительства России, преследуя при этом, разумеется, и свои собственные интересы (иными словами, инициатива исходила от нахичеванской «стороны»), как произошло поступление членов рода на русскую службу и как ханский род служил в дальнейшем, проявляя чудеса героизма и свято храня верность императорскому престолу. Так, со временем нахичеванские владетели стали настоящими русскими патриотами. И в этом, конечно, прямой «выход» на общую проблему – взаимодействия, взаимовлияния, диалога или сближения двух культур – разноплановых и заметно удалённых друг от друга. Местная элита, жившая по совершенно своим законам и обычаям, имевшая свою, принципиально отличную культуру, корни которой ещё явственно уходили в родовой строй, вошла в элиту другой «цивилизации», другой культуры, во многом ориентировавшейся на европейские образцы. Восток в очередной раз встретился с Западом и на «восточной стороне» произошёл любопытный симбиоз.

Фархад Нагдалиев на страницах своей книги прекрасно продемонстрировал, насколько взвешенной и разумной (хотя далеко и не всегда) могла быть политика Российской Империи по отношению к «окраинным» иноверцам и инородцам, какую мощную, культуртрегерскую роль играл российский центр в отношениях с национальными перифериями, какое большое внимание уделялось местным элитам. И хотя мусульманские элиты оказывались в ином статусном положении, нежели, например, грузинская, они, сохраняя свою веру и традиции, приобретали совсем новый, «европеизированный», а вернее, «русифицированный» облик – это были настоящие «русские» (или даже «европейские») азербайджанцы (остававшиеся тем не менее азербайджанцами), высокообразованные, высококультурные, высокоразвитые личности. Российская Империя вообще смогла создать какую-то удивительную «породу» людей долга, чести, ума и культуры, органично соединявших в себе национальный «базис» с самой высокой европейской «надстройкой». И это было не поверхностное заимствование, не искусственное навязывание (как происходило в советский период), а именно органическое соединение. Блестящая плеяда представителей рода ханов Нахичеванских рубежа XIX–XX вв. – тому яркое подтверждение. Достаточно, например, одного взгляда на фотографию утончённого аристократа с удивительным чувством достоинства – Николая Хана-Нахичеванского, чтобы ощутить всю неповторимость этих людей «нового типа» – подлинной элиты тогдашней России. До сих пор роль этого слоя, этого круга лиц в культурной, военной, политической жизни тех лет по достоинству не оценена. Книга Ф. Нагдалиева позволяет это сделать на примере хотя бы одного рода. Но этот пример показателен.

Показательно и то, что произошло потом. Последняя глава книги – это история разрушения и трагедий. В очередной раз с горечью понимаешь, что суть не в масштабе репрессий, а в их направленности (и избирательности) – можно уничтожить не столь уж многочисленный культурный слой (а он и не может быть многочисленным по определению) и произойдёт обвальная деградация. Род русских аристократов Ханов Нахичеванских не миновали ни высылки, ни аресты, ни убийства. Разные судьбы и разные пути разметали их по всему миру. Это общая судьба носителей русской культуры в XX веке...

В заключение не могу не отметить ещё ряд моментов. Некоторые важные вопросы в книге только поставлены: их прояснение и исследование – дело будущего. Во-первых, это вопрос о титуле и о статусе. Я думаю, что автор не прав, полагая, что разрешение представителям рода Каджаров пользоваться титулами «Светлости» и «Сиятельства» означа-

ет официальное получение княжеского титула Российской Империи (с. 133). На самом деле, это не пожалование титула, а разрешение пользоваться уже имевшимся, иностранцам, перешедшим на русскую службу. Также неверно, будто бы все грузинские владетели (Картли-Кахетии, Имеретии, Мингрелии, Гурии, Абхазии) получили титулы Светлейших князей (с. 128) – это касалось лишь нескольких семей. В связи с этим встаёт вопрос о титуле Ханов Нахичеванских в России (с. 133–134). По туманным сведениям, в какой-то степени подтверждаемым письменными источниками личного происхождения, княжеский титул был за Нахичеванскими признан. С другой стороны, важно понять как трактовалось и понималось наименование «хан» в антропонимах применительно к России – как часть фамилии, как предикат или как «природный» титул (что и могло обусловить соответствующее обращение в документах). Другой вопрос, обозначенный автором, это – межконфессиональные браки и отношения в дворянской среде Империи (с. 219), внимание к которому привлекла женитьба Гусейна Хана-Нахичеванского на Софье Николаевне Гербель.

Наконец, для генеалoga наиболее ценны родословные росписи с подробными биографиями по родам ханов Нахичеванских и беков Кенгрелинских, составленные чрезвычайно тщательно. Книга иллюстрирована массой интересных репродукций и портретных изображений основных персонажей. Иными словами, она представляет собой по сути энциклопедию рода. В целом книга Фархада Нагдалиева – это, на мой взгляд, очень качественное и серьёзное исследование, воссоздающее генеалогическое древо замечательного рода и открывающее новые страницы нашей общей истории.

О КНИГЕ:

Мансуров Э.Б. Мансуровы. История рода.

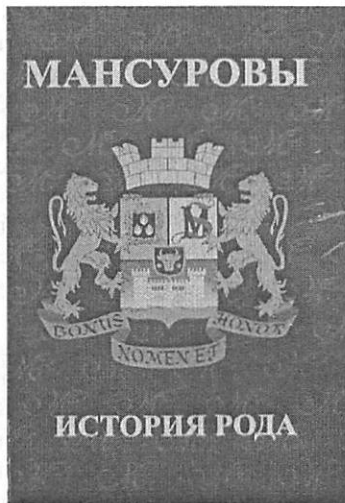
Баку: «EQ», 2007. 128 с., ил. 300 экз.

Книга «Мансуровы. История рода» по жанру относится к историко-биографической литературе. Книга посвящена роду Мансуровых, внесшему огромный вклад в становление и формирование нашей столицы на рубеже эпох. Одновременно эта книга путеводитель по истории Баку, особенно его старой части – Ичери шэхер. Автор книги – композитор Эльдар Мансуров – на протяжении более 20 лет работал в архивах и библиотеках, по крупицам собирал документы, фотографии, воспоминания, исторические материалы, перечитал не один десяток книг по истории Баку, встречался с историками и аксакалами, беседовал с жителями Баку –

в основном, выходцами из Ичери шэхер. На основании исторических фактов автор представил на суд читателей не только историю своего рода. Перед нами раскрывается история города Баку, его архитектура, развитие экономики, быт, нравы, вкусы и интересы горожан того периода.

Издание богато иллюстрировано. В нем, наряду с фотографиями из семейного архива Мансуровых, представлены снимки и открытки с видами старого Баку 100 – 150-летней давности.

Автор знакомит читателей с одним из древних и почетных бакинских бекских родов. История рода Мансуровых, согласно выявленным данным, берет свое начало в XVI столетии. Этот славный род подарил Баку немало ярких и талантливых личностей. В ханские времена – в XVIII веке – предки Мансуровых, находившиеся окружении хана и состоявшие с ним в близком родстве, входили в Диван – одну из ветвей власти. В частности, это были Ага Гаджи Керим бек и его сын – Ага Гаджи Мансур бек. Именно с именем последнего связано образование в XIX столетии фамилии рода. На протяжении двух столетий она, в зависимости от политической ситуации, не раз изменялась: Мансурханбековы, Мансурбековы, Мансурзаде, Мансуровы.

Старший сын Ага Гаджи Мансур бека – Гаджи Гасым бек, являлся близким родственником последнего бакинского правителя – Гусейн-Кули хана. Между прочим, хан пришел к власти во многом благодаря стараниям своего зятя – Гаджи Гасым бека.

В историю Гаджи Гасым бек вошел как первый в мире добытчик нефти со дна моря. Согласно документам и научным публикациям, именно он в 1803 г. (по другим сведениям – в 1798 г.) соорудил два нефтяных колодца в Каспийском море: на расстоянии 18 и 30 м от берега в Биби-Эйбатской бухте. Колодцы защищались от воды срубом из плотно сколоченных досок. Таким способом нефть добывали на протяжении многих лет. В реферате российских ученых под названием «Зарождение науки о разработке нефтяных месторождений», авторы отмечают, что в 1847–1848 гг., когда в Биби-Эйбате, на берегу Каспия, бурилась первая в мире нефтяная скважина, там уже было 25 колодцев, которые давали нефть. Не исключено, что они также принадлежали Гаджи Гасым беку.

После присоединения бакинского ханства к Российской империи, семья Ага Гаджи Мансур бека, вследствие своего родства с последним местным правителем Гусейн-Кули ханом, попала в список неблагонадежных. Русские власти относились к Мансуровым довольно пренебрежительно: в начале XIX века их лишают бекского звания, затем отнимают родовое село Туркян. Несмотря на это, сын Ага Гусейн бека – Ага Салах бек, своими благородными начинаниями возрождает прежнюю славу рода. Скупая старые дома, Ага Салах бек сносил их и строил дороги и площади. Сегодня в Ичери шэхер есть площадь, названная в его честь, – Ага Салах мейданы. Новая власть не могла не отметить вклад Мансуровых в развитие города. Ага Салах беку было присвоено звание «Почетного потомственного гражданина города Баку».

В музыкальной культуре Азербайджана Мансуровым принадлежит особое место. Еще в 60-х годах XIX века сын Ага Салах бека – Мешади Мелик бек становится основоположником мугамных меджлисов в Баку и на Апшероне. После него изучение, технику исполнения и пропаганду древних азербайджанских мугамов продолжили сыновья – Мешади Сулейман бек, заслуженный деятель искусств Мирза Мансур бек, внуки – народный артист республики Бахрам Мансуров, таристы НаDIR и Энвер Мансуровы.

В наше время правнуки Мешади Мелик бека – заслуженный деятель искусств, композитор Эльдар Мансуров (автор рецензируемой книги) и заслуженный артист республики, тарист Эльхан Мансуров, достойно продолжают музыкальные традиции рода.

ЖЕНЩИНА-ЛЕГЕНДА

К 100-летию со дня рождения С.Б.Ашурбейли

17 июля этого года исполнилось 6 лет, как ушла из жизни Сара ханум Бала бек кызы Ашурбейли (1906 – 2001) – женщина-легенда, чья жизнь и судьба отразили в себе все перипетии минувшего столетия, столетия сложного и противоречивого, трагического и великого. Видный ученый-историк (автор ряда монографий по истории Баку и Ширвана и множества статей), профессиональный художник (член Союза художников Azerbaijan), педагог (многие годы преподававшая иностранные языки в Педагогическом институте на факультете иностранных языков и в Азербайджанской государственной консерватории)...

Представительница древнего аристократического рода Ашурбековых*, Сара ханум получила блестящее образование и воспитание: гимназия в дореволюционном Баку, затем – колледж Жанны д'Арк (Institution sainte Jeanne d'Arc) в Стамбуле, снова Баку – историческое отделение восточного факультета Азербайджанского государственного университета... Она в совершенстве владела восемью языками, была необыкновенно эрудированна, обладала изысканными манерами и чисто женским обаянием. Твердость духа и чувство юмора помогли ей перенести все невзгоды, уготованные судьбой, а природное обаяние, ум, доброта и порядочность привлекали к ней интеллигентных, талантливых людей.

* О роде Ашурбековых см.: Ашурли Р.С. Род Ашур-хана // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Вып. 3. Баку, 2001. С. 7–30 (на азербайджанском и русском языках).

Судьба уготовила ей жизнь долгую, интереснейшую, и, вместе с тем, очень трудную, наполненную тяжелыми испытаниями и горькими потерями. Родившаяся в «николаевской» России, она пережила и революцию, и советизацию, и эмиграцию, и возвращение на родину, и страшные репрессии 30-х, унесшие отца и дядю, и не менее страшную войну, унесшую единственного брата. Дочь известного нефтепромышленника, потомственного дворянина, она пережила все семь десятилетий советской эпохи и уже на склоне лет с радостью и гордостью встретила свободу и независимость родного Азербайджана, изучению истории которого она посвятила всю свою жизнь.

Не простой была эта работа – писать историю родного города, родной страны. И не только потому, что проблема была малоизученна, что объема работы, да еще при той требовательности к себе, которой с молодости отличалась Сара ханум, хватило бы на целый институт. Были трудности и другого рода, казавшиеся порой непреодолимыми. «Как? Дочь нефтепромышленника, буржуя будет писать историю Азербайджана?! Забудьте! Занимайтесь чем угодно, но про историю забудьте! Забудьте навсегда!» – так кричали на нее в одном из самых высоких кабинетов. Пять (!) раз увольняли ее с работы. Да и потом, много лет спустя, когда уже пришло, наконец, признание, пришли награды, небо над ее головой редко бывало безоблачным.

Но не такой была Сара ханум, чтобы сдаться. Отступить – да... на время. Отступить? – Никогда! Недаром академик З.М.Бунятов назвал ее «маленькой женщиной с характером Наполеона».

В далекие 30-е годы молодая выпускница Восточного факультета Азербайджанского государственного университета работала в Азербайджанском государственном музее, в Институте истории Азербайджанского филиала Академии наук СССР, писала первые научные статьи, собирала материалы для будущей диссертации. Но не только историей приходилось ей заниматься. «Я – с гордостью говорила она, постукивая маленькой, но сильной ладошкой себя по груди, – я была главой семьи». И это действительно было так. Все заботы о младших сестрах и брате, об отце, так и не нашедшем себе места в «новой» жизни, о больной матери легли на ее хрупкие плечи.

В 1937 году дочь «врага народа» (отец был арестован годом раньше) увольняют с работы, заниматься историей ей отныне запрещено. Сара ханум идет преподавать французский и английский языки в Педагогический институт. В годы войны работает художником-декоратором в Азербайджанском Драматическом театре (в 1941 году она окончила Художественное училище им. А.Азимзаде), затем снова

преподает, заведует кафедрой иностранных языков в Заочном Педагогическом институте. Но все эти годы главным делом ее жизни остается История. Она упорно работала над кандидатской диссертацией, которую блестяще защитила в 1949 году в Ленинграде, в Институте востоковедения АН СССР. А в 1965 году столь же триумфально проходит защита ее докторской диссертации в г. Тбилиси. К этому времени Сара ханум уже работает старшим научным сотрудником Института истории АН Азербайджанской ССР.

Она никогда не тратила свое время и силы на борьбу с врагами и недоброжелателями, а их у нее, увы, было немало. «Бог меня любит, он сам с ними разберется» – говорила она. И, в самом деле, Сара ханум пережила всех своих недругов и недоброжелателей и умерла в весьма преклонном возрасте, до конца дней своих сохраняя и спокойствие, и твердость духа, и оптимизм, и столь присущее ей чувство юмора.

К счастью друзей всегда оказывалось больше, чем недругов. Микаэль Усейнов и Лятиф Керимов, Микаил Абдуллаев и Наджафукулу, Ниязи и Ариф Меликов, Зия Буниятов и многие, многие другие. Перечислить их всех просто нет возможности. Но о двух из многих рассказать просто необходимо.

Когда в конце 40-х годов после очередного увольнения она осталась без заработка, давний ее друг Рамазан Гамзатович Халилов, бесшумный личный секретарь Узеир бека Гаджибекова, пригласил ее на работу в Азербайджанскую государственную консерваторию на Кафедру иностранных языков, где она проработала до 1958 года. Рамазан Гамзатович, тоже проживший долгую и интересную жизнь, ненадолго пережил Сару ханум и похоронен в той же Аллее почетного захоронения, по удивительному стечению обстоятельств, почти напротив могилы Сары ханум.

И еще об одном человеке нельзя не упомянуть, говоря о друзьях Сары ханум, о бывшем директоре Института археологии, ныне, увы, покойном Ариф Аббасове. В 1993 году Сара ханум, только что опубликовавшая капитальный труд по истории города Баку, была уволена из Института истории по возрасту. Всю жизнь, желавшая лишь одного – чтобы ей не мешали заниматься наукой, она тяжело переживала этот очередной удар судьбы. И тогда именно Ариф муаллим пригласил ее в свой институт, где она и проработала до конца жизни.

Сара ханум прожила долгую и сложную жизнь. Жизнь эта завершилась, но остались ее книги, остались ее статьи, а главное – осталась история ее жизни, история, пожалуй, не менее интересная и поучительная, чем та, которую она описывала в своих книгах. И эта история мо-

жет многому научить того, кто, как и Сара ханум, избрал целью своей жизни служение Ее Величеству Науке.

7 июня 2006 года Институтом археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана была проведена юбилейная научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Азербайджана, Лауреата Государственной премии Азербайджана, доктора исторических наук Сары ханум Ашурбейли.

Открыл юбилейную сессию Президент НАН Азербайджана академик Махмуд Керимов. Выступавшие – директор Института, доктор исторических наук Маиса Рагимова, академик НАН Азербайджана Теймур Буниятов, члены-корреспонденты Октай Эфендиев и Фарид Мамедова и другие говорили об огромном вкладе Сары ханум в отечественную науку, о роли и значении ее работ, о ее твердости и принципиальности в отстаивании научной истины.

На юбилейном собрании состоялась презентация подарочного издания двух монографий Сары ханум: «Государство Ширваншахов» и «История города Баку. Средневековый период», изданных на азербайджанском (впервые латиницей) и русском языках к ее 100-летию на средства ее племянника Игоря Ашурбейли. Эти две монографии явились квинтэссенцией ее многолетнего труда по изучению истории родного города, родной страны.

Всего же Сарой ханум написано 5 монографий и свыше 100 статей. Ниже приводится библиография ее работ.

СПИСОК ТРУДОВ доктора исторических наук С.Б.АШУРБЕЙЛИ

Монографии и главы в обобщающих трудах:

1. Очерк истории средневекового Баку (VIII – нач. XIX вв.). Издательство АН Азербайджанской ССР: Баку, 1964 (336 стр.).
2. Государство Ширваншахов. Издательство «Элм»: Баку, 1983 (343 стр.).
3. Экономические и культурные связи Азербайджана с Индией в средние века. Издательство «Элм»: Баку, 1990 (152 стр.).
4. История города Баку. Период средневековья. Издательство «Азернешр»: Баку, 1992 (406 стр.).
5. Социально-экономическая и политическая история городов Ширвана XVI – XVII вв. Архив Института истории НАН Азербайджана. (250 стр.).

-
6. Внешние связи. Азербайджан и русы (IX – X вв.) // История Азербайджана. Т. III. Гл. 9. § 5. Баку. (11 стр.).
 7. Этнические процессы в Азербайджане в XVII в. Народности и племена в Азербайджане // История Азербайджана. Т. III. § 1. Баку. (13 стр.).
 8. Феодалные государства в Азербайджане во второй половине IX – X вв. // История Азербайджана. Т. III. Гл. 9. § 2. Баку. (14 стр.).

Статьи и другие публикации в специализированных научных изданиях:

9. Бомбейский профессор Модии об Азербайджане // Maarif və tədrisi. № 2. Баку, 1925 (на азерб. яз.). (Объем: 2 стр.).
10. Архитектурные памятники старого Баку // Путь изучения Азербайджана. №№ 4, 5. Баку, 1930 (на азерб. яз.). (Объем: 4 стр.).
11. Джалал Асад. Турецкое искусство. Рецензия // Путь изучения Азербайджана. №№ 4, 5. Баку, 1930 (на азерб. яз.). (Объем: 1 стр.).
12. Из истории Баку. Материалы декабрьской (1944) сессии // Известия АЗФАН СССР. № 1. Баку, 1945. (Объем: 2 стр.).
13. Об истории Сураханского храма огнепоклонников // Памятники архитектуры Азербайджана. Т. 1. Москва, 1946. (Объем: 12 стр.).
14. Баку XVI – XVIII вв. по описаниям путешественников // Известия АН Азербайджанской ССР. № 1. Баку, 1947. (Объем: 10 стр.).
15. «Подводная крепость» в Бакинской бухте (XIII в.) // Труды Института истории и философии. Т. VII. Баку, 1955. (Объем: 13 стр.).
16. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья // Труды Музея истории Азербайджана. Т. 1. Баку, 1956. (Объем: 46 стр.).
17. Памятники истории Азербайджана (соавтор) // Музей истории Азербайджана. Баку, 1956. (Объем: 150 стр.).
18. Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана // Труды Музея истории Азербайджана. Т. 2. Баку, 1957. (Объем: 17 стр.).
19. Памятники истории Азербайджана (соавтор) // Музей истории Азербайджана. Баку, 1958. (Объем: 148 стр.).
20. Экономические и культурные связи Азербайджана с Китаем в период средневековья // Первая Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 1957. (Объем: 2 стр.).

-
21. Экономические и культурные связи Азербайджана с Китаем в период средневековья // Материалы первой Всесоюзной конференции востоковедов в гор. Ташкенте. Ташкент, 1958. (Объем: 5 стр.).
 22. Некоторые данные об экономических и культурных связях Азербайджана с Китаем в средние века // Советское китаеведение. № 2. Москва, 1958. (Объем: 6 стр.).
 23. О названии города Баку // Доклады АН Азербайджанской ССР. Т. XIV. № 9. Баку, 1958. (Объем: 6 стр.).
 24. Абд ар-Рашид Бакуви – азербайджанский ученый-географ начала XV в. // Известия АН Азербайджанской ССР. № 5. Баку, 1958. (Объем: 8 стр.).
 25. Некоторые материалы по искусству Азербайджана XVI в. // Ученые записки Института Востоковедения. Т. 1. Баку, 1959. (Объем: 38 стр.).
 26. Сеяхет-наме Эвлия Челеби как источник по изучению социально-экономической и политической жизни городов Азербайджана в первой половине XVII в. // Доклады делегации СССР. XXV Международный конгресс востоковедов. Москва, 1960. (Объем: 12 стр.).
 27. О датировке возникновения города Баку // Доклады АН Азербайджанской ССР. № 3. Баку, 1961. (Объем: 6 стр.).
 28. Сеяхет-наме Эвлия Челеби // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 1963. (Объем: 5 стр.).
 29. Индийские купцы в средневековых городах Азербайджана и Ширвана // Народы Азии и Африки. № 4. Москва, 1964. (Объем: 5 стр.).
 30. Топонимика Апшерона в связи с вопросом этногенеза азербайджанцев // Известия АН Азербайджанской ССР. № 2. Баку, 1967. (Объем: 14 стр.).
 31. Древняя скульптура Азербайджана // Гобустан. № 1 (13). Баку, 1972. (Объем: 6 стр.).
 32. Новые исследования по истории города Баку и Девичьей башни // Гобустан. № 2 (14). Баку, 1972. (Объем: 3 стр.).
 33. Топоним Баку // Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. Баку, 1973. (Объем: 3 стр.).
 34. О датировке и назначении Гыз галасы в крепости Баку // Известия АН Азербайджанской ССР. Баку, 1974. (Объем: 13 стр.).

-
35. История средневекового Баку в произведениях В.В.Бартольда // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. Москва, 1974. (Объем: 3 стр.).
 36. Феодальные пожалования в Ширване в XV – XVII вв. // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. Москва, 1975. (Объем: 1 стр.).
 37. Организация и форма управления в городах Ширвана и Аррана в XI – XII вв. // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. Москва, 1976. (Объем: 2 стр.).
 38. Древнетюркские племена в Азербайджане в V – VII вв. // История и философия Турции. Научная сессия в честь 100-летия со дня рождения академика В.А.Гордлевского. 1976. (Объем: 8 стр.).
 39. Социальная структура городского населения Ширвана в XI – первой четверти XIII в. // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. Москва, 1978. (Объем: 2 стр.).
 40. «Ресалей-е фалакийе» Абдуллаха ибн Мухаммед ибн Кия ал-Мазандарани как источник по истории стран Закавказья // Всесоюзная научная сессия. Тезисы докладов. Кутаиси, 1979. (Объем: 3 стр.).
 41. Феодальные пожалования в Ширване в XV – XVII вв. // Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем Востоке. Москва, 1979. (Объем: 7 стр.).
 42. Организация и форма управления в городах Ширвана и Аррана в XI – XII вв. // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. Москва, 1979. (Объем: 6 стр.).
 43. Ценный труд по средневековой археологии Азербайджана // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. № 4. Баку, 1980. (Объем: 2 стр.).
 44. Ширваншах Фаррух Йасар II ибн Шейхшах // Доклады АН Азербайджанской ССР. Т. XXXVI. № 3. История. Баку, 1980. (Объем: 3 стр.).
 45. Католические миссионеры в Азербайджане в XVII в. // Средневековый Восток. История, культура, источниковедение. Москва, 1980. (Объем: 9 стр.).
 46. Интерпретация этнопонимов Азербайджана по Ашхарауицу (Армянская география VII в.) // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. Москва, 1981. (Объем: 2 стр.).

47. О топониме «Аран» // Материалы докладов II научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджанской ССР. Тезисы докладов. Баку, 1981. (Объем: 4 стр.).
48. Аран // Сборник по топонимии. Институт географии АН Азербайджанской ССР. Баку, 1981. (Объем: 8 стр.).
49. Ханака на реке Пирсагат и Ширваншахи // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. Москва, 1982. (Объем: 2 стр.).
50. Два новых письма Хакани Ширвани как источник по политическим взаимоотношениям Ширвана и Грузии во второй половине XII в. // Всесоюзная научная сессия. Тезисы докладов. Сухуми, 1982. (Объем: 2 стр.).
51. Эпистолярное наследие Хакани Ширвани как источник по социально-политической истории государства Ширваншахов во второй половине XII в. // II Всесоюзная конференция востоковедов. Тезисы докладов. Баку, 1983. (Объем: 2 стр.).
52. Топоним «Хараба-Гилан» // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. № 1. Баку, 1983. (Объем: 8 стр.).
53. Интерпретация этнотопонимов Азербайджана по Ашхарауццу (Армянская география VII в.) // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего Востока. Москва, 1984. (Объем: 9 стр.).
54. Азербайджанская поэзия XII в. как исторический источник по истории государства Ширваншахов // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. Москва, 1984. (Объем: 2 стр.).
55. «Ресалей-е фалакийе» Абдуллаха ибн Мухаммад ибн Кия ал-Мазандарани как источник по социально-экономической истории Грузии // Источниковедческие разыскания 1979 г. Тбилиси, 1984. (Объем: 9 стр.).
56. Ханака на реке Пирсагат и Ширваншахи // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. Москва, 1985. (Объем: 5 стр.).
57. Древнеармянские письменные памятники V – VII в.в. о племенах и народах Кавказа // Всесоюзная научная сессия. Тезисы докладов. Батуми, 1985. (Объем: 2 стр.).
58. Два новых письма Хакани Ширвани как источник по политическим взаимоотношениям Ширвана и Грузии во второй половине XII в. // Источниковедческие разыскания 1982 г. Тбилиси, 1985. (Объем: 7 стр.).

-
59. Об уточнении датировки сочинения ал-Мазандарани «Ресалей-е фалакийе» // Бартольдские чтения. Тезисы докладов. Москва, 1987. (Объем: 2 стр.).
 60. Уточнение датировки ал-Мазандарани и достоверность его сведений об Азербайджане // Сборник Института Востоковедения АН СССР, посвященный «Бартольдским чтениям». Москва, 1987. (Объем: 9 стр.).
 61. Эпистолярное наследие Хакани Ширвани как источник по социально-политической истории государства Ширваншахов во второй половине XII в. // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. Москва, 1988. (Объем: 6 стр.).
 62. К вопросу о социальной структуре городов Ширвана и Дербенда в XI – XII вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. (Объем: 8 стр.).
 63. О локализации некоторых топонимов, упомянутых в «Книге моего деда Коркута» // Всесоюзная научная сессия. Тезисы докладов. Кутаиси, 1988. (Объем: 3 стр.).
 64. Древнеармянские письменные памятники V – VII вв. о племенах и народах Кавказа // Источниковедческие разыскания 1985 г. Тбилиси, 1988. (Объем: 7 стр.).
 65. Азербайджанская поэзия XII в. как исторический источник по истории государства Ширваншахов // Сборник Института Востоковедения АН СССР, посвященный «Бартольдским чтениям» 1984 г. Москва, 1989. (Объем: 8 стр.).

**Статьи в Азербайджанской Советской Энциклопедии
(на азербайджанском языке):**

66. Аблана // Т. 1. Баку, 1976.
67. Адиабла // Т. 1. Баку, 1976.
68. Аза // Т. 1. Баку, 1976.
69. Алам // Т. 1. Баку, 1976.
70. Албана // Т. 1. Баку, 1976.
71. Апшерон // Т. 1. Баку, 1976.
72. Баку // Т. 1. Баку, 1976.
73. Бакуви // Т. 1. Баку, 1976.
74. Белл Джон // Т. 2. Баку, 1977.
75. Биберштейн Маршалл // Т. 2. Баку, 1977.
76. Биби-Эйбат // Т. 2. Баку, 1977.
77. Бруин Корнели // Т. 2. Баку, 1977.
78. Газыбей // Т. 2. Баку, 1977.

79. Гыз галасы // Т. 3. Баку, 1979.
80. Деглана // Т. 3. Баку, 1979.
81. Декет Джеффри // Т. 3. Баку, 1979.
82. Дуваны // Т. 3. Баку, 1979.
83. Фавст Византийский (Павстос Бузанд) // Т. 7. Баку, 1983.
84. Рубрук Вильгельм // Т. 8. Баку, 1984.
85. Государство Ширваншахов // Т. 10. Баку, 1987.

Научно-популярные статьи по истории Баку:

86. О названии города Баку // Газета «Баку». № 100. 8 мая 1958 г. (на азерб. яз.).
87. Баку 1500 лет // Газета «Баку». № 106. 16 мая 1958 г. (на азерб. яз.).
88. Баку в период раннего феодализма // Газета «Баку». № 121. 3 июня 1958 г. (на азерб. яз.).
89. Гыз галасы // Газета «Баку». № 131. 14 июня 1958 г. (на азерб. яз.).
90. Баку в период развитого феодализма // Газета «Баку». № 146. 2 июля 1958 г. (на азерб. яз.).
91. Ремесло и торговля Баку в X – XV вв. // Газета «Баку». № 165. 24 июля 1958 г. (на азерб. яз.).
92. Социальные отношения Баку в X – XV вв. // Газета «Баку». № 221. 27 сентября 1958 г. (на азерб. яз.).
93. Политическая история Баку в X – XV вв. // Газета «Баку». № 258. 12 ноября 1958 г. (на азерб. яз.).
94. Культура и искусство Баку в XI – XV вв. // Газета «Баку». № 51 (350). 2 марта 1959 г. (на азерб. яз.).
95. Хозяйственная жизнь города Баку в XVI – XIX вв. // Газета «Баку». № 87 (386). 13 апреля 1959 г. (на азерб. яз.).
96. Ремесло и торговля Баку в XVI – XIX вв. // Газета «Баку». № 128 (427). 2 июня 1959 г. (на азерб. яз.).
97. Политическая история Баку в XVI – XIX вв. // Газета «Баку». № 177 (476). 29 июля 1959 г. (на азерб. яз.).
98. Рецензия на книгу М.А.Усейнова, А.В.Салам-заде, Л.С.Бретаницкого «Архитектура Азербайджана» // Газета «Коммунист». 1967 г. (на азерб. яз.).
99. Рецензия на книгу З.М.Буниятова «Государство атабеков Азербайджана» (Баку: Элм, 1978) // Журнал «Литература и искусство». 1979 г. (на азерб. яз.).
100. Азербайджан и Индия. Многовековые связи // Газета «Баку». № 160 (7329). 18 июля 1987 г. (на азерб. яз.).

-
101. Азербайджано-индийские связи // Газета «Литература и искусство». № 35 (2274). 28 августа 1987 г. (на азерб. яз.).
 102. Святыня Биби-Эйбата // Газета «Вышка». № от 8 февраля 1992 г.
 103. Мечта Набат ханум // Газета «Вышка». № от 22 июля 1990 г.

Научные переводы:

104. Маршалл фон Биберштейн. Описание провинций, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура. СПб., 1789 (перевод с французского языка на русский). Научный архив Института истории НАН Азербайджана.
105. Абд ар-Рашид Бакуви. «Тальхисад-асар ва аджаиб малик алнаххар», изд. Де Гинье. Париж, 1789 (перевод с французского языка на русский). Научный архив Института истории НАН Азербайджана.
106. Хади Хасан, Фелак-и Ширвани. Лондон, 1929 (перевод с английского языка на русский). Научный архив Института истории НАН Азербайджана.
107. В.Ф.Минорский. История Ширвана и Дербенда. Кембридж, 1958 (редактор перевода с английского языка на русский). Архив Института народов Ближнего и Среднего Востока НАН Азербайджана.

Статьи, изданные за рубежом на иностранных языках:

108. Economic and cultural relations of Azerbaijan with China in medieval time // Historical magazine. No. 2. China, Peking, 1958. (Объем: 8 стр.).
109. Indian merchants in Medieval Azerbaijan Towns // Journal Amity. India, Bombay, 1964. (Объем: 7 стр.).
110. The work of Abd ar-Rashid al-Bakuvi... as a source for the study... of Azerbaijan // XXVII International Congress of orientalists. Moscow, 1967. (Объем: 16 стр.).
111. Les anciennes tribus turques en Azerbaydjan // Melanges 1992. Paris, 1992. (Объем: 15 стр.).
112. Государство Ширваншахов и Великий шелковый путь // Анкара, 1992 (на турецком яз.). (Объем: 10 стр.).
113. Древне-тюркские племена в Азербайджане // Тюрк-тарих курумы, Анкара, 1992 (на турецком яз.). (Объем: 10 стр.).

Примечание:

Помимо вышеперечисленных работ Сара ханум Ашурбейли также подготовила карту Ширвана IX – X вв.

Награды и почетные звания Сары ханум Ашурбейли:

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – 1946 г.

Медаль «Ветеран труда» – 1978 г.

Заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР – 1982 г.

Государственная премия Азербайджанской ССР – 1986 г.

Орден «Дружба народов» – 1986 г.

Почетная грамота Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР – 1986 г.

Тагиевская премия – 1994 г.

Премия им. А.-К.Бакиханова – 1994 г., 1996 г.

Орден «Слава» («Şöhrət» ordeni) – 1996 г.

Почетное звание «Женщина года» – 1998 г.

АВТОРЫ СТАТЕЙ ШЕСТОГО ВЫПУСКА СБОРНИКА «ИЗВЕСТИЯ АИРО»

АБРАМЯН Рафаэл Михайлович (род. 1979) – кандидат педагогических наук (Москва).

АБУТАЛЫБОВ Рамиз Абуталыбович (род. 1937) – член Международной федерации журналистов (Москва).

АХМЕДОВ Сабухи Ахмед оглы (род. 1975) – кандидат исторических наук, заведующий Отделом геральдики Национального Музея Истории Азербайджана.

АШУРЛИ Рамиз Сулейман оглы (род. 1949) – действительный член АИРО, старший преподаватель Международного Института Изобретательства и Бизнеса.

ДЖАВАНШИР Нурлана Аллахъяр кызы (род. 1959) – действительный член АИРО; старший преподаватель кафедры «История Азербайджана древних и средних веков» Факультета истории БГУ.

ИСМАИЛОВ Эльдар Эльхан оглы (род. 1974) – заместитель председателя АИРО, главный редактор «Известий АИРО», член-корреспондент Международной генеалогической академии.

КАДЖАР Камран Ариф оглы (род. 1974) – заместитель председателя АИРО.

КАДЖАР Чингиз Овейс оглы (род. 1929) – председатель АИРО, академик НАН Азербайджана, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР.

МОЛЧАНОВ Аркадий Анатольевич (род. 1947) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва).

НАГДАЛИЕВ Фархад Фарманович (род. 1971) – кандидат биологических наук (Москва).

НУРИЕВА Захра Азер кызы (род. 1980) – магистр лингвистики (Москва).

ПЧЕЛОВ Евгений Владимирович (род. 1971) – кандидат исторических наук, доцент Кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

РУСТАМЗАДЕ Панах Гулу оглы (род. 1959) – филолог-руссист.

ХАНЛАРОВ Азер Талаат оглы (род. 1959) – действительный член АИРО, доктор философии в области технических наук.

ЧИНГИЗОГЛУ Энвер (Фараджев) (род. 1962) – действительный член АИРО, старший редактор ЗАО «Аз.ТВ»

«Azərbaycan Tarixi Şəcərə Cəmiyyətinin Xəbərləri».
Altıncı buraxılış. Bakı, 2007.

Gətirilmiş faktların, sitatların, tərixlərin və başqa mə'lumatların doğruluğuna görə, məs'uliyəti çap olunmuş materialların müəllifləri daşıyır.

**TOPLUNUN MATERIALLARINDAN İSTİFADƏ
EDƏRKƏN, MÜTLƏQ
«ATŞC-nin XƏBƏRLƏRİ»NƏ
İSTİNAD ETMƏK GƏRƏKDİR.**

*Redaksiya və müəllifin
nöqteyi-nəzəri
uyğunlaşmaya da bilər.*

Ответственность за точность приведённых фактов, цитат, дат и иных сведений несут авторы публикуемых материалов.

**ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ
МАТЕРИАЛОВ СБОРНИКА ССЫЛКА НА
«Известия Азербайджанского Историко-Родословного Общества»
ОБЯЗАТЕЛЬНА.**

*Точка зрения редакции
может не совпадать
с мнением автора.*

Дизайн: Сулейман Искендеров
Верстка: Рахилия Мамедова

Подписано к печати: 20.11.2007
Формат бумаги: 60x84 1/16. Усл.печ.л.: 10,5
Тираж: 500 экз. Заказ: № 235

Книга подготовлена к печати
в издательстве «Адилъоглы».
Адрес: г.Баку, ул.С.Рагимова, 195/17
Тел.: 498-68-25; 418-68-25 ; Факс: 498-08-14
Web: www.adiloglu.az; E-mail: info@adiloglu.az

Отпечатано в типографии ООО "Теймур Полиграф"
с готовых диапозитивов.
Адрес: г.Баку, ул.Саламзаде, 31